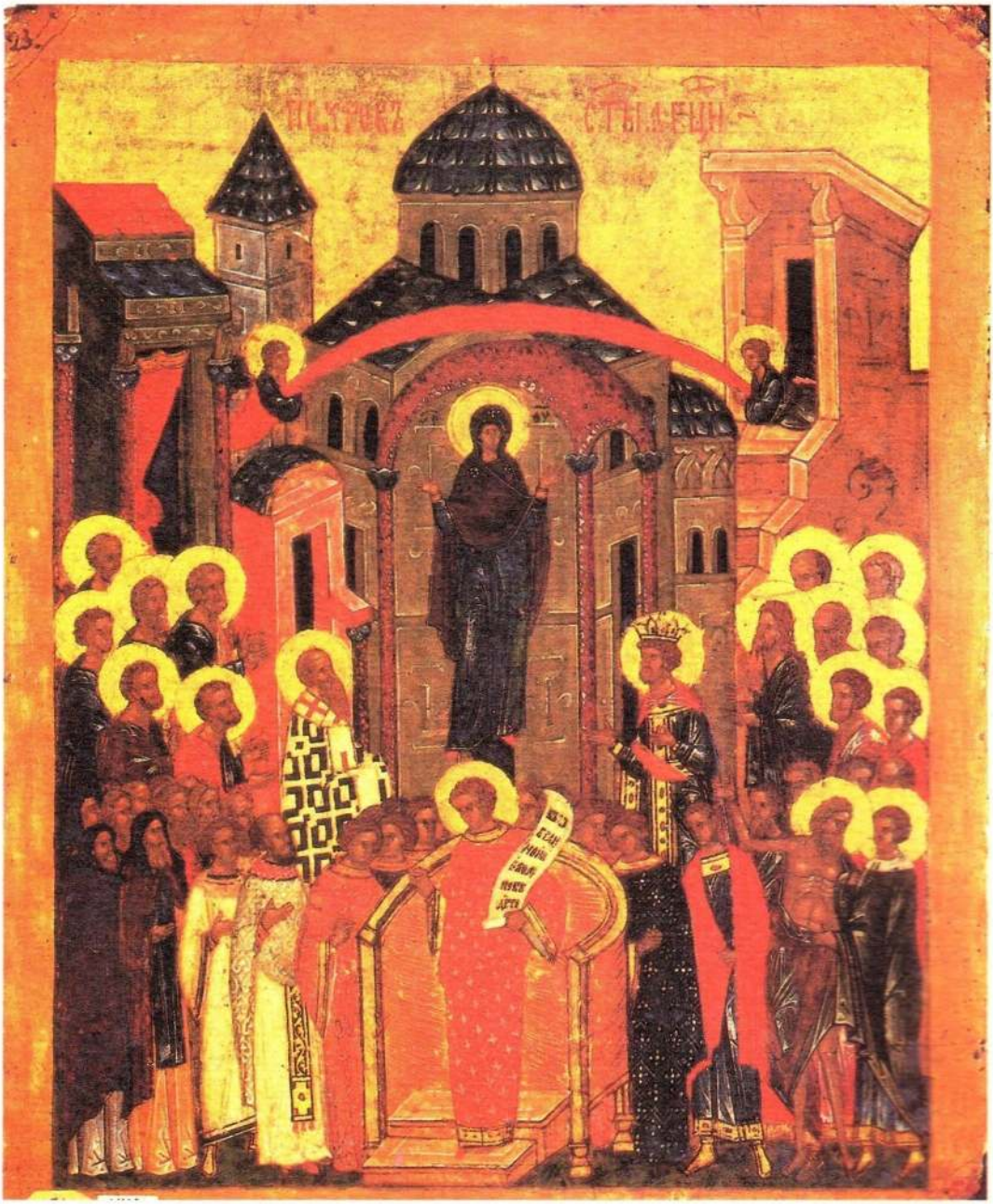
ISSN-0132-862X

9/10
1994

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ БОГОРОДИЦЫ

Икона конца XV века,
Новгород, Софийский собор

1994 · 9-10

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор-председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

В Священном Синоде Русской Православной Церкви 2
Памяти Верховного Патриарха и Католикоса всех армян ВАСКЕНА I 6
Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II на погребение Святейшего Патриарха и Католикоса всех армян ВАСКЕНА I 14

ПРОПОВЕДЬ

Архиепископ МИХАИЛ (Мудьюгин). Усекновение главы Иоанна Предтечи 16
Священник Сергий МЕЧЕВ
День церковного новолетия (1 сентября) 18
Рождество Пресвятой Богородицы 20
Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин). О памяти смертной 23
Протоиерей Александр ШМЕМАН. Радуйся, заре таинственного дня! 27

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Священник Сергий ЯВИЦ. Начало учебного года в Московских Духовных школах 30
Передавая духовный опыт (интервью с ректором МДА епископом Дмитровским *ФИЛАРЕТОМ)* 33
Любовь НИКОНОВА. Школа и Церковь 37

* * *

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ. К Покрову 40

СВЯТАЯ РУСЬ

Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников). Житие иеромонаха Варнавы (Меркулова), старца Гефсиманского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре 41
Г. И. МОГИЛЕВЦЕВ. Отец Сергий МЕЧЕВ 59
Татьяна МИНУХИНА. Исполняющий волю Божию пребывает вовек... (О женской святости на Руси) 62

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр УСОВ. Первая походная церковь на российском военном флоте 76

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Виктор АФАНАСЬЕВ. Жизнь святого Антония Великого 88

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Б. Н. ТАРАСОВ. Без Бога и любви 121

ИЗ ДУХОВНОГО ОПЫТА

Профессор протоиерей Павел СВЕТЛОВ. Афоризмы и мысли верующего 133

* * *

7502–Хронограф–1994 142

В Священном Синоде Русской Православной Церкви

Заседание от 5 октября 1994 года

СВЯЩЕННЫЙ СИНОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА

выразил глубокое удовлетворение успешным осуществлением официальных визитов Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Финляндской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви в Финляндии, которые проходили с 17 по 25 сентября 1994 года и должны послужить дальнейшему развитию сотрудничества между Русской Православной Церковью и Церквами в Финляндии, укреплению связей между христианами России и Финляндии (см. журнал 51);

заслушал доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений, о его посещении Эстонской Республики в период с 14 по 16 августа 1994 года и о его встрече и беседе с министром внутренних дел Эстонии г-ном Х. Арике. В ходе беседы митрополит Кирилл изложил позицию Русской Православной Церкви по вопросу регистрации Православной Церкви в Эстонии с Уставом 1935 года таким образом, чтобы Церковь могла сохранить во владении используемые ею ныне приходские храмы, храмы, здания и земли Успенского Пюхтицкого монастыря и иное движимое и недвижимое имущество. Министр г-н Арике изложил позицию своего министерства, которая сводится к тому, что министерством внутренних дел уже зарегистрирован Устав 1935 года за так называемым "Синодом Эстонской Апостольской Православной Церкви в изгнании" юрисдикции Константинопольского Патриархата и в силу этого Православная Церковь в Эстонии не может быть зарегистрирована под этим наименованием. Министр предложил без промедления зарегистрировать Православную Церковь в Эстонии юрисдикции Московского Патриархата под иным наименованием. При этом все вопросы, связанные с приходской и монастырской собственностью, в каждом отдельном случае должны будут решаться судебным путем.

ПОСТАНОВИЛ:

1. Доклад принять к сведению.

2. Выразить принципиальное несогласие и горечь по поводу изложенной министром внутренних дел Эстонской Республики г-ном Арике позиции его министерства в отношении юридического оформления Православной Церкви в Эстонии, как нарушающей элементарные права человека и находящейся в противоречии с общеевропейскими нормами религиозной свободы.

3. Отметить, что опыт современной жизни Православной Церкви в Эстонии юрисдикции Московского Патриархата показывает, что судебные инстанции в этом государстве склонны решать подобные вопросы исключительно в пользу "Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви в изгнании". В силу этого предлагаемая Православной Церкви в Эстонии юрисдикции Московского Патриархата регистрация явится орудием лишения Церкви, ее приходов и монастырей храмов и движимого и недвижимого имущества.

4. Направить Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений, и Преосвященного епископа Таллиннского и всея Эстонии Корнилия в Стамбул для переговоров по вышеизложенному вопросу со Святейшим Патриархом Вселенским Варфоломеем I.

5. Выразить надежду, что священноначалие Константинопольского Патриархата, в чьей юрисдикции находится "Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви в изгнании", примет мудрое решение, способное предотвратить разгром Православной Церкви в Эстонии.

6. Выразить надежду, что Правительство Эстонской Республики не допустит вопиющего попрания прав человека и религиозной свободы в отношении священнослужителей, монашествующих и мирян Православной Церкви в Эстонии юрисдикции Московского Патриархата и на практике обеспечит в своей стране соблюдение общепризнанных на Европейском континенте гражданских прав и свобод (см. журнал 52);

утвердил тексты тропарей и кондаков священномученикам протоиерею Иоанну Кочурову и протопресвитеру Александру Хотовицкому, представленные в связи с их предстоящей канонизацией митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном, Председателем богослужебной комиссии (см. журнал 53);

заслушав представленные Ювеналием, митрополитом Крутицким и Коломенским, акты о мироточении от икон Святой Троицы и Казанской Божией Матери в Знаменской церкви с. Кузьминского Домодедовского района Московской области, п о с т а н о в и л вознести благодарение Господу за Его благодатную милость, явленную через образ Святой Троицы и Казанскую икону Божией Матери, признать истечение мира от указанных икон событием сверхъестественным, а самые иконы – чудотворными (см. журнал 54);

заслушав представленный митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, Председателем Комиссии по канонизации святых, доклад возглавляемой им Комиссии о канонизации митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова; 1782–1867), п о с т а н о в и л одобрить представленный доклад; выработанные Комиссией по канонизации святых материалы передать на рассмотрение Архиерейского Собора 29 ноября – 2 декабря с. г.; одобрить представленное иконографическое изображение митрополита Филарета (см. журнал 55);

заслушав рапорт митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, п о с т а н о в и л благословить возобновление монашеской жизни в Старо-Голутвином Богоявленском монастыре г. Коломны Московской области, настоятелем обители назначить клирика Московской епархии иеромонаха Кирилла (Федотова) с возведением его в сан игумена и возложением наперсного креста (см. журнал 56);

заслушав рапорт митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, н а з н а ч и л иеромонаха Бориса (Петрухина) настоятелем Лужецкого Ферапонтова мужского монастыря с возведением его в сан игумена (см. журнал 57);

заслушав рапорт митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, п о с т а н о в и л освободить от обязанностей члена Комиссии по канонизации святых клирика Московской епархии иерея Александра Макарова, согласно поданному им прошению; включить в состав Комиссии насельника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Георгия (Тертышникова) (см. журнал 58);

заслушав доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла об участии возглавляемой им делегации Русской Православной Церкви во встрече с представителями Объединенной Методистской Церкви в США, состоявшейся в Москве 1–2 сентября 1994 года, п о с т а н о в и л одобрить позицию представителей Русской Православной Церкви на состоявшейся встрече; с сожалением отметить факт расширения сети методистских приходов на территории стран СНГ, осуществляемого за счет лиц, никогда ранее к методизму не относившихся и чаще всего имеющих православные корни; подчеркнуть, что подобная деятельность нарушает взаимоотношения партнеров и разрушает существующие экуменические связи; выразить надежду, что в дальнейшем будут найдены пути разрешения трудностей, возникших во взаимоотношениях между двумя Церквами (см. журнал 59);

заслушал доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла о его поездке в Женеву, Швейцария, и о имевших место 6 сентября 1994 года встречах с д-ром Конрадом Райзером, Генеральным Секретарем Всемирного Совета Церквей, и

Жаном Фишером, Генеральным Секретарем Конференции Европейских Церквей. В переговорах с ними были затронуты вопросы участия Русской Православной Церкви в деятельности Всемирного Совета Церквей и Конференции Европейских Церквей. Преосвященным митрополитом Кириллом был особо поставлен вопрос о защите прав человека и религиозной свободы в странах Содружества Независимых Государств и Балтии.

Священный Синод п о с т а н о в и л одобрить позицию митрополита Кирилла на переговорах и выразить надежду, что Всемирный Совет Церквей и Конференция Европейских Церквей умножат свои усилия в защиту прав человека и религиозной свободы, изначала входящую в программу их деятельности и поэтому столь близкую им, особенно в разрешении проблем русскоязычного населения в странах Балтии (см. журнал 60);

заслушал доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла о посещении им с 12 по 14 сентября 1994 года Германии и о состоявшихся его встречах и беседах с политическими и общественными деятелями этой страны, с представителями деловых кругов и средств массовой информации. В ходе этих бесед обсуждались вопросы, относящиеся к предстоящему визиту Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Германию, намеченному на ноябрь 1995 года, а также вопросы, связанные с гуманитарной помощью, которая оказывается России Германией через Русскую Православную Церковь;

п о с т а н о в и л отметить полезность предстоящего посещения Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II Германии; одобрить позицию Преосвященного митрополита Кирилла на этих встречах (см. журнал 61);

заслушав доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений, о Берлинско-Германской епархии Московского Патриархата, п о с т а н о в и л протоиерея Владимира Башкирова в связи с истечением срока командировки освободить от обязанностей настоятеля храма во имя святых равноапостольных Константина и Елены в Тегеле, Берлин, и направить в распоряжение Преосвященного митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси (см. журнал 62);

п о с т а н о в и л Преосвященному архиепископу Иову, бывшему Житомирскому и Новгород-Волынскому, быть викарием Московской епархии с титулом "Одинцовский" (см. журнал 63);

по ходатайству митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия б л а г о с л о в и л открытие в Воронежской епархии Спасо-Преображенского Толшевского монастыря для возрождения в нем монашеской жизни (см. журнал 64);

по ходатайству архиепископа Вятского и Слободского Хрисанфа б л а г о с л о в и л открытие в Вятской епархии женского монастыря в честь Владимирской иконы Божией Матери (см. журнал 64);

по ходатайству епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона б л а г о с л о в и л открытие Свято-Николаевского женского монастыря в г. Туринске (см. журнал 64);

по ходатайству митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира б л а г о с л о в и л открытие Свято-Донского Старочеркасского мужского монастыря в бывшем Ефремовом Старочеркасском монастыре Ростовской епархии (см. журнал 64);

по ходатайству епископа Ульяновского и Мелекесского Прокла б л а г о с л о в и л открытие женского Михайловского монастыря при храме Архистратига Михаила в с. Комаровка Ульяновского района и Казанского мужского монастыря в с. Жадовка Барышского района – бывшей Жадовской Казанско-Богородицкой пустыни (см. журнал 64);

по ходатайству епископа Ярославского и Ростовского Михея б л а г о с л о в и л

открытие в с. Быкове Некоузского района Ярославской области Покровского женского монастыря (см. журнал 64);

заслушав рапорт архиепископа Тамбовского и Мичуринского Евгения о том, что протоиерей Анатолий Солопов, учинивший в августе 1992 года раскол с захватом Боголюбского собора в городе Мичуринске и перешедший в Зарубежную церковь, принес всенародное покаяние и после прочтения над ним молитвы о снятии запрещения был принят в молитвенное и евхаристическое общение, с удовлетворением принял к сведению раскаяние протоиерея Анатолия Солопова и возвращение его в лоно Матери Церкви (см. журнал 65);

заслушав рапорт архиепископа Краснодарского и Новороссийского, б л а г о с л о в и л перевести три прихода Московского Патриархата, находящиеся на территории Армении (храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Ереване, храм Пресвятой Богородицы в г. Ванадзоре и храм святых Кирика и Иулиты в с. Димитрове Арташанского района) в Майкопскую епархию, о чем и послать соответствующие Указы (см. журнал 66);

заслушав рапорт архиепископа Ижевского и Удмуртского Николая о завершении реставрации в соборе святого благоверного князя Александра Невского в Ижевске, б л а г о с л о в и л считать этот собор Кафедральным (см. журнал 67);

заслушав рапорт епископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония, б л а г о с л о в и л открыть в г. Кемерове филиал Свято-Тихоновского богословского института (см. журнал 69);

в соответствии с прошением епископа Ярославского и Ростовского Михея б л а г о с л о в и л открытие в г. Ярославле Духовного училища (см. журнал 70);

заслушав доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла о заседании Рабочей группы III единицы ВСЦ "Экономика, экология и жизнеспособное общество" и Консультации Всемирного Совета Церквей с Церквами в России и других государствах ближнего зарубежья на тему "Экономика, ценности и общество в России" 12–17 сентября 1994 года,

выразил удовлетворение результатами Консультации и достигнутыми на ней договоренностями о дальнейшем продолжении работы и сотрудничества между церквами по вопросам экономического развития государства и о его влиянии на духовно-нравственное состояние общества и экологическую обстановку в России;

одобрил предложение о создании Международной Совещательной группы по проблемам экономики, экологии, этики общества и государства в сотрудничестве с представителями Всемирного Совета Церквей, международных и российских экспертов по проблемам экономики, представителей научных кругов и церквей России;

поручил Отделу внешних церковных сношений Московского Патриархата совместно с группой планирования Консультации разработать концепцию долгосрочной программы сотрудничества церквей по исследованию взаимоотношений между Церковью, государством и обществом в вопросах экономики, экологии и этики и оказанию Церквам практической поддержки в развитии внутрицерковных инициатив и наметить приоритеты в осуществлении намеченного консультацией списка задач (см. журнал 71).

Памяти Верховного Патриарха и Католикоса всех армян ВАСКЕНА I

18 августа 1994 года на 86-м году жизни после продолжительной тяжелой болезни скончался великий сын братского армянского народа Святейший Верховный Патриарх и Католикос всех армян Васкен I.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в тот же день направил телеграмму с соболезнованием Верховному Духовному Совету Армянской Апостольской Церкви.

Святейший Васкен I родился 20 сентября 1908 года в Бухаресте. Его мирское имя — Левон-Карапет Балджян. В 1936 году он окончил факультет литературы и философии в Бухарестском университете и защитил диссертацию "Вопрос дисциплины в новой педагогике". Был преподавателем в армянской школе в Бухаресте, редактором журнала "Херк".

В сентябре 1943 года рукоположен во пресвитера, затем возведен в сан архимандрита с наречением имени Васкен. В 1943—1945 годах вновь занимался в Бухарестском университете — на православном богословском факультете. В июле 1951 года в Эчмиадзине посвящен во епископа Румынской епархии Армянской Церкви, с января 1955 года управлял Болгарской епархией.

2 октября 1955 года возведен на Патриарший престол Католикосом всех армян с именем Васкен I.

Как отмечал в своей телеграмме Святейший Патриарх Алексий II, Патриарх и Католикос Васкен I был Предстоятелем исключительных дарований.

Общеизвестны усилия Святейшего Васкена I, направленные на созидание единства и Армянской Церкви, и армянского народа. Патриарх и Католикос Васкен I выступал с важными миротворческими инициативами. Его церковный и гражданский подвиг, по словам Патриарха Алексия II, явился украшением древнего и славного Армянского Апостольского престола.

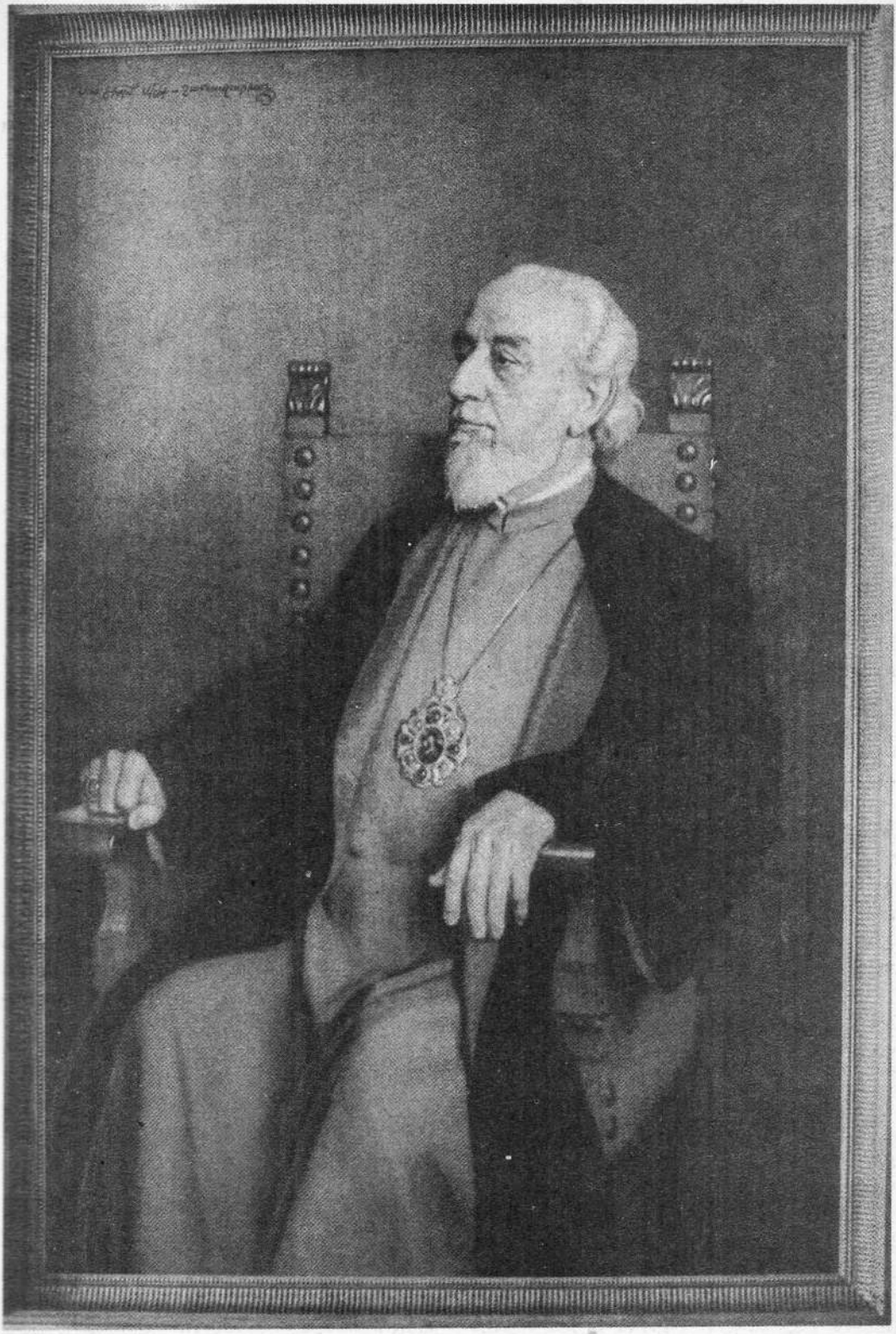
Значительным был вклад Святейшего Васкена I в развитие и упрочение братского сотрудничества Армянской Апостольской Церкви с Русской Православной Церковью, а также с другими Православными Церквами, с Церквами и религиозными общинами иных традиций. Патриарх и Католикос Васкен I являлся непременным участником крупных событий в жизни Русской Православной Церкви.

Святейший Васкен I был духовным наставником и отцом армян всего мира. Его деятельность воспринималась всеми знавшими его как образец преданности и самоотверженности в служении Церкви и своему народу.

Погребение почившего Предстоятеля Армянской Апостольской Церкви было совершено в воскресенье 28 августа 1994 года, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, в первопрестольном кафедральном соборе "Святой Эчмиадзин".

На погребении Патриарха и Католикоса всех армян Васкена I Русскую Православную Церковь по благословению Святейшего Патриарха Алексия II представлял Высокопреосвященный митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, председатель Издательского отдела Московского Патриархата.

Делегация Русской Православной Церкви — Высокопреосвященный митрополит Питирим и Вячеслав Овсянников, редактор Издательского отдела, — прибыла в аэропорт Еревана "Звартноц" днем 27 августа. В аэропорту делегацию встречали архиепископ Воскан, архиепископ Тиран, начальник Департамента внешних сношений Правительства Республики Армении Василий Казарян, другие официальные лица. В числе

Святейший Верховный Патриарх и Католикос всех армян Васкен I

Высокопреосвященный митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, председатель Издательского отдела Московского Патриархата, у гроба с телом Святейшего Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Васкена I

Погребальная процессия во время торжественного обнесения гроба с телом Патриарха и Католикоса Васкена I вокруг кафедрального собора "Святой Эчмиадзин".
Справа налево:
Местоблюститель Патриаршего престола Католикосов всех армян Армянский Иерусалимский Патриарх Торгом Манукян, Армянский Патриарх Киликийский Карекин Саркисян, Армянский Патриарх Константинопольский Карекин Казанчан

Кафедральный собор "Святой Эчмиадзин". Чин Святого Елея над телом почившего Предстоятеля Армянской Апостольской Церкви Патриарха и Католикоса Васкена I

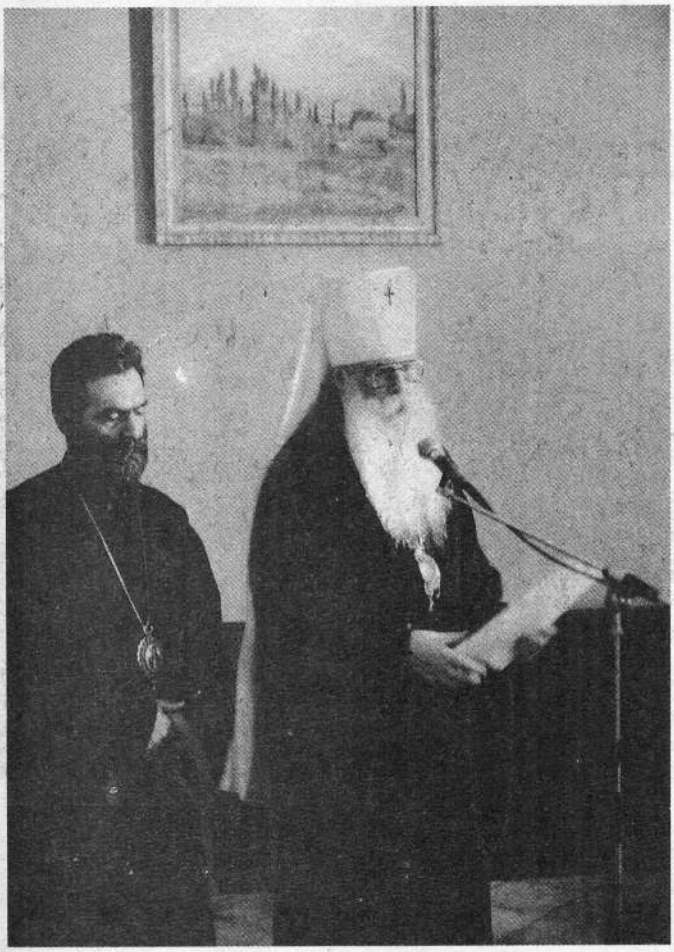

Торжественное обнесение гроба с телом Святейшего Васкена I вокруг кафедрального собора. Святое Евангелие читает Местоблюститель Патриарх Торгом Манукян

Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II (в центре), иерархи Армянской Апостольской Церкви, Православных Церквей — Константинопольской, Русской, Румынской, Римско-Католической, представители Церквей протестантской традиции во время торжественного обнесения гроба с телом Святейшего Васкена I вокруг кафедрального собора

Высокопреосвященный митрополит Питирим на поминальном ужине оглашает Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на погребение Святейшего Патриарха и Католикоса всех армян Васкена I

Нескончаем был поток людей, прибывших проститься с почившим Патриархом и Католикосом Васкеном I. Здесь, у кафедрального собора, были не только армяне, но и русские и люди многих других национальностей

встречавших был настоятель русского православного храма Покрова Пресвятой Богородицы в Ереване священник Владимир Глазачев. Отец Владимир присоединился к делегации и вместе с ней участвовал во всех визитах и мероприятиях, был на всех погребальных богослужениях.

В интервью работникам прессы там же, в аэропорту, а затем и во время погребальных торжеств митрополит Питирим выразил соболезнования Армянской Апостольской Церкви и всему армянскому народу от имени Святейшего Патриарха Алексия II и от всей Русской Православной Церкви.

Во второй половине дня митрополит Питирим прибыл в г. Эчмиадзин, расположенный примерно в 20 километрах от Еревана. В первопрестольном кафедральном соборе "Святой Эчмиадзин" митрополит Питирим поклонился гробу с телом почившего Патриарха и Католикоса Васкена I. Лицо Святейшего Васкена I не было покрыто. (Как известно, в Русской Православной Церкви лица умерших православных монахов, клириков, епископов и Патриархов покрывают.)

Затем состоялась аудиенция у Местоблюстителя Патриаршего престола Католикосов всех армян — Армянского Иерусалимского Патриарха Торгома Манукяна.

В тот же день митрополит Питирим был принят Президентом Республики Армении Левоном Тер-Петросяном, Председателем Комиссии по организации похорон Патриарха и Католикоса Васкена I.

Митрополит Питирим передал Местоблюстителю и Президенту соболезнования Его Святейшества Патриарха Алексия II. В беседах с Местоблюстителем и Президентом отмечались дружественные связи и многосторонние контакты Русской и Армянской Церквей, подчеркивалось, что эта искренняя дружба насчитывает многие столетия.

28 августа в кафедральном соборе "Святой Эчмиадзин" были совершены Литургия, чин Святого Елея (в Православной Церкви подобный чин называется Таинством Елеосвящения или — в народе — "Соборованием") и отпевание почившего Предстоятеля Армянской Церкви. В отличие от Православной Церкви в Армянской Церкви чин Святого Елея совершается и над мертвым телом. В данном случае этот чин был совершен после ектении об оглашенных — перед Херувимской песнью.

Погребение совершали армянские Патриархи — Местоблюститель Патриарх Торгом Манукян, Патриарх Киликийский Карекин Саркисян, Патриарх Константинопольский Карекин Казанчан.

За богослужением пространное надгробное слово произнес Патриарх Карекин Саркисян.

В погребальных торжествах участвовали многочисленные иерархи и клирики Армянской Апостольской Церкви, народ в огромном множестве плотно окружал ограду кафедрального собора. На погребении был Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II с делегацией. В числе лиц, прибывших на погребение Святейшего Васкена I, были официальные представители православного Константинопольского Патриархата, православного Румынского Патриархата, Коптской и Сиро-Яковитской Церквей, Римско-Католической Церкви, Церкви Англии, различных Церквей и общин протестантской традиции. Были также государственные деятели Армении, России и других стран, дипломаты, работники науки и культуры, общественные деятели. На погребении присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Армении Владимир Ступишин.

Гроб с телом Патриарха и Католикоса Васкена I был торжественно обнесен вокруг кафедрального собора.

У открытой могилы перед самым погребением Святейшего Васкена I прощальное слово сказал Президент Левон Тер-Петросян. Затем слово, посвященное памяти Патриарха и Католикоса

Васкена I, произнес Святейший Патриарх Илия II.

Гроб был опущен в могилу у западного входа в собор, рядом с могилой Патриарха и Католикоса всех армян Геворка VI († 9 мая 1954).

Погребальные богослужения продолжались с 10 до 15 часов.

Вечером в гостинице "Армения" в Ереване был устроен поминальный ужин. На ужине, как и на всех погребальных богослужениях, присутствовал Президент Левон Тер-Петросян. Здесь были также армянские Патриархи, государственные и церковные деятели Армении, Святейший Патриарх Илия II и все другие почетные участники погребальных торжеств. Многие из них выступали с речами, посвященными памяти Святейшего Васкена I.

Митрополит Питирим представил собравшимся Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на погребение Святейшего Патриарха и Католикоса всех армян Васкена I. Текст Послания на армянский язык переводил епископ Паркев.

Предваряя чтение Патриаршего Послания, митрополит Питирим сказал о многогранных и традиционных формах общения Русской и Армянской Церквей. Это общение особенно усилилось в послевоенные годы. В частности, немало молодых людей из Армении начиная с 1950-х годов было направлено руководством Армянской Апостольской Церкви в Московские Духовные Академию и Семинарию для получения богословского образования.

Слово благодарности всем прибывшим на погребение Святейшего Васкена I произнес Местоблюститель Патриарх Торгом Манукян.

* * *

Во время пребывания в Армении митрополит Питирим посетил русский православный храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ереване. Храм расположен в районе Канакер в северо-восточной части города. Приходская община с храмом возрождена несколько лет назад и входит в состав Краснодарской епархии. Это бывший казачий храм, сооруженный в 1913 году. Владыка Питирим приложился к праздничной иконе Успения Пресвятой Богородицы и к святому престолу, благословил певчих небольшого хора и всех прихожан, молившихся в храме за вечерним богослужением в канун праздника Успения.

В г. Эчмиадзине митрополит Питирим посетил армянский храм святой мученицы Рипсимии (пострадала в начале IV века) и армянский храм святой мученицы Гаиании (пострадала вместе с мученицей Рипсимией и с 35 святыми девами) и поклонился их гробницам, находящимся в криптах (подземных помещениях) каждого из храмов. Память святых мучениц Рипсимии и Гаиании в Русской Православной Церкви совершается 30 сентября (13 октября) — в тот же день, когда празднуется память священномученика Григория Епископа, просветителя Великой Армении († ок. 335). В Армянской Апостольской Церкви святитель Григорий почитается как первый Католикос всех армян.

Утром 29 августа митрополит Питирим посетил памятник армянам — жертвам геноцида 1915 года и возложил к памятнику цветы.

В тот же день делегация Русской Православнй Церкви отбыла в Москву.

* * *

В среду 14 сентября 1994 года в 17 часов в Издательском отделе Московского Патриархата по инициативе митрополита Питирима был устроен вечер памяти Святейшего Васкена I, в котором приняли участие сотрудники Издательского отдела. На вечер был приглашен Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Армении в Российской Федерации Юрий Мкртумян, прибывший с сопровождавшими его лицами. Перед началом вечера митрополит Питирим дал интервью телевидению Армении.

В конференц-зале Издательского отдела устроен стенд, на котором размещены текст Патриаршего Послания на погребение Патриарха и Католикоса

Васкена I и фотографии, рассказывающие о погребении Святейшего Васкена I. Участники вечера имели возможность выслушать рассказ о погребении Святейшего Васкена I, прослушать записи армянских церковных песнопений и посмотреть получасовой фрагмент документального фильма о чине освящения мира в Армянской Апостольской Церкви. Фильм снят в Эчмиадзине 25 сентября 1983 года. Чин освящения мира тогда совершал Святейший Васкен I.

Посол Ю. Мкртумян в своем выступлении на вечере отметил, что он — новый посол Армении в России и считает весьма для себя знаменательным начать свои труды в должности посла с участия в вечере памяти великого армянина — Патриарха и Католикоса Васкена I.

В конце вечера все присутствовавшие на нем пропели Патриарху и Католикосу Васкену I "Вечную память".

В. О.

Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на погребение Святейшего Патриарха и Католикоса всех армян ВАСКЕНА I

28 августа 1994 года в Святом Эчмиадзине

Досточтимый Верховный Духовный Совет Эчмиадзинского Католикосата, Преосвященные архипастыри, всечестные пастыри и боголюбивая паства Армянской Апостольской Церкви!

Ныне собравшимся от конец земли иерархам, клиру и всему верующему армянскому народу, в последний путь провожающему своего возлюбленного отца и приснопамятного Предстоятеля, от имени Полноты всей нашей Русской Православной Церкви выражаем через Высокопреосвященнейшего Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима глубокое соболезнование в связи с постигшей вас великой утратой.

Исполненные самых светлых чувств и симпатий к блаженнопочившему Верховному Патриарху и Католикосу, который на протяжении 39 лет мудро окормлял вашу Святейшую Церковь и являлся символом любви и преданности своей Церкви, армянскому народу и Отечеству, мы ныне вспоминаем его добрые дела церковного и гражданского подвига, которыми он украшал древний и славный Апостольский престол.

Мы прощаемся ныне с человеком исключительных дарований, с духовным наставником и отцом армян всего мира, Народным героем Республики

Армении, отдавшим все силы и на поприще церковной деятельности, и сугубо в дни всем нам известных исторических перемен и тяжких испытаний, выпавших на долю многострадального армянского народа.

Верующие Русской Православной Церкви никогда не забудут весомый вклад новопреставленного в миротворческую деятельность всего христианского мира, его многополезный труд во время Всемирных Конференций религиозных деятелей в Москве в 1977 и 1982 годах.

Мы сохраним в наших сердцах благодарную память о новопреставленном Первоиерархе, который много сделал для укрепления дружеских связей между Армянской Апостольской Церковью и Русской Православной Церковью. Последняя, высоко оценив его выдающиеся заслуги в этой области, наградила Святейшего Васкена своими высшими церковными орденами.

И теперь, мысленно склоняясь перед гробом новопреставленного Патриарха и Верховного Католикоса и вспоминая вместе со всеми вами тот славный первосвятительский путь, которым он шел за Христом со своим народом, мы возносим наши усердные и непрестанные молитвы к "живыми и мертвыми обладающему" Господу нашему Иисусу Христу об упокоении блаженнопочившего в селениях Небесных, идеже несть болезнь, ни печаль, но жизнь бесконечная.

Вечная память новопреставленному, а всем вам вместе с Апостолом Павлом говорю: "Не скорбите, якоже и прочии, не имущие упования", верьте, что Великий Пастыреначальник Господь наш Иисус Христос явит вам достойного преемника и пастыря овцам вашим, который поведет боголюбивых чад Святой вашей Церкви к спасительной пристани Царства Небесного.

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и всея Руси

Усекновение главы Иоанна Предтечи

Во имя Отца и Сына и Святого духа!

Нельзя сказать, чтобы сегодняшнее евангельское чтение было особенно радостным. Вчера вечером и сегодня, вчера – в Евангелии от Матфея, сегодня – в Евангелии от Марка, мы слышали о мученической кончине замечательного святого и прекрасного человека – Иоанна Предтечи (то есть Предшественника) и Крестителя Господа нашего Иисуса Христа.

Не буду говорить сейчас о величии этого человека. Об этом очень много говорилось в проповедях, и притом неоднократно. Мы все знаем и почитаем Иоанна Крестителя как великого человека, великого святого, друга и родственника Христа Спасителя, как великого постника и учителя воздержания, человека, посвятившего всю свою жизнь проповеди о Христе Иисусе. Он мало знал Христа, несмотря на то что был его родственником по плоти, но проповедовал о Нем под действием Духа Святого, Который неудержимо требовал от Иоанна, чтобы тот возвещал людям о грядущем Спасителе, о великой перемене, которая должна произойти в мире с приходом Господа нашего Иисуса Христа.

Сегодня я хочу остановиться только на одном, казалось бы, еле заметном обстоятельстве кончины Иоанна Крестителя. Мы слышали из Евангелия об Ироде Антипе, властителе маленькой Галилеи. Этот жестокий человек, власть которого в Галилее была неограниченной, в общем-то неплохо относился к Иоанну Крестителю и даже, по-видимому, уважал его и прислушивался к его мнению. Причиной этого было то, что Иоанна уважал народ, и даже этот властитель, несмотря на свое самодурство, развращенность, жестокость, не мог не прислушиваться к тому, что говорил народ об Иоанне Крестителе.

Евангелист Марк рассказывает нам о том, что Ирод прислушивался к Иоанну, даже был душою к нему расположен. Тогда почему же какая-то девчонка, которая танцевала перед ним в день его рождения, смогла потребовать голову Иоанна Крестителя и Ирод исполнил это ее страшное желание? А ведь Ирод не хотел лишать жизни человека, которого он искренне уважал, несмотря на то что их встречи протекали очень остро: Иоанн обличал царя и упрекал за то, что тот отнял у своего брата жену и сам женился на ней. Бывает ведь так, что к тому человеку, который "режет правду в глаза", испытываешь большее уважение, чем к тому, который постоянно пытается угодить, "подольститься", говорить только приятное и часто неискренне. Конечно, царю, обладавшему большой властью, привыкшему, чтобы перед ним раболепствовали, нелегко было выслушивать обличения от аскета-пустынника, упрекавшего его в безнравственном поведении. Но все же Ирод терпел это и не испытывал ненависти к Крестителю. Ненавидела его Иродиада, бывшая жена брата Ирода, на которой женился теперь он сам.

Почему же все-таки Ирод отдал приказ палачу отрубить голову сидевшему в темнице Иоанну и принести ее на золотом блюде, чтобы потешить дочь Иродиады – Саломею, угодившую царю своим танцем? Неужели дело только в том, что царь не мог противиться тому влечению, которое появилось у него к этой девчонке из-за ее танца? Евангелисты говорят, что это не так: он исполнил эту нечестивую просьбу только ради тех людей, которые вместе с ним сидели. Этот полупьяный человек, обуреваемый страстями, под влиянием женской красоты мог наговорить все что угодно. Все слышали, как царь клялся, что исполнит любую прось-

бу девушки, попроси она хоть полцарства. Однако Саломея по наущению матери сказала, что не надо ей ничего, кроме одного: головы того жалкого оборванца, который сидит в подвале, головы Иоанна Крестителя.

Как же можно отказать, если вокруг сидят люди, которые слышали, что царь поклялся исполнить любую просьбу девушки? И вот, боясь того, что о нем скажут, он выполняет эту мерзкую, отвратительную просьбу и убивает невинного, прекрасного человека, которого сам же в глубине даже своей низкой, развращенной души уважал и, возможно, вскоре выпустил бы из темницы. Кто же виноват? Конечно же, и сам Ирод Антипа, и его жена, и ее дочь – жестокость и безнравственность всех их не вызывает сомнения. Но только ли они? Евангелие учит нас, что главная вина лежит на том порочном свойстве людей делать не так, как велит им совесть, их вера, Слово Божие, а так, как судят, рядят и подсказывают окружающие их люди. Эта боязнь общественного мнения владеет очень многими людьми, она владеет и нами.

Как много скверного мы совершаем вопреки своей совести только потому, что это "делают все". Однако этот стереотипный ответ – "все так делают" – недостоин человека. Христос Спаситель говорил: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26).

Человек создан по образу и подобию Божию, у него есть свободная воля, которая позволяет выбрать ему в жизни один либо другой путь. Человек способен к великому творчеству, он может создавать и творить. И в этом отношении он является образом и подобием Бога – Великого Творца Вселенной. И вдруг этот человек подчиняет свою волю не Богу, не гласу Божиему в своей душе, совести, а тому мнению, которое выражает первый попавшийся человек. Вот простой пример: приходит верующий человек в общественное место, например в столовую. Православные люди перед едой совершают крестное знамение. Или проходит мимо храма, когда тоже нужно перекреститься. Но многие, очень многие при этом испытывают некоторое стеснение, даже стыд, и перед кем? – перед теми неверующими, которые могут усмехнуться, что-то сказать, подумать, не так посмотреть. Может даже никто ничего и не скажет, но тем не менее человек стыдится самого святого, самого прекрасного, что у него в душе, – стыдится признать себя христианином, а значит, стыдится своей связи с Богом. И такой человек оказывается рабом, идущим на поводу "общественного мнения" настолько, что не смеет поднять руки, чтобы совершить крестное знамение среди людей светских, тогда как в храме он этого делать не стесняется!

Вот другой пример. Человек работает на производстве и рядом с ним оказывается другой человек, который значительно ниже по положению. И вдруг он заболел. Казалось бы, начальнику следовало бы навестить своего подчиненного, как-то помочь. Но это ему и в голову не приходит, а если и придет, то он прогонит эти мысли. Почему? Потому, что в большинстве случаев не принято, чтобы начальники ходили навещать подчиненных. Пусть это делают рядовые сотрудники или благотворительные организации!

Что это значит? Это значит, что человек воздерживается от естественного, нормального человеческого поступка, который подсказывает ему совесть и только потому, что он может вдруг показаться кому-то необычным...

К сожалению, так часто бывает в жизни. Каждый из нас может вспомнить случай, когда он воздерживался от добра или, еще хуже, творил зло ради "общественного мнения", ради того, чтобы под него "подладиться". Это недостойно человека, недостойно христианина. В тех случаях, когда чувствуешь, что прав, что совесть подсказывает тебе, как поступить, ты должен поступать по совести, а не так, как скажут окружающие. Самое важное для нас то, что скажет о нас Господь наш, перед Которым надо будет дать ответ. Самое важное – оправдает ли нас наша совесть – тот контролер, который поставлен в нас самим Господом.

И наконец, для нас очень важно, согласуется ли наше поведение с теми указаниями, которые дает нам Слово Божие. Вот это есть высшее указание, это есть откровение Самого Господа, это то, что

нам сказано четко и определенно. Если поступок оправдан любовью к Богу и людям, то его надо совершить, невзирая на то, кто об этом что скажет. Не нужно осматриваться на окружающих и тем самым уподобляться Ироду Антипе, перед которым встал вопрос: нарушить клятву, данную в хмельном состоянии, или совершить убийство ни в чем не повинного человека?

Не дай Бог никому из нас в жизни ни в мелочах, ни в серьезных делах решать вопросы так, как это сделал Ирод Антипа... *Аминь.*

Архиепископ МИХАИЛ (Мудьюгин)

День церковного новолетия (1 сентября)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

По милости Божией сегодня мы с вами вступаем в новый церковный год. Ежегодно, идя от праздника к празднику, Святая Церковь вместе со всей природою проходит от начала до конца годовой круг богослужения.

Для людей, живущих в мире, наступление нового года обычно связывается с тягостным чувством сожаления о том, что они могли бы сделать и что осталось несделанным. Оглядываясь назад, на прожитое время, человек неизбежно думает о том, что безвозвратно упущено в прошлом, чего уже нельзя вернуть или изменить в будущем.

Людям, живущим духовною жизнью, чуждо это чувство безвозвратности минувшего, потому что они живут в мире, где нет временных ограничений, где преодолеваются границы прошлого, настоящего и будущего.

Недавно мы с вами погребали Божию Матерь, не вспоминали о Ее погребении, а действительно погребали Ее, а через несколько дней будем праздновать Ее Рождество. Это становится возможным благодаря тому, что, совершая богослужение, мы вступаем в мир, в котором уничтожаются грани времени, потому что в богослужении мы живем в вечности. Через это приобщение к вечности мы можем реально сопричастствовать событиям, от которых нас, людей XX века, исторически отделяет целый ряд протекших столетий.

Преодолевая в богослужении границы времени и вступая в мир вечности, мы входим в него не одни, а вместе со всею природою. В богослужебных песнопениях постоянно говорится об участии всей твари в той радости, которую испытывает человек, приобщаясь к вечности, об участии ее в прославлении Творца: *Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый*, – говорится об этом в каноне Пасхи. И не только небо и земля, но и каждое из творений Божиих в отдельности участвует в этом всеобщем гимне Творцу.

В "хвалитных" псалмах (Пс. 148–150), ежедневно читаемых на утрени, мы призываем солнце и луну, звезды и свет, горы и холмы, деревья, зверей и птиц вместе с горним ангельским миром принять участие в прославлении Господа.

Но нигде, кажется, это единство человека со всею тварью в прославлении Бога не выражено с такою глубиною и силою, как в "Песне трех отроков", входящей в состав последней паремии, читаемой в Великую Субботу. Каждый стих этой песни сопровождается припевом *Господа пойте и превозносите Его вовеки.* Здесь соединяется тварь и сливается в едином и вечном (*превозносите Его вовеки*) славословии.

Так каждый год вместе со всем миром, горним и дольним, с Церковью Небесной и со всей природой, мы можем быть свидетелями и участниками событий, которые совершались *нас ради чело-*

век и нашего ради спасения.

Эти события, относящиеся к домостроительству нашего спасения, хотя и произошли однажды во времени, однако не ушли безвозвратно в прошлое. Они совершились тогда, когда, по словам Апостола, *пришла полнота времени* (Гал. 4, 4). В них до конца открылась тайна любви Божией к человеку, тайна искупительного подвига *Агнца, Закланного от создания мира* (Откр. 13, 8). Поэтому в мире временном они стали незыблемыми точками вечности, через которые проходит вся тварь и к которым мы имеем возможность приобщиться через богослужение. В богослужении все пребывает в настоящем, потому что в нем все в вечности, поэтому нам нечего печалиться о потерянном прошлом.

Каждая такая точка в вечности в нашем временном мире не только переживается нами в определенный момент времени, но и отбрасывает от себя лучи своего света, которые воспринимаются иногда задолго до наступления самого праздника и которые продолжают светить нам и после того, как мы уже прошли через эту светящуюся точку.

Через две недели мы будем праздновать Воздвижение Креста Господня. Праздник еще не наступил, а в богослужении мы чувствуем уже приближение этой светящейся точки.

Начиная с 1 августа мы слышим воздвиженскую катавасию: *Крест начертав, Моисей.* То же самое в еще большей полноте происходит и при приближении праздника Рождества Христова. За целый месяц до его наступления богослужение начинает готовить нас к прохождению этой светящейся точки вечности. Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы мы уже чувствуем, что вместе со всем миром прикасаемся к ней, потому что в этот день поем рождественские ирмосы *Христос раждается.* А еще через две недели, в день памяти Святителя Николая, мы поем первые стихиры предпразднества: *Вертепе благоукрасися; Сионе, торжествуй; Безневестная Дево*, которыми заключаются стихиры на *Господи воззвах* на литии и на стиховне Великой вечерни.

Особенно замечательны в смысле подготовки наших душ к восприятию грядущего праздника две последние стихиры. В первой из них мы обращаемся к *граду Христа Бога*, готовящемуся подъять Зиждителя, *в вертепе и яслях Возлежащего*, и просим открыть нам врата, войдя в которые мы можем духовными очами увидеть *дланью Содержащего Тварь, яко Младенца пеленами Повиваемого*, а во второй, как бы уже войдя в эти врата и увидев *Виновницу нашего спасения* Безневестную Деву – Матерь Божию, обращаемся непосредственно к Ней, прося Ее открыть нам великую тайну нашего спасения. Чем ближе подходим мы к светящейся точке праздника, тем ярче озаряет нас исходящий от нее свет. В течение пяти дней предпразднества, завершающихся Навечерием Рождества Христова, богослужение со все большей глубиной и полнотой раскрывает нам эту великую тайну, в которую вводит нас Святая Церковь, и, наконец, наступает самый праздник Рождества Христова, точка вечности, которую мы проходим. Здесь стираются грани времени и открывается тайна вечности, потому что, как говорит митрополит Филарет, "Христос доселе снисходит с небес и в такой близости к нам, что мы, подобно пастырям или волхвам, можем приспеть Его Божественному явлению".

Не сразу уходит от нас эта точка вечности. В течение семи дней попразднества продолжаем мы жить ее отраженным светом. Более того, если действительно отразился в нашей душе явленный в ней свет вечности, то она становится для нас ступенью нашего восхождения к Вечной жизни, к которой призывает нас Господь Иисус Христос.

Святая Церковь через временное приобщает нас к вечности. Каждого из нас она ведет по его жизненному пути, в конце которого он должен получить *во блаженном успении вечный покой* и войти в вечную память Божию.

Будем же с большим вниманием и благоговением подходить к богослужению и входить в него не как зрители или свидетели, а как его участники. Тогда и вся жизнь наша получит новый смысл и новое освещение. По-настоящему живя в богослужении, мы уже здесь, на земле,

можем иметь вечный покой, можем удостоиться того, что Господь еще в дни нашей земной жизни будет иметь нас в Своей вечной памяти.

Наше великое счастье, что мы снова входим в годовой богослужебный круг и имеем возможность еще раз со всем миром пройти его. А наша задача заключается в том, чтобы каждый посылаемый нам Господом год жизни сделать воистину временем приобщения к вечности, вхождением в то, что по бесконечной любви Божией совершилось *нас ради человек и нашего ради спасения.*

Священник Сергий МЕЧЕВ

Рождество Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Несколько дней тому назад мы с вами по милости Божией вступили в Новый церковный год, а ныне празднуем первый великий праздник годового богослужебного круга – Рождество Пресвятой Богородицы.

Для того чтобы понять смысл этого праздника, а вместе с ним и других праздников церковных, нам нужно прежде всего вспомнить, что церковная жизнь есть тайна, непостижимая для тех, кто находится вне Церкви.

Не случайно ведь самое важное в жизни Святой Церкви – ее средоточие, через которое мы становимся причастниками благодати Божией, – мы называем ТАИНСТВАМИ.

Сами мы своим тварным умом не могли бы постигнуть этой тайны церковной. Но Господь по Своей милости постепенно открывает ее тем, кто живет в Таинствах, кто припадает к этому источнику благодати и пьет его живую воду.

В жизни церковной есть много тайн, но одна из них постоянно открывается верующим. Мы входим в общение с нею и не только тогда, когда получаем благодатные дары через Таинства, но всякий раз, когда бываем в храме и участвуем в богослужении.

Впрочем, для многих из нас, верующих, тайна эта продолжает оставаться закрытой. Для того чтобы по-настоящему соприкоснуться с нею, нам нужно быть не простыми слушателями и зрителями того, что совершается в храме, но войти в опыт тех, кто были творцами богослужения и запечатлели его в составленных ими молитвах и песнопениях, начиная с Апостолов и кончая подвижниками нашего времени.

Творцы богослужения в полном согласии со всеми отцами и учителями Церкви говорят нам о том, что человек создан для Вечной жизни, что подлинной стихией, в которой только и может жить его душа, является вечность.

Когда мы погребаем наших усопших и молимся об упокоении их душ, мы просим, чтобы Господь сотворил им вечную память. Но эта молитва может относиться и к нам, живущим еще на земле, потому что и мы нуждаемся в том, чтобы Господь имел нас в Своей вечной памяти: ведь цель нашей жизни и есть приобщение к вечности. Поэтому самое лучшее и ценное пожелание церковное есть пожелание вечной памяти.

А мы постоянно забываем об этом. Отягощенные заботами житейскими и омраченные временными обстоятельствами нашей жизни, мы забываем о том, для чего мы созданы, забываем о вечности, в которой живет лишь то, что сотворено Господом, – ДОБРОДЕТЕЛЬ.

Все же остальное отметается и бросается в огонь – во тьму внешнюю. Нам только кажется, что оно существует, а на самом деле, как говорит святой отец: "Вначале не было зла, потому что и теперь нет его во святых и для них оно вовсе не существует". (Св. Афанасий Великий. Слово на язычников – 2. Творения, ч. I, с. 127).

Воистину существует только жизнь в Боге и то, что идет по пути стяжания

Царствия Божия в нас.

Святые отцы говорят нам, что человек создан по образу и подобию Божию, что он есть венец природы и царь всей видимой твари и вместе с тем сотанник Божией благодати. Они учат, что телом своим человек связан со всей земной тварью, потому что тело это Господь создал, *персть взем от земли* (Быт. 2, 6), а своей душой он соединен с горним ангельским миром. Человек стоит на грани двух миров – земного и небесного. "В творении его, – говорит Григорий Богослов, – художническое слово созидает живое существо, в котором приведены в единство невидимая и видимая природа; созидает, из сотворенного уже вещества взяв тело и от Себя вложив жизнь, поставляет на землю иного Ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцательной" (Слово 38. На Богоявление или Рождество Спасителя. Творения, ч. III, с. 199–200).

Но созданный по образу Божию и поставленный Господом на грани двух миров человек не выполнил своего предназначения: он согрешил, отпав от Бога, а через него и весь видимый мир, венцом которого он является, стал отходить от Господа. Тогда на землю явился Сын Божий, Который Своею смертью упразднил смерть и Своим Воскресением открыл нам путь к Вечной жизни. Он даровал нам вечную память, и не только нам, верящим в Него, но и всей видимой твари.

Поэтому задача человека состоит в том, чтобы, очищая от греха свою душу, поднять и одухотворить также и вещество, из которого создано его тело, сделав его достойной обителью бессмертной души. Святые отцы говорят, что в день Воскресения предстанут пред Господом не только наши души, но вместе с ними и наши воскресшие тела.

В земной жизни в своем восхождении к Богу человек может идти только путем, который указан ему Господом, поставившим его на грани двух миров. Только в общении с этими обоими мирами и вместе с ними может человек здесь, на земле, служить Богу. Об этом нам постоянно напоминает Святая Церковь в своем богослужении.

Недавно мы с вами совершали службу церковного новолетия. Мы приносили в этот день хвалу Господу не только от себя, но и от всего мира, видимого и невидимого, с которым мы соединены телом и душой. Об этом ясно говорится в каноне этого дня: *Вся дела Твоя, Господи, небеса и земля, свет и море, воды и вся источницы, солнце же и луна, и тьма, звезды и огнь, человецы и скоти со Ангелы восхваляют Тя* (Служба 1 сентября, канон индикту, песнь 9).

Тот, кто верит, что слова эти соответствуют действительности и что в богослужении мы воистину соединяемся с обоими мирами, тот понимает, какая великая тайна заключена в православном богослужении.

Тайна эта состоит не только в том, что здесь уничтожается грань между человеком и всею тварью – небесною и земною, грань, которую мы так ясно ощущаем, живя в этом "привременном мире", но также и в том, что через богослужение мы преодолеваем и самые границы "времени текущего естества" и входим в мир вечности. Стало быть, в богослужении нет ничего временного, но все живет в вечности.

Обычно в дни празднования того или иного события из жизни Иисуса Христа или Божией Матери мы идем в храм, чтобы прослушать там Евангелие и песнопения, рассказывающие о событиях, совершившихся когда-то очень давно, вспомнить об этих событиях. Так можем мы отнестись и к сегодняшнему празднику. Церковное Предание говорит нам о том, что около 2000 лет тому назад Пресвятая Дева родилась в Галилейском городе Назарете от престарелых родителей – праведных Иоакима и Анны. Оно повествует, что своим рождением Дева Мария разрешила узы их неплодства и доставила им великую радость. Об этом рассказывают нам песнопения сегодняшнего дня, и в обычном представлении весь смысл праздника сводится к тому, чтобы вспомнить об этих событиях.

Но если мы обратимся к тексту самих песнопений и постараемся вникнуть в смысл того, что говорят их творцы, то мы убедимся, что такое отношение к празднику свойственно только людям

внешним, не понимающим тайн церковной жизни. В действительности песнопения праздника говорят совсем иное. В стихирах сегодняшней вечерни мы слышали: *Днесь неплодная врата отверзаются и дверь девическая Божественная предгрядет. Днесь Всемирныя Радости провозвещение, днесь возвеяша ветри, спасения нашего провозвестницы; естества нашего разрешается неплодство* и, наконец, *Днесь неплодная Анна рождает Богоотроковицу* (Служба Рождества Пресвятой Богородицы: на *Господи воззвах* стихиры 4, 5, 6).

Что означает это *днесь*? (*днесь разрешается неплодство, днесь Анна рождает Богоотроковицу*). Есть ли это только приемы образной поэтической речи, или в этих словах заключается какой-то иной смысл?

Если рассуждать с точки зрения мудрости века сего, то утверждение буквального смысла этих слов является безумием. Ведь все это совершилось когда-то очень давно. Но для тех, кто *мудрствует духовная* (Рим. 8, 5), все, что совершилось *нас ради человек и нашего ради спасения*, не только произошло во времени, но и в вечности пребывает.

Поэтому, когда мы слышим сегодня, что *ныне Дева чистая от Анны происходит*, нам открываются врата вечности.

Богослужение сегодняшнего дня говорит нам о том, что рождение Пресвятой Девы было радостью не только для Ее родителей и родственников, живших в Назарете, но стало всемирною радостью, что оно разрешило неплодство не только святых праведных Иоакима и Анны, но в нем *естества нашего разрешается неплодство* и рождается *плод живоносен миру*.

Богослужение открывает нам, что Рождество Богоматери имело значение не только для живших в те дни в Назарете, но совершилось *нас ради человек и нашего ради спасения*, что с рождением Ее *жизни рождается днесь мост* (Служба Рождества Пресвятой Богородицы, канон 1, песнь 2), вводящий нас в вечность.

Прославляя Господа, мы каждое славословие заканчиваем словами: *ныне и присно и во веки веков*. Этими словами Святая Церковь говорит нам о том, что богослужение, которое мы совершаем ныне, будет совершаться *и присно и во веки веков*, потому что уже и сейчас оно совершается в вечности и приобщает нас к Вечной жизни.

В этом и заключается великая тайна богослужения, которую открывает нам Святая Церковь.

Отнимите от богослужения его сокровенный смысл, заключенный в словах *ныне и присно и во веки веков*, и для вас закроется текущий в нем источник Вечной жизни, вы навсегда останетесь оторванными от того, что было, оно уйдет в безвозвратное прошлое, ведь никто из людей не может присутствовать при рождении своей матери или своего отца. Но мы знаем, что лучшие из наших подвижников, те, которые были творцами богослужебных песнопений и канонов, пили из этого источника Вечной жизни. Они на опыте познали, что богослужение открывает нам познание вечности.

И для нас, грешных, самое главное (и об этом нужно помнить всегда) заключается в том, чтобы прикоснуться к этому источнику познания, который открывается нам через тайну богослужения.

А для этого, пока еще вы здесь, на земле, с верою, благоговением и страхом Божиим воспринимайте все то, что вы видите и слышите в храме, все, что совершается, поется, читается за богослужением.

И, когда мы ныне снова входим в годовой круг богослужения, будем помнить, КТО мы и к ЧЕМУ ПРИЗВАНЫ.

И по мере вхождения в него нам будет все больше открываться великая тайна вечности.

Святая Церковь верит, что мы не одни совершаем богослужение, что вместе с нами молятся и славословят Господа ангельские силы и вся Небесная Церковь. *Ныне силы небесные с нами невидимо служат*, – поем мы Великим постом на литургии Преждеосвященных Даров.

И не только в эти великие дни, но и во все дни церковного года, за каждой литургией перед малым входом священник молится: *И сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащим нам и славословящим Твою благость*. Именно отсюда, из этого соприсутствия и сослужения с нами уже достигших веч-

ности и живущих Вечной жизнью в Господе Ангелов и святых, рождается и в нас стремление в Вечность.

Поэтому во время Божественной литургии священник после благодарственной службы Господу о всех святых и *изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней Славной Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии* поминает живых и усопших и молится, чтобы Господь помянул их в Царствии Своем, приобщил их к вечности Своей памяти, которая и есть Царствие Божие.

Из этого нам должно быть ясно, что совершаемое здесь, на земле, богослужение есть не что иное, как последовательное раскрытие во времени тайн вечности. А для каждого из нас, верующих, оно есть путь, ведущий нас к Вечной жизни.

Поэтому и праздники церковные представляют собою не случайное собрание памятных дней, но сияющие в нашем временном мире точки вечности, прохождение через которые подчиняется неизменному духовному порядку. Точки эти сменяют друг друга в определенной последовательности, они связаны друг с другом, как ступени единой лестницы духовного восхождения, так что, стоя на одной из них, мы уже видим свет, озаряющий нас с другой ступени. Вот и сегодня чтение канона сопровождается пением воздвиженской катавасии *Крест начертав, Моисей*. Казалось бы, она не имеет отношения к сегодняшнему дню, но на самом деле это не так. Она говорит нам о неразрывной духовной связи следующих друг за другом церковных праздников.

Это свет Воздвижения, который озаряет нас издалека, так что уже сегодня мы начинаем входить в него.

Тайна богослужения есть величайшая из тайн Церкви. Сами мы не можем сразу постигнуть ее. Но мы знаем, что она была открыта великим и величайшим из угодников Божиих, и, входя в их опыт через те молитвы и песнопения, в которых они его запечатлели, прося их помощи и молитв за нас, грешных, можем и мы постепенно начать прикасаться к этой великой тайне.

И по мере того, как через это будут в нас рождаться и возрастать элементы вечности, мы по-иному, чем теперь, будем относиться и к нашей временной жизни. Мы поймем тогда, что она есть только путь, ведущий нас от дольнего к горнему, от временного к вечному.

И тогда, уходя из этой жизни, мы, может быть, сподобимся вечного Царствия, уготованного Господом для тех, кто уже здесь, на земле, начал входить в Его Вечную Память, которая есть величайшее достижение для человека, идущего от дольнего к горнему.

Священник Сергий МЕЧЕВ

О памяти смертной

"Помяни и оплачь сам себя заживо, — говорит нам память смертная, — я пришла огорчить тебя благодетельно и привела с собою сонм мыслей самых душеполезных.

Продай излишества твои и деньги раздай нищим, предпошли на Небо сокровища твои по завещанию Спасителя.

Зачем гоняться тебе за тлением, когда смерть непременно отнимет у тебя твое тленное?

Она — исполнительница велений Всесвятого Бога. Лишь услышит повеление, сразу устремляется с быстротою молнии к исполнению. Не стыдится она ни богача, ни бедняка, ни героя, ни гения. Не пощадит ни юности, ни красоты, ни земного счастия — переселяет человека в вечность.

И вступает смертью раб Божий в блаженную вечность, а враг Божий — в вечную муку", — говорит святитель Иг-

натий Брянчанинов.

О ней, о памяти смертной, сегодняшнее евангельское слово к нам, други наши.

Безумный! В сию нощь душу твою истяжут от тебе (Лк. 12, 20).

Кто из нас с уверенностью может утверждать, что не к нему сегодня обращено это слово Божие, и кто из нас знает, не лежит ли уже сейчас секира смерти при корне древа его жизни?

Одно мгновение — и все богатство жизни, дарованное нам Богом, отнимется от нас, все богатства, накопленные нами своими трудами, останутся невесть кому.

Все останется, а нас уже не будет. И все останется другим людям, которые над этим не трудились.

А мы уйдем в вечность!

Слова нынешней евангельской притчи обращены к каждому из нас. Не к некоторым новоявленным богачам и миллионерам, но к каждому: ко мне, к тебе, к нам. Ибо нивы жизни нашей Божиим определением весьма богаты у каждого и богатства, врученные человеку, столь разнообразны и многочисленны, что опасность быть приточным богачом угрожает каждому человеку.

Многие мысленно возразят мне сейчас, что у них нет денег, у них нет земель, у них нет того, что принято считать богатством.

Но, дорогие наши, разве сама жизнь наша и здоровье не есть Божий дар и богатство, разве различные дарования — сокровища глубокого и чуткого человеческого сердца и большого человеческого ума, таланты, обладателями коих является человек, — не богатство? А материальный достаток и житейские блага?

Много всего вверено человеку Богом, и каждому дан свой талант. У Бога нет обездоленных.

Но сами по себе все эти блага, богатства и сокровища, дорогие мои, не представляют цены для нас, ибо это не наше — Божий дар. *Что ты имеешь, чего бы не получил?* — говорит Апостол (1 Кор. 4, 7).

Одно мгновение, и смерть отберет у нас все — и дарованное, и приобретенное.

Лишь пока мы живы, пока нашей свободе вверены сокровища, в нашем сердце, в нашей душе и в наших руках богатства земные претворяются для нас в вечные категории, становясь для одних лестницей к небу, а для других — дорогой в вечность ада.

Только плоды духа, возросшие на вверенных нам Богом нивах нашей жизни, являются нашим истинным богатством, если они состоят во всякой благости, праведности и истине. Только то, что принесло плоды любви на земле, поведет нас в вечность радости, идя впереди нас.

Угобзишася нивы жизни нашей! Но уже не я ли есть тот приточный богач, что сказал тебе*: Имаши многие блага, лежаша на лета многа, почивай, яжды, пий, веселись?* (Лк. 12, 19). Не я ли заключил хранилища своих богатств, в них одних полагая весь смысл своей жизни?

Яжды, пий, веселись!

Ум трудится только на приобретение.

Приобретение любой ценой: обманом, притеснением, неправдой.

Еще, еще и еще!

Мало, все мало, себе и только для себя, на черный день...

Растет богатство, растут потребности. Сердце закрыто для милосердия, для любви, в нем хватает места только деловым людям и корыстным отношениям.

Ты — мне, я — тебе.

И забыто главное: забыта душа — райская птица, живущая в нашем бренном теле.

Она, душа наша, изнывает гладом, который не утолят все призрачные сокровища наших стяжаний. И стонет душа наша, и плачет, и болит до времени, пока мы не погребем ее, свою бессмертную душу, окончательно под хламом наших страстей и она умолкнет.

И какие уж тут плоды духа?

Вся забота — побольше скопить, чтобы послаще поесть. И еда съедает человека, и питие не просто веселит

сердце, но утопает человек в нем, забывая ближних и даже себя самого. И бессмертная душа захлебнулась! И опилась Русь-матушка вином, и залилась горем и слезами. И окрадена умом, ибо Бог забыт. И чрево стало богом.

Ешь, пей, веселись!

Нынешнее разнузданное веселие, объевшееся и опившееся, влачит человека в том, о чем срамно и глаголоти.

Тяжесть плотских грехов, пришедших во след веселию, безобразит весь строй жизни, превращая ее во ад уже здесь, на земле.

И забыт Бог!

Но опять, не услышу ли я возражения словам своим — разве забыт Бог?! Кругом только и разговоров, что об открывающихся монастырях, церквах, о благодати, о Боге.

Да, дорогие наши, разговоров много, но совмещение человеческого с Божеским ныне просто чудовищное.

В немыслимой "внутренней гармонии" сочетается теперь словесное благочестие и хождение в церковь с цинизмом извращенности. Ужасающие пустословие, клевета, лукавство, ложь, фальшивость, себялюбие и беззаконие сожительства уживаются в совести многих с воздыханиями, плачем и принятием Святых Таин.

И мнит человек, что он с Богом.

Но нет, зря мнит. Это не есть христианство, это циничное истребление его. И оно уже вломилось в саму Церковь, когда многие, называя себя христианами, приспосабливают высокие Божии истины к своим потребностям, обволакивая истины грязью своего земного понимания и чувствования.

Это не возрождение духа христианского в нашем мире — это его истребление. И какой ответ дадут кощунники, что смешали истину с ложью, дела диавольские делая и ими попирая святыни Божии, к коим дерзают прикасаться. А секира смерти лежит уже при древе жизни. И Бог ждет покаяния!

Бог еще ждет!

Но не услышит ли скоро — сегодня, сейчас — тот, кто *тако собираяй себе, а не в Бога богатея: Безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси кому будет?*

Кому будет жизнь, дела, коими истреблялось дело Божие, Его Святая Церковь и само христианство?

И *тако собираяй себе* не чувствуют ли уже теперь Божиего наказания за свое отступление в повреждении умственных и психических способностей и в бесконечных бессмысленных самоубийствах?

Истяжут душу от тебя, — звучит приговор презревшему заповеди Божии и поправшему истину ложью.

Не Бог тихо и радостно призывает душу работающего Ему путника жизни, но с болью и нуждой грозно оторвут мытари-Ангелы душу вросшего в свои стяжания и страсти человека и повлекут в бедственную вечность.

А время жизни, други наши, — это наше хранилище, в которое мы сокровиществуем.

Но кто из нас думает о времени? Почти всегда человек мыслями простирается в будущее, забывая, что реально он обладает только настоящей минутой, следующая уже не в его власти. И упуская в праздности настоящее время или растрачивая его на грех, мы убиваем время, утрачиваем ценность человеческой жизни.

Как часто в минуты угрызений совести мы собираемся завтра начать делать добрые дела, в будущем — оставить грех, в конце жизни — покаяться.

Но завтра бывает каждый день, а конец жизни — еще дальше, и своими благими намерениями мы мостим себе дорогу в ад. Ведь, увы, будущее для нас может и не наступить, а сразу, минуя будущее, откроется вечность. Вечность неизбежна! И какая будет она?

И будем помнить, други наши, никто из живших до нас и никто из нас не мог и не сможет сказать пришедшей смерти: "Подожди! Удались, я еще не хочу умирать! Я еще не готов умереть".

Никто не мог остановить ее или воспрепятствовать ей. Строгая и неумолимая, чаще всего нежеланная, она де-

лает свое дело, открывая истинную ценность нашей жизни и наших в ней стяжаний.

Вот о чем заставляет нас подумать сегодня память смертная.

Призраки тленных благ, которые обманывают живущих на короткое время в земной гостинице, отступят в момент смерти, и обманчивое сновидение кончится. И богат окажется лишь тот, кто нынче, сейчас, сию минуту богатеет в Бога.

А сегодняшнее апостольское послание дополняет смысл евангельской притчи и учит нас тому, что есть истинное, некрадомое богатство для человека.

И первое, к чему неукоснительно призывает нас Господь, — это стремление к истине, жажда истины и познания, что есть воля Божия о нас. Чада света рождены от Духа и исполнены им, поэтому они и должны приносить плоды духа — жить в благости, в любви, в праведности и истине. Восстань от греховного сна, воскресни от мертвящих твой дух дел твоих и приступи с верой ко Господу, и Он оживотворит твою душу и освятит ее светом истины.

Поистине одна жизнь в Боге продолжается за пределами гроба.

Дорогие, будем жить в Боге!

Надо жить в Боге! И мы должны стать для этого совершенными христианами, такими, какими хочет нас видеть Господь, какими повелевает нам быть Священное Писание.

И главное, что заповедует нам Апостол Павел: *Не участвуйте в бесплодных делах тьмы* (Еф. 5, 11), будьте вы, христиане, светом миру своей праведной жизнью.

Своей праведной жизнью обличайте мир и все зло мира. Свет вашей жизни призван осветить тьму не словом, не угрозой, как это иногда пытаются делать некоторые, к большему злу, но своей праведностью.

Но как надо быть внимательну к своей жизни, как рассудительну, как быстру на покаяние.

Праведный, делай правду, собирай плоды истинно благочестивой жизни в Вечную жизнь, копи, умножай это единственное богатство, просвещай других — близких, утешай, корми.

Пусть каждый человек, которого посылает тебе сегодня Господь на жизненном пути, станет самым важным, самым дорогим и самым близким для тебя, согрей его душу теплом своей любви — и это есть жатва, приносящая плод в вечность.

И нам давали люди ласку, любовь и внимание. И это все сохраняй в душе благодарной молитвенной памятью о тех, кто благодетельствовал к тебе , — и это плод духа, и это жатва в жизнь.

Так, други наши, благовременно омоем, очистим себя слезами и исповеданием грехов своих. Стяжем трудами жизни благодать Святого Духа, открывающую нам врата в небесные обители. И всякое наше земное имение употребим на приобретение небесных сокровищ раздаянием милостыни от милующего и любящего сердца. Употребим земную жизнь нашу на познание Бога, на познание самих себя, на устроение своей вечной участи.

Не будем терять времени.

И закончу слово мое словами святого святителя Игнатия: "Изгнанники рая! Не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убивающую нас смерть и возвратить себе утраченный рай".

Господи! Умножь в нас веру!
Буди, Господи, буди!

Архимандрит ИОАНН (Крестьянкин)

Радуйся, заре таинственного дня!

В мире страшно и пусто. Одиноко. И бесконечно трудно жить. И потому так много людей ищут только того, как бы уйти от этой лжи, от этой безрадостной жизни, и погружаются — кто в беспробудное пьянство, кто — в попытки обмануть обманщиков, выцарапать у них хоть долю самого простого, животного счастья, кто — в беспредметные мечтания. Но все это всегда, рано или поздно, оказывается тупиком, и только еще более страшным становится пробуждение и насильный возврат к постылой лямке. Не случайно, какую бы область жизни мы ни взяли, каждая в наши дни стала "проблемой". Проблема общества. Проблема труда. Проблема пола. Проблема женщины. Проблема счастья... И стало все это проблемой потому, конечно, что, с одной стороны, готовые ответы и предписания, даваемые казенной пропагандой, уже давно развенчаны, обличены в своей лжи и пустоте, перестали быть ответами, и потому, с другой стороны, что иных ответов нет, и мы так часто не знаем, где и как их искать. И воцаряются в нашем сознании пустота и цинизм, и вот их-то и хотим мы заглушить, от них бежать.

Многие в наши дни начинают смутно сознавать, что подлинные ответы невозможны, если не прорвется человек к высшему и вечному, не обретет веры. Но ведь и в Бога можно верить по-разному. Ведь и вера может быть тоже только уходом, только бегством, своего рода психологическим опьянением, то есть вера может быть псевдоверой, или ложной верой. Увы, и во имя веры, во имя Бога можно ненавидеть и творить зло, разрушать, а не созидать. И не говорил ли сам Христос, что многие придут под именем Его, и многих прельстят (см.: Мф. 24, 5; Мк. 13, 6), и не говорил ли Христос также о том, что не всякий, говорящий Ему "Господи, Господи", войдет в Царство Божие? (см.: Мф. 7, 21). Поэтому с первых же дней своих христианство не спрашивало "веришь ли ты?", ибо знало, что и те, которые распинали и предавали Христа, тоже во что-то и как-то верили; нет, христианство спрашивало: как ты веришь? И во что?

И вот здесь, при попытке ответить на этот основной для подлинной веры вопрос, и вырастает перед внутренним взором почти бессознательно, почти невольно, образ Девы Матери. Это это совсем не значит, что образ этот хоть как-то заслоняет собою образ Христа или же представляет собой для веры как бы второй объект, отличный от Христа. Нет, ибо от Христа, только от Него, получаем мы этот образ как некий подарок нам, как раскрытие всего того, о чем учение, к чему — призыв Христа. Так вот, спросим себя: в чем же его сила, в чем его помощь нам?

Мой первый ответ, возможно, удивит многих. Вот он: это образ женщины. Первый дар Христа нам, первое и самое глубокое раскрытие Его учения и призыва даны нам в образе женщины. Почему это так важно, так утешительно, так спасительно? Да потому, что мир наш стал до конца безнадежно мужским миром. В мире нашем царят гордыня, агрессивность, в нем все сведено к орудиям власти и властвования — к производству и к орудиям производства, к соперничеству, насилию, нежеланию в чем-то уступить, где-то смириться, умолкнуть, погрузиться в тихую глубину жизни. И именно всему этому противостоит, все это обличает одним своим присутствием образ Девы Марии, Пречистой Матери, образ бесконечного смирения, но также и силы и красоты смирения, образ чистоты — и ее силы и красоты, образ любви — и победы этой любви.

Дева Мария, Пречистая Матерь ничего не требует — и все получает. Ничего не добивается — и всем обладает. В образе Девы Марии все то, чего почти

уже не осталось в нашем мужском, гордом и агрессивном мире: сострадание, жалость, забота, доверие; про себя она говорит: *се раба Господня* (Лк. 1, 38), а мы называем Ее Царицей Неба и земли, Владычицей и Госпожой. Дева Мария ничему не учит, ничего не доказывает — но вот одно ее присутствие, один свет и радость этого присутствия просто снимают выдуманные, вымученные нами проблемы. Как если бы после длинного, мучительного, разбитого дня мы вернулись домой, и все снова ясно, и все полно того никакими словами не передаваемого счастья, которое и есть единственное подлинное счастье. Христос говорил: ищите прежде всего Царствия Божия (см.: Мф. 6, 33). Так вот, в этой женщине — Деве, Матери, Заступнице — мы не умом, а сердцем чувствуем, что значит искать и найти Царствие и что значит жить им.

***

В августе празднует Церковь конец земной жизни Пресвятой Девы Марии, Пречистой Матери Божией, смерть ее, которую называют Успением: словом, в котором соединяются сон, блаженство, мир, успокоение, радость.

Мы ничего не знаем об обстоятельствах смерти Марии, матери Иисуса Христа. От раннего христианства дошли до нас разные рассказы о ней, разукрашенные как бы детской любовью и нежностью. Но именно потому, что рассказы эти разные, нам нет нужды отстаивать "историчность" ни одного из них. В день Успения память и любовь Церкви направлены не на эту фактическую, историческую обстановку, не на дату и не на место, где закончилась земная жизнь этой единственной Матери всех матерей, этой женщины. А на то, что составляет сущность и смысл этой смерти, где бы и когда бы она ни наступила. Церковь поминает смерть Той, чей Сын, согласно вере нашей, победил смерть, воскрес из мертвых и нам даровал обещание последнего воскресения и торжества жизни неумирающей. Сущность и смысл этой смерти, может быть, лучше всего переданы на той иконе, которая в день праздника Успения полагается в центре храма и составляет как бы средоточие всего празднования. На иконе этой изображена Божия Матерь на смертном одре, мертвая. Вокруг нее стоят апостолы Христовы, а над ней — сам Христос, держащий в руках своих Мать свою живую и навеки с Ним соединенную. Таким образом, мы видим смерть и то, что уже совершилось в этой смерти: не разлука, а соединение, не печаль, а радость, и в пределе, на последней глубине — не смерть, а жизнь. "По рождестве Дева, и по смерти — жива", — поет Церковь, взирая на эту икону, и прибавляет: "в рождестве Ты сохранила девство, а в успении мира не оставила...". И тут приходят на память слова одной из самых глубоких и прекрасных молитв, обращенных к Пресвятой Богородице. Молитвы, в которой Мария названа "зарей таинственного дня". "Радуйся, заре таинственного дня!" Словно именно свет этой зари льется из праздника Успения, словно созерцая эту смерть, стоя у этого смертного одра — мы понимаем, что смерти больше нет, что само умирание человека стало актом жизни, вхождением его в большую жизнь, в жизнь жительствующую. Ту, которая всю себя отдала Христу, до конца возлюбила Его, Он встречает у этих светлых дверей умирания — и вот, смерть становится радостной встречей, и вот жизнь одолевает, и вот над всем воцаряется радость и любовь. Она — Мария, Дева, Мать — одна из нас.

Веками вглядывалась, вдумывалась, вживалась Церковь в смерть Той, Кто была Матерью Иисуса, дала жизнь нашему Спасителю и Господу, всю себя — вплоть до стояния у Креста — отдала Ему. И в этом созерцании Церковь видела, находила, ощущала не страх, не ужас, не конец, а лучезарную, подлинно пасхальную радость. "На бессмертное твое успение собрались мы", — поет Церковь в первом же песнопении этого праздника, и сразу же, в этих первых, начальных словах выражает саму сущ-

ность этой радости. "Бессмертное успение". "Бессмертная смерть".

Что же значит это противоречивое, на первый взгляд абсурдное словосочетание? В празднике Успения — вся радостная тайна этой смерти, нам раскрываемая, становящаяся нашей радостью... Ибо если смерть — это ужас и горе разлуки, нисхождение в страшное одиночество и тьму, то всего этого нет в смерти Девы Марии. Ибо смерть Ее, как и вся жизнь, — только встреча, только любовь, только приближение к немеркнущему, невечернему свету вечности и вхождение в него. "Совершенная любовь побеждает страх", — говорит Апостол любви Иоанн Богослов. И потому нет страха в бессмертном успении Девы Марии. Смерть здесь побеждена изнутри, освобождена от всего того, что наполняет и ужасом, и безнадежностью. Можно сказать: сама смерть становится жизнью и торжеством жизни. Смерть становится "зарей таинственного дня". И потому в этом празднике нет печали, нет надгробного рыдания, нет горя: только свет, только радость. Словно для каждого из нас, приближающегося к этому неизбежному порогу, открывается уже дверь и из нее падают, сияют лучи грядущей победы, грядущего Царства Божия.

В эти августовские дни, когда предела красоты достигает природный мир и как бы сам становится хвалой, надеждой, знаком иного мира, в этом особом праздничном свете звучат слова молитвы: "В молитвах неусыпающую Богородицу смерть и умерщвление не удержали. Ибо к жизни перешла Мать самой жизни...". Смерть, перестающая быть смертью. Смерть, светящаяся вечностью и бессмертием. Смерть — не разлука, а соединение. Не печаль, а радость. Не поражение, а победа. Вот что празднуем мы в день Успения Пречистой Матери, предчувствуя, предвосхищая, утверждая уже занимающуюся зарю таинственного дня.

Протоиерей Александр ШМЕМАН

Начало учебного года в Московских Духовных школах

Милостию Божией Московские Духовные школы вступили в новый учебный год.

1 сентября 1994 года в Покровском Академическом храме состоялась Божественная литургия, которую совершил епископ Дмитровский Филарет, ректор Московских Духовных Академии и Семинарии, в сослужении преподавателей и учащихся в священном сане.

По окончании литургии, перед молебном на начало учения, Преосвященный Филарет обратился к студентам и воспитанникам Духовных школ со словом. "Под сводами этого Покровского храма, – сказал он, – в стенах родных Духовных школ, в которых чувствуется дух многих поколений, постигавших богословие, мы смиренно испрашиваем у Господа благословение на свои труды в деле постижения истины Христовой. Сегодня уместно вспомнить простых и некнижных галилейских рыбаков, которые всю ночь ловили рыбу и ничего не поймали, пока Сам явившийся Христос не повелел им забросить снова сети в море. А это значит, что в каждом человеческом труде должна присутствовать Божественная помощь... Перед нами – не простое дело, мы пытаемся проникнуть в тайны Божии, человеческих сил мало для этого. Поэтому и будем сегодня молиться Богу, чтобы Он всем нам даровал по молитвам Своей Матери и Преподобного Сергия истинное благочестие, мудрость, ведение и разум, так необходимые нам в наших трудах на благо страждущей Церкви, бедствующего народа и Отечества".

После небольшого перерыва профессора, преподаватели и учащиеся направились в древний Троицкий собор, где по традиции перед началом учебного года совершается молебен у гробницы игумена земли Русской Преподобного Сергия Радонежского – небесного покровителя Духовных школ "у Троицы". Служение молебна у раки с мощами Преподобного Сергия возглавил наместник Лавры архимандрит Феогност. Напутствуя студентов и воспитанников перед началом учебного года, отец Феогност заметил, что "наша задача – обучаться духовной мудрости". В процессе этого обучения каждый встретится со множеством искушений, одним из которых может быть получение суммы знаний о вере, которые не есть вера, ибо вера без знаний допустима, а овладение знаниями без веры смертельно страшно. В конце проповеди отец наместник призвал всех учащихся к твердой вере, внутреннему доверию к Богу, без которых не может быть пастырского служения.

По окончании молебна преподаватели, студенты и воспитанники с пением тропарей прошли в Серапионову палату, чтобы благоговейно поклониться хранящимся там древним святыням, среди которых – частицы мощей многих угодников Божиих.

Владыка ректор преподал учащим и учащимся святой крест и окропил каждого святой водой.

В академическом саду, у памятника "Всем почившим наставникам, учившим и учившимся в Московских Духовных школах", была совершена заупокойная лития. Затем воспитанники, студенты, преподаватели и гости направились в Большой актовый зал, где состоялось торжественное заседание, посвященное началу нового учебного года.

Профессор М. С. Иванов, проректор по учебной работе, выступил с докладом,

Шествие в Троицкий собор

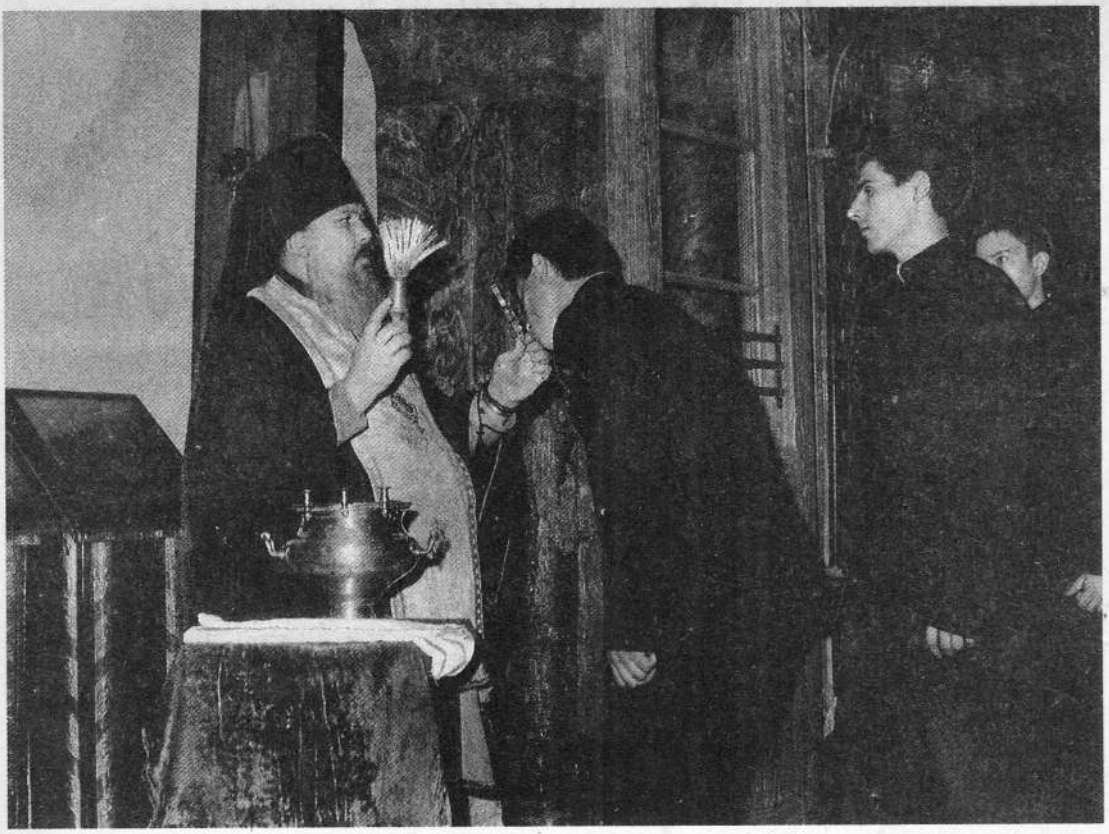
в котором зачитал списки принятых в Московские Духовные школы в 1994 году. Всего в Академию и Семинарию на стационар зачислено 200 человек. В Регентскую школу при МДА на 1-й курс принят 31 человек, в Иконописную – 20 человек.

На 1 сентября 1994 года на стационаре, в секторе заочного обучения и на экстернате в Академии, Семинарии, Регентской и Иконописной школах числится 1676 учащихся.

Секретарь Совета Академии, профессор, архимандрит Платон огласил тексты приветственных телеграмм по случаю начала учебного года. Среди них – телеграмма от Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, присланная на имя ректора, епископа Филарета: "Помощь и благословение Божие да сопутствуют трудам Вашего Преосвященства, начальствующих, учащих и учащихся Московских Духовных школ в наступившем новом учебном году".

В заключение акта Владыка ректор произнес слово, в котором, в частности, сказал: "В жизни нашей большой школьной семьи открывается новая, чистая страница, которую надлежит заполнить учением и познанием, умозрением и опытом, созерцанием и молитвенным деланием.

Высоки, ответственны и необъятны задачи, стоящие перед нашим отечественным пастырско-богословским образованием. В нашей общей причастности к жизни Московских Духовных школ мы должны глубоко и серьезно осознать их исключительно важное положение как старейшего и главного центра духовного образования нашей Поместной Церкви и наметить приоритетные направления в осуществлении возложенной на них миссии, поставив на первое место такие программные вопросы, как задачи церковного и пастырско-богословского формирования института священнослужителей нашей Церкви и развитие отечественной богословской науки.

Ректор епископ Дмитровский Филарет окропляет святой водой учащихся

...Поэтому, приступая к трудам в новом учебном году, вы, дорогие воспитанники и учащиеся наших Духовных школ, должны вооружиться сознанием вашей высокой ответственности перед Богом и Его Церковью, перед народом Божиим и грядущими судьбами нашего Отечества и с глубокой верой в провиденциальный смысл вашего общего призвания трудиться в меру сил и посланных от Бога способностей над вашим церковным и пастырским становлением, усваивая мудрость и опыт Церкви и восходя на новые ступени мировоззренческой и нравственной сформированности.

...В этот светлый и торжественный день мы считаем нашим высоким долгом поздравить вас, новых воспитанников Семинарии, учащихся и учениц Регентской и Иконописной школ и студентов нового курса Академии, с началом ваших занятий в Духовных школах и пожелать вам помощи Божией и благословенных успехов в ваших трудах. Мы приветствуем всех вас как избранников Божиих, откликнувшихся на голос призвания и поспешивших сюда, в златоглавую Лавру, в Академию "у Троицы", из разных мест нашего обширного Отечества – из центральных, южных и северных областей, с Украины, Поволжья и далеких восточных окраин, от Приморского края до Камчатки, Магадана и Якутии. Отрадно сознавать, что целые области, еще не оглашенные словом Евангельской истины, еще продолжающие поражать наше воображение своим ужасающим религиозным невежеством, имеют теперь в вашем лице своих посланников – предвестников их начинающегося духовного пробуждения. Сие да будет по всеблагому смотрению Божию! А в наших исконно православных русско-славянско-балтийских землях стоит задача сохранения вековых устоев Вселенского Предания от натиска униатско-католической экспансии и широкой волны протестантского прозелетизма. Только в духовном единении всех входящих в Православную Церковь народов нашего возрождающегося Отечест-

ва осуществимо исполнение тех задач, которые завещаны нам эпохой святоотеческой и всей двухтысячелетней христианской историей.

В смиренном уповании на благодатную помощь Божию приступим ныне к нашим скромным, но, безусловно, ценным трудам на высоком и ответственном поприще нашего отечественного пастырско-богословского образования и с молитвой, творимой в уме и сердце, призовем благословение Господне: в добрый час".

По окончании торжественного заседания студенты и воспитанники прошли в аудитории для встречи с курсовыми руководителями и классными наставниками. Начались учебные будни Московских Духовных школ.

Священник Сергий ЯВИЦ,
студент IV курса МДА

Передавая духовный опыт

Московская Духовная Академия на протяжении своей трехсотлетней истории является крупнейшим центром богословского образования в Русской Православной Церкви. Основана Академия по благословению Патриарха Московского и всея Руси Иоакима в 1685 году, тогда же ее возглавили два крупных греческих богослова – братья иеромонахи Иоаникий и Софроний Лихуды. История возрождения Московской Духовной Академии и Семинарии в новейший период связана с именами Патриархов Сергия и Алексия Первого.

Во всех областях своей многосторонней деятельности в последние годы Московские Духовные школы неизменно ощущают отеческую заботу Святейшего Патриарха Алексия II, всей Русской Православной Церкви, содействующую их дальнейшему процветанию. Творческое развитие Московской Духовной Академии и Семинарии в последние десятилетия является во многом результатом деятельности ее ректоров.

Сегодня наш собеседник – Преосвященнейший епископ Дмитровский Филарет – в прошлом выпускник, а теперь ректор Московских Духовных школ.

– Ваше Преосвященство! Все мы видим, что сегодня на наших глазах возрождаются многие монастыри, храмы, духовные школы, то, что из века в век составляло духовную мощь России. Как Вы, Владыка, оцениваете эти процессы?

– Всех нас очень радует большое количество вновь открываемых храмов и церковных общин – это показатель глубокой духовной жизни нашего народа. Люди с коммунистическим мировоззрением даже и не подозревали о том, что рано или поздно взойдут ростки духовности, скрытые в душе каждого человека. С другой стороны, нас одновременно озабочивает нехватка священнослужителей во многих приходах. К сожалению, пока подготовка церковных кадров отстает от потребностей епархиальной жизни. На заседаниях Священного Синода Святейшим Патриархом Алексием II уделяется большое внимание воспитанию и подготовке духовенства, и сегодня все мы согласны в одном: подготовка священнослужителя – это длительный, сложный процесс, который длится годами; тут важны не только определенные богословские знания, но и духовный опыт. Его передача учащимся – наша основная задача.

Первое, что, на наш взгляд, должно быть у каждого пастыря Русской Православной Церкви, – вера, второе – призвание и третье – любовь к своему народу. Эти три качества пастыря нашей Церкви должны развивать и углублять все Духовные школы.

– Ваше Преосвященство! В связи с открытием Духовных школ в епархиях не станут ли постепенно Московские Духовные школы принимать абитуриентов только из Москвы и Подмосковья?

– Такой проблемы нет. Абитуриенты к нам едут со всех уголков СНГ – Украины, Белоруссии, Казахстана. Московская Духовная Академия и Семинария пользуются большим авторитетом и у нас в стране, и за рубежом. Студентов и абитуриентов привлекает к нам сложившаяся система образования, высокий уровень преподавателей и то, что Московские Духовные школы находятся в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Все это, вместе взятое, способствует духовному углублению и совершенствованию академической науки. Кроме того, на протяжении истории Московские Духовные школы были не только центром богословского образования, но и средоточием духовного опыта. Академия учит жизненному синтезу традиций прошлого и требований современности; открывая путь глубокого познания истории, она в то же время показывает беспредельные возможности духовного совершенствования в будущем.

Так что богословские знания и духовный опыт Московских Духовных школ всегда привлекали и будут привлекать абитуриентов не только из России, а тем более Москвы и Подмосковья, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Для многих из них, однако, возникают проблемы чисто экономического характера – цена билетов достигла значительной суммы. В связи с этим по благословению Святейшего Патриарха Алексия II обучающиеся на заочном отделении Московской Духовной Академии и Семинарии студенты из наиболее отдаленных районов России могут приезжать к нам только раз в год для сдачи экзаменов.

– Владыка, оказывается ли какая-либо поддержка со стороны Московской Духовной Академии и Семинарии вновь открывающимся духовным учебным заведениям?

– Передача опыта, накопленного в Московских Духовных школах, осуществляется по многим направлениям. Не так давно у нас состоялось совещание руководителей всех духовных учебных заведений, на нем присутствовали 46 ректоров. Два дня на совещании председательствовал Святейший Патриарх Алексий II, это сообщило нашему собранию особый настрой и импульс. Святейший Патриарх высказал ценные замечания и рекомендации о ходе развития духовных учебных заведений, они обязательно будут учтены в нашей дальнейшей работе. По итогам совещания выработан итоговый документ, поступивший на утверждение Святейшего Патриарха и Священного Синода. Согласно ему, передача опыта Московских Духовных школ будет осуществляться в основном по трем направлениям:

1) командировки нашего профессорско-преподавательского состава в духовные учебные заведения для прочтения лекций;

2) приглашение на стажировку в Московскую Духовную Академию и Семинарию преподавателей других Духовных школ;

3) использование ускоренного метода образования (путем экстерната) для тех кадров, которые есть в распоряжении руководителей духовных учебных заведений.

Главное, на наш взгляд, в духовном образовании – воцерковленность преподавательских кадров, их духовный опыт.

– Ваше Преосвященство! Изменилось ли что-нибудь в работе Московских Духовных школ за последние годы?

– Изменений не так уж и много, но они есть. Прежде всего введен ряд новых дисциплин в Духовной Семинарии: каноническое право, пастырское богословие, патристика, организация приходской жизни. Мы перевели из Академии часть кафедры церковной археологии – церковное искусство – с целью дать учащимся сведения об архитектуре храмов, ознакомить их с навыками реставрации. В качестве приложения к курсу истории Русской Православной Церкви введена история полкового духовенства. Весьма важен предмет христианская педагогика, раскрывающий сложные процессы православного воспитания личности. Цель

предмета история России – познакомить учащихся с подлинной историей нашего Отечества. Как дополнение к курсу у нас читается сектоведение в современном мире. Для заочного сектора регулярно проводятся встречи с духовником Лавры, на которых рассматриваются различные проблемы духовной жизни. Цель нашего учебного процесса – привить студенту наряду с богословскими знаниями любовь к молитве, литургии, богослужению.

– Что Вы можете сказать, Владыка, об отношениях между Русской Православной Церковью и Российской армией в наше время?

– Отрадное явление нашего времени – возрождение традиций военного духовенства. Недавно к нам приехали трое учащихся из Донского казачества для подготовки к служению полковыми священниками.

Важное соглашение достигнуто с Министерством обороны. Согласно ему, в одной из войсковых частей во Владимирской области, на станции Арсаки Александровского района, с осени прошлого года проходит службу в роте охраны группа учащихся Московской Духовной Семинарии. Новобранцев поселили отдельно, создали все условия для того, чтобы они имели возможность не только исполнять воинскую службу, но и служить Богу. Никаких претензий со стороны командиров нет: этим солдатам не надо постоянно напоминать о воинском долге, их не приходится вылавливать из самоволок. 49 семинаристов образовали православный полк. Близость к Зосимовой пустыни позволяет им помогать восстановлению обители, в свою очередь монастырская братия духовно окормляет военнослужащих-семинаристов.

Совместное заявление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и министра обороны Российской Федерации П.С.Грачева послужило мощным толчком к возвращению истинных ценностей Российской армии, в том числе и ценностей нравственных, которые всегда так щедро давала воину Русская Православная Церковь. Сегодня уже никого не удивляет тот факт, что солдаты и офицеры, сержанты и прапорщики становятся прихожанами православных церквей, а при многих воинских частях строятся храмы.

– С какими трудностями сталкиваются учащиеся и преподаватели Московских Духовных школ и как Вы их пытаетесь решить?

– Мы сталкиваемся с проблемами прежде всего экономического характера. Раньше все епархии в обязательном порядке отчисляли средства на духовное образование. Сейчас во многих епархиях созданы свои Духовные школы и соответственно уменьшается процент поступлений на развитие Московских Духовных школ. Да и народ стал беднее, многим уже не по карману купить свечку. Но мы пытаемся решать эти проблемы, ищем спонсоров.

Не так давно началось издание специальной учебной литературы в рамках реализации программы "круглого стола" по религиозному образованию в Русской Православной Церкви, созданного Отделом внешних церковных сношений Московской Патриархии и в сотрудничестве со Всемирным Советом Церквей. Выпущено уже четыре учебника для духовных школ, причем два издали мы, а два – специальная редакция при Отделе внешних церковных сношений.

В сегодняшней ситуации было бы очень важно для всех, если бы Московская Духовная Академия сумела договориться с телевидением о создании специального академического канала, с нашей стороны для этого есть и желание, и возможности. Два-три раза в неделю мы могли бы вести учебную программу, имеющую не политическое, а духовное значение. В стенах Академии побывали почти все руководители нашего государства: Черномырдин, Сосковец, Рыбкин, Зорькин, и мы при каждой встрече пытаемся объяснить, что, пока не удастся поднять духовность народа, вряд ли удастся решить экономические проблемы. Пока же, видимо, выгодно продавать эфирное время в ущерб нравственному здоровью человека, и это очень тревожит нас.

Нам предлагали на четвертом канале время для прямого эфира – около 30 минут

в неделю. Но, во-первых, четвертый канал рассчитан только на жителей Москвы и Подмосковья, а во-вторых, для такой передачи нужен не прямой эфир, а монтаж. Самая же главная проблема заключается в отсутствии денежных средств на такую программу.

– Владыка, куда получают распределение выпускники Московских Духовных школ?

– После окончания Семинарии с хорошими и отличными результатами учащиеся, по их желанию, принимаются в Академию, где они могут углубить свои знания. Остальные выпускники Семинарии обычно распределяются в те епархии Русской Православной Церкви, откуда прибыли для обучения. Выпускники Академии работают в аппарате Московской Патриархии, в Отделе внешних церковных сношений, Издательском отделе, Хозяйственном управлении, других церковных учреждениях. Ряд выпускников оставляют при Академии профессорскими стипендиатами для подготовки к преподавательской и научно-богословской работе.

Конкурс в Московскую Духовную Семинарию составляет в среднем четыре человека на место, но в Иконописную и Регентскую школы он несколько выше.

– Что бы Вы, Владыка, хотели пожелать преподавателям и учащимся Православных Духовных учебных заведений в этом учебном году?

– Мы всегда испытывали искреннюю радость по поводу открытия новых Духовных учебных заведений. Перед нами стоят общие задачи по духовному воспитанию личности, и главная из них – воцерковление учащихся. Не секрет, что большая часть из поступающих к нам абитуриентов крещена всего два-три года назад. Поэтому, давая студентам богословское образование, необходимо одновременно всемерно развивать их духовную жизнь.

На Западе проповедуют тысячи образованнейших богословов, но не всегда они хорошие христиане. Нередко такие проповедники превращают свои знания просто в выгодную профессию. Нам же следует передавать студентам не только богословские знания, но и духовный опыт.

Особые задачи мы возлагаем на воскресные школы, меняющие мировоззрения людей, открывающие для них новые духовные горизонты. Для России в настоящее время роль воскресных школ особенно велика – десятилетиями у нас запрещалась проповедь слова Божия вне церковной ограды.

Отрадно видеть наряду с возрождением храмов возрождение душ человеческих.

Московские Духовные школы очень перегружены, и мы по-прежнему будем оказывать содействие вновь открывающимся Духовным учебным заведениям.

Всем преподавателям православных Духовных школ хочется пожелать с Божией помощью потрудиться, дабы воспитать делателей, *верно преподающих слово истины* (2 Тим. 2, 15), верных нашей Матери Церкви и своему народу. Призываю Божию помощь и благословение на всех, кто своими трудами и заботами содействует духовному просвещению людей, воспитывает полноценные христианские личности.

Самое главное для Духовных школ в наше время – поддержание духа церковности, неустанного устремления к познанию истины, к осуществлению в жизни идеалов добра. Изучение богословского наследия должно находиться в полной гармонии с развитием и совершенствованием нравственного чувства, духовной жизнью.

– Благодарю Вас, Владыка, от лица всех читателей.

Беседовал Вадим ЯКУНИН

Школа и Церковь

Между Администрацией Кемеровской области и Новокузнецкой епархией заключено соглашение о сотрудничестве в деле развития православно-христианского образования. Соглашение содержит 14 пунктов. Среди них – проведение конференций, семинаров, "круглых столов" по проблемам духовной культуры, образования и милосердия, содействие укреплению семьи и возрождению ее нравственных устоев.

Одним из первых мероприятий, проведенных участниками соглашения, была конференция "Возрождение православных традиций в духовной жизни общества", о которой рассказывает писательница Любовь Никонова.

21–23 июня 1994 года в Кемерове проходила конференция "Возрождение православных традиций в духовной жизни общества: проблемы и пути решения".

Конференция была организована Департаментом образования, Администрацией Кемеровской области, Кемеровской и Новокузнецкой епархией. Идея проведения конференции поддержана Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Законодательным Собранием Кемеровской области.

В форуме участвовали 300 человек. Это представители Администрации, духовенство области, сотрудники Отдела религиозного образования и катихизации Московской Патриархии, преподаватели Свято-Тихоновского богословского института, Российского Православного университета, Международного Русского университета им. А. С. Хомякова, Института мировой литературы РАН, работники Московских курсов усовершенствования православных педагогов, представители Министерства образования Российской Федерации, члены творческих союзов, учительство, работники культуры, здравоохранения, органов социальной защиты.

Конференция должна была ответить на острые, даже болезненные вопросы, стоящие перед современной педагогической наукой и школой. Сейчас сама наша действительность – жестокая к детству, к человеческой душе, немилосердная и циничная, растлевающая душу и плоть, вытесняющая из человека образ Божий, – заставляет школу и Церковь искать сотрудничества друг с другом. Но как выстроить правильно эти взаимоотношения на основе ныне существующего Закона РФ "О свободе вероисповеданий" и Закона РФ "Об образовании"? По каким направлениям работать вместе? Как полнее использовать уже наработанный в Москве и в некоторых других регионах центральной России опыт сотрудничества?

Ответить на эти вопросы и призвана была конференция.

Перед началом конференции в Георгиевском храме, украшенном в честь праздника Троицы березками и зеленью, был отслужен Преосвященнейшим Софронием, епископом Кемеровским и Новокузнецким, молебен "На начало всякого дела". Иерейский хор вознес молитву Святому Духу. Молитва Святому Духу прозвучала и в зале здания областной Администрации, где участники конференции собрались на пленарное заседание.

В работе форума принял участие глава Администрации области Михаил Борисович Кислюк. Он привел факты, свидетельствующие о тяжелейшем экономическом и духовном кризисе, сказывающемся на детях: растут детская проституция и преступность, наркомания и алкоголизм; в области 1800 психически неполноценных детей; 15 тысяч школьников обучаются в школах-интернатах для сирот; участились случаи детских самоубийств. М. Б. Кислюк подчеркнул, что тысячелетняя православная традиция помогла бы в деле объединения здоровых сил общества против растления молодежи, но эта традиция все еще игнорируется. "Я не призываю к изменению закона, отделяющего Церковь от государства, – сказал М. Б. Кислюк, – но как отделить Церковь от гражданина? Важно начать

деловое сотрудничество органов народного образования, Администрации, Законодательного Собрания и духовенства. Важно, чтобы каждому учащемуся, студенту был открыт доступ к православным ценностям". Губернатор высказался за развитие воскресных школ, за расширение педагогической деятельности Церкви, за издание в области детского православного журнала и церковных книг для детей и о детях.

Владыка Софроний подтвердил решимость Церкви участвовать в воспитании подрастающего поколения: "Церковь может научить молодое поколение любить Отечество и свой народ. Но 80 священнослужителей в нашей области не в состоянии выполнить все это один. Однако вместе с общественностью, с народным образованием мы можем донести до молодого поколения христианские идеалы, посеять "разумное и доброе" и получить добрые плоды".

С докладом "Православные традиции и проблемы духовного воспитания молодежи" выступила заместитель председателя Департамента образования Кемеровской области И. А. Жигалова. Она остановилась на проблемах изучения Библии в школе (с ней учащиеся знакомятся на уроках литературы, истории, на факультативных занятиях), отметила, что в области уже есть опыт преподавания Священной истории, и высказала мнение о необходимости создания в Кузбассе центра православного просвещения.

Председатель Правления Православного педагогического общества генеральный директор исполнительной дирекции Международных Рождественских образовательных чтений В. А. Ященко рассказал о проведении в Москве в 1993–1994 годах Рождественских чтений – широкого по размаху педагогического форума, объемлющего многие сферы науки и культуры. Это продолжавшееся почти две недели совещание православных педагогов прошло под покровом Русской Православной Церкви. Создан информационно-координационный центр православного образования. Организована телефонная служба, посредством которой можно получить методическую или юридическую справку. Выходит Бюллетень православного образования России. В этом году в Москве состоялась встреча ректоров педагогических вузов и Духовных школ.

Закон не препятствует Церкви сотрудничать со школой факультативно. К тому же можно открывать профильные классы, православные гимназии, православные детские сады.

О детских садах сделала доклад главный методист по дошкольному воспитанию Отдела религиозного образования и катихизации Московской Патриархии А. С. Алексеева.

Статистика, приведенная ею, говорит о великом бедствии: рождаемость снизилась на 30%; 80% детей, посещающих детские сады, имеют отклонения в развитии; 50 тысяч детей в России ежегодно убегают из дома; более двух тысяч ежегодно пытаются покончить с собой.

Православие несет с собой заботу о семье, милосердие, любовь. Поэтому открываются детские сады при храмах, в приходах, в общинах, имеющие верующих педагогов, духовников. Необходимы дотации от государства на организацию религиозных детских учреждений, как это делается в других странах. Государство, Церковь, родители – вот три источника ресурсов для таких детских садов.

Ввиду того что у современных воспитателей нет знаний в области христианского вероучения, в детских учреждениях нет соответствующего методического оснащения, в Отделе религиозного образования и катихизации Московской Патриархии создан методический кабинет по дошкольным учреждениям.

Большое внимание в дошкольном воспитании уделяется церковным праздникам. В некоторых детских садах стремятся соблюдать посты. Сотрудники Отдела религиозного образования обратились в Московский институт питания с просьбой разработать систему детского питания во время поста.

Практическое значение выступления А. С. Алексеевой было так велико, что сопровождалось многочисленными вопросами и предложениями. 50 экземпляров ее рабочей программы были мгновенно разобраны участниками конференции.

Позднее в институте усовершенствования учителей состоялись встречи Алексеевой с работниками детских садов.

В ходе обсуждений, выступлений, сообщений все яснее вырисовывалось понимание того, что лучшее поле для совместной деятельности школы и Церкви – это учреждения дополнительного образования детей. Именно здесь легче вводить новые программы; именно сюда, как показывает практика, чаще обращаются родители, желающие утвердить в жизни своей семьи христианские ценности.

Начальник Отдела внешних учреждений Министерства образования Российской Федерации Л. Ф. Фомина говорила о том, какой простор для взаимодействия школы и Церкви открывает краеведение. Проводятся экскурсии по святым местам, дети знакомятся с историей храмов, собирают сведения о подвижниках веры, оказывают помощь в реставрации храмов.

С интересом был выслушан доклад "Концепция духовно-художественного воспитания детей и молодежи" протоиерея Александра Салтыкова, декана факультета церковных искусств Свято-Тихоновского богословского института. По его мнению, задача искусства – не только в эстетическом воспитании, но в обучении христианской жизни. Вся русская культура сопричастна христианским истинам. А как относиться к истинам дохристианским? "Мы не отвергаем ничего доброго. Все, что не противоречит Христову учению, Церковь приемлет". И главный вывод докладчика: "Всякое естественное развитие культуры непременно приведет к Православию, если не будет отторгаться искусственно".

Мы же видим в XX веке именно искусственное отторжение, насильственное отъединение культуры от Православия. И на конференции не раз раздавались растерянные искренние голоса слушателей: "Как я могу принять эти ценности, если я три раза сдавала атеизм?" Об этой нашей общей беде хорошо сказала Л. Ф. Фомина: "Мы в массовом порядке необразованны. Я получила хорошее на первый взгляд образование в МГУ, но только на сороковом году познакомилась со сборником Акафистов. Но ведь я должна была бы открыть это намного раньше!"

Одно из тяжелейших последствий нашей непросвещенности светом Христовым – это передача образования в руки шарлатанов, оккультистов, сектантов, случайных или больных людей. Беспокойство по этому поводу выразили Н. В. Соколова, заместитель председателя Законодательного Собрания области, протоиерей Александр Пивоваров из Новокузнецка, директор школы-интерната № 64 города Кемерова Э. В. Жигулина. Подробный доклад на эту тему сделал диакон Андрей Кураев, декан богословско-философского факультета Российского Православного университета, автор многих публикаций по сравнительному богословию. Как не попасть в секту? Как отличить китч от истины? Как обнаружить подделку под Евангелие? Ведь в настоящее время существует огромное количество религиозных организаций, которые регистрируются в качестве общественных. Под вывесками "школ общения", "экологических форумов" и под другими красивыми названиями они проникают в школы. Требуйте от пришельцев двух вещей, говорил отец Андрей Кураев. Первое: пусть они официально представятся. Второе: надо требовать подтверждения их полномочий – письменного благословения от лица Православной Церкви, так как сейчас много случаев самозванства, подделок под Православие.

Отец Андрей сослался на опыт Германии: там сектантов близко не подпускают к школе – доступ туда имеют только католические и лютеранские религиозные деятели. А у нас двери школ широко открыты именно для сект. Церковные дисциплины преподавать в школе нельзя, а для оккультной "вальдорфской педагогики" Р. Штейнера и "учебников живой духовности" секты "Юнивер" дорога открыта.

От имени конференции было решено направить в Государственную Думу, в Правительство России письмо с просьбой о содействии общенациональной программе "Духовное просвещение России" и об упорядочении показа зрелищ по телевидению.

Главный результат работы конфе-

ренции – это выработка и подписание Соглашения о сотрудничестве в сфере образования, культуры, здравоохранения между Администрацией Кемеровской области и Кемеровской и Новокузнецкой Епархией. На основе Закона РФ "О свободе вероисповеданий" и Закона РФ "Об образовании" стороны договорились оказывать поддержку развитию системы православно-христианского образования как дополнительного; содействовать созданию и реализации духовно-просветительских проектов и программ; совместно решать вопросы подготовки и переподготовки кадров в области культурологии и истории Русской Православной Церкви. Предусмотрено сотрудничество в определении уровня подготовки преподавателей, аттестации негосударственных образовательных учреждений, имеющих православно ориентированное содержание образования. Предполагается организация совместной комиссии по сохранению и использованию памятников православной церковной культуры, а также создание Православного духовного центра. В Соглашении уделено внимание укреплению семьи, вопросам психологического комфорта, духовному окормлению будущих воинов Российской Армии, заботе о ветеранах войны, мероприятиям, посвященным памятным датам Русской Православной Церкви и православным праздникам, развитию международных культурно-образовательных и религиозных связей и другим видам совместной деятельности.

Соглашение подписано главой Администрации Кемеровской области М. Б. Кислюком и Управляющим Кемеровской и Новокузнецкой епархией епископом Софронием.

В Кузбассе подобный документ составлен впервые.

Любовь НИКОНОВА,
член Союза писателей России,
преподаватель воскресной школы
при Спасо-Преображенском соборе
г. Новокузнецка

К Покрову

Все выше стаи повзрослевших уток,
Все ближе дни Святого Покрова.
Под вечер слух становится так чуток,
Вдруг различишь, о чем шумит листва.

Охапки листьев сгрудились в плотину,
Вкруг солнца – два туманные кольца,
И тонкую живую паутину
Никак не снять с намокшего лица.

В ночь на Покров сойдутся низко тучи,
Раскинет Божья Матерь омофор,
Сквозь первый снег, лучистый и летучий,
Нам замерцает дней иных узор...

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

Житие иеромонаха Варнавы (Меркулова), старца Гефсиманского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре

Со времен Апостолов и до наших дней Предвечное Слово Божие не престает являть миру избранных Своих и творимые ими силою действующей в них благодати Божией духовные плоды.

Как и Апостолы Христовы, эти современные нам избранники Божии в большинстве случаев – незнатные, неученые – простецы.

Но они достославно проходят положенный им от Господа путь жизни и приносят обильный плод, плод пребывающий.

Восприняв в сердце от Самого Господа высочайшую науку кротости и смирения, они исходят на дело свое уже облеченные силою свыше и по успехам в начинаниях своих весьма часто бывают выше и славнее премудрых и разумных мира сего. К таким избранникам Божиим, призванным на совершение добрых дел любви христианской в служении Богу и ближним, может быть причислен и досточтимый иеромонах Варнава, старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры.

"Он жил во славу Божию", – гласит надпись над гробом приснопамятного старца Варнавы, блаженно и столь благолепно почивающего в тихой пещерной часовенке "у Черниговской".

И кто же из знавших почившего старца – утешителя, духовного отца, печальника многотысячной семьи народной – не признает в сих золотых словах заключения славной повести о его "житии" и не скажет от чистого сердца: воистину так, он жил во славу Божию?!

Кто из духовных чад его при сем не воздаст славы Богу, прославившему верного раба Своего делами любви и милости?! [3, с. 5].

Иеромонах Варнава (Меркулов) родился в селе Прудищи Тульской губернии 24 января 1831 года, во святом крещении наречен Василием в честь Святителя Василия Великого. Его родители, Илия и Дария Меркуловы, – люди добрые и богобоязненные – радовались рождению сына.

Его младенческие годы шли безмятежно в тиши родного дома, но и тогда

уже было очевидно для окружающих особое Божественное благоволение к Своему избраннику, о чем свидетельствуют воспоминания самого иеромонаха Варнавы.

Пример добродетельной жизни родителей, их постоянное памятование о Боге, стремление ходить пред Лицем Его не могли не повлиять благотворно на впечатлительный ум и чистую душу отрока Василия. Благодаря своим родителям он с детства обнаруживал склонность к духовной жизни: любил бывать в храме за богослужениями, заучивал на память церковные молитвы. Когда же он научился грамоте, то с особенным прилежанием начал заниматься чтением слова Божия.

Преимущественное влияние на воспитание в сыне добрых качеств оказала мать. Это видно уже из того, что старец Варнава, касаясь в разговоре своего прошлого, чаще вспоминал о своей родительнице. Сам он видимо подтверждал это, когда не раз выражал ей при посторонних лицах свою признательность за доброе воспитание.

Впрочем, и пример отца – труженика и нищелюбца – имел влияние на воспитание в сыне трудолюбия и на развитие в нем сердечного отношения к ближним – к беднякам в особенности. Но, как хозяин и единственный работник в семье, отец часто вынужден был оставлять дом под присмотром жены своей, Дарии, потому-то и воспитание сына ложилось главным образом на нее. Некоторая простота не помешала ей воспитать сына своего истинным христианином, так как недостаток знаний покрывался высокой ее благоговейной настроенностью.

Десница Всевышнего, предызбравшая отрока Василия служителем Себе и предначертавшая ему путь жизни во славу имени Своего святого, невидимо руководила им, охраняя жизнь его от опасностей. Его благочестивая мать, впоследствии схимонахиня Иверской обители, рассказывала несколько случаев, свидетельствующих о том, как Промысл Божий действительно хранил избранного отрока Своего. "Однажды, – говорила она, – будучи четырех лет, Василий, заигравшись со сверстниками на улице, был настигнут лошадью, запряженною в тяжелый экипаж. Мальчик попал под колеса. Все, бывшие при этом, в ужасе подбегают к нему, поднимают его и, к немалому изумлению своему, видят его совершенно целым и невредимым" [1, с. 11].

В другой раз, будучи уже шестилетним мальчиком, Василий, слезая с печи, нечаянно оступился, сорвался с самой верхней ступени и сильно ударился об пол. Перепуганная и растерявшаяся мать подбежала к нему, подняла с пола окровавленным и, не зная, чем и как ему помочь, обратилась мысленно с горячею молитвою к Богу о сохранении жизни сына. На другой день, к неописанной своей радости, она увидела ребенка совершенно здоровым; только небольшой красноватый шрам, оставшийся на щеке, свидетельствовал о том, что с ним недавно случилось [1, с. 11].

Известен еще один замечательный случай. Однажды Василий занемог. Он сильно кашлял, грудь его закладывало так, что он не мог дышать. Родители думали, что их Вася не останется жив. Но с ним случилось нечто необыкновенное. Как-то вечером Василий, изнемогая от приступа кашля, вдруг быстро приподнялся и на его болезненном лице отразились испуг и удивление. Заметив испуг сына, отец спросил его:

– Что с тобой, Вася? Чего ты испугался?

– Разве, батюшка, ты ничего не видишь?

– Я ничего не вижу. Да что видеть-то?

Немного успокоившись, отрок рассказал отцу:

– Когда меня стал душить кашель, я поднялся и сел к столу – лежа тяжелее кашлять, – и я, батюшка, за столом увидал какого-то юношу в белом одеянии, с лучезарным лицом, который, перелистывая книгу, так ласково смотрел на меня... Потом его не стало, а я почувствовал себя так хорошо и легко. Боль в груди утихла, как будто я и больным не был.

Поняли тут родители отрока, что это было необычайное явление, и возблагодарили Бога за Его милосердие к больному сыну [2, с. 7–8].

И не раз, может быть, вспоминая об этом и прославляя Бога, хранящего мла-

денца, Дария внушала маленькому Васе доступные в его возрасте понятия о Боге – Спасителе – и об обязанностях по отношению к Нему христианина.

С младенчества наученный знать и любить Бога, ребенок часто мыслил о Нем, по-своему представляя себе некоторые события из Священной истории. Так, сам иеромонах Варнава часто рассказывал о себе следующее: "Был я однажды летом в поле со своими товарищами-мальчиками, и между двух березок я вдруг увидел Спасителя Иисуса Христа, Который поднимался к небу, возносился. И теперь хорошо помню, как видел Его" [3, с. 7]. Старец ничего не говорил в пояснение сего. Только при жизни своей все собирался посетить это памятное ему место и даже хотел ознаменовать его каким-либо памятником-часовней или храмом. Но не судил ему Господь осуществить это намерение.

И вот, будучи еще отроком, он оставляет милые сердцу родные поля. Проданный со всей его родной семьей иному владельцу, он переселяется на чужбину – в село Нара-Фоминская Московской губернии. Впервые, быть может, глубокая скорбь сжала нежное сердце впечатлительного мальчика, а юная душа его меж тем свыкалась со страннническим уделом человека на земле.

С годами отрок Василий все более совершенствовался в христианской жизни. Не по годам был серьезен, молчалив, избегал праздного разговора. Все невольно обращали внимание на него. Когда он подрос и окреп, помещик приказал обучать его слесарному мастерству, к которому он имел большую способность. Но, находясь на обучении, Василий не забывал Бога.

Каждый свободный от занятий в слесарне день он проводил в Зосимовой пустыни, что близ Нары-Фоминской. Ему нравилась монастырская служба, привлекала к себе тихая обитель, полюбилась иноческая жизнь. В свободные от богослужений часы юный слесарь старался чем-либо послужить монахиням: той исправит старый замок, другой ключик подберет, иной скобку или крючок к двери приделает... Может быть, к этому побуждал его и славный в округе своей подвижнической жизнью монах Геронтий, в то время живший отшельником близ Зосимовой пустыни. Среди множества посетителей, искавших у него совета и руководства в жизни, старец Геронтий особенно полюбил и приблизил к себе богобоязненного юношу Василия, нередко подолгу оставляя его у себя для беседы. Под влиянием опытного в духовной жизни старца у юного Василия возникла и постепенно созрела мысль отречься от мира и всех суетных, скоропреходящих его радостей.

Скоро случилось одно обстоятельство, имевшее решающее значение для Василия. Это было в 1850 году. Мать Василия собралась на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру и позвала с собой сына. Тот с радостью принял предложение, и они отправились в путь. Там, у раки великого угодника Божия, Василий сподобился воспринять вместе с великим утешением для души своей и некоторое таинственное уверение в том, что его неодолимое стремление к жизни иноческой не было мимолетным увлечением юношеского сердца, но что здесь, в обители иноков, и есть его родная среда. Об этом он сам рассказывал потом так: "Однажды, по окончании службы в Троицком соборе, подошел я приложиться к мощам Преподобного Сергия и, когда прикладывался, почувствовал великую радость на душе. То было тогда для меня необъяснимо, но так сильно охватило меня всего, что тут же у раки угодника Божия окончательно решил, если Богу угодно будет, поступить под кров его обители" [3, с. 12].

И вот в 1851 году двадцатилетний Василий оставляет суетный мир, получает родительское благословение на новую жизнь и удаляется в обитель Преподобного Сергия Радонежского. Благочестивая мать со всецелой преданностью воле Божией восприняла решение сына посвятить себя на служение Богу.

Вскоре за учеником своим в обитель прибыл и наставник его – старец Геронтий, возымевший желание окончить свой иноческий путь у мощей Преподобного Сергия. Здесь он принял схиму и назван был Григорием.

Исполнил Господь желание раба

Своего, водворил его под кровом угодника Своего Сергия в великой и славной обители и дал ему возможность испытать сладость духовного счастья, которого давно искало его сердце.

Но один только месяц Василий и старец-наставник прожили вместе, в одной обители. Множество братии и тысячи богомольцев не давали юному ревнителю благочестия и подвижничества наслаждаться уединением. Василий по благословению своего старца схимонаха Григория и с разрешения наместника Лавры архимандрита Антония (Медведева) перешел в Гефсиманский скит*.

Здесь среди старцев-подвижников перст Божий указует ему духовного руководителя в лице монаха Даниила, у дверей келлии которого постоянно толпился народ, жаждавший слова истины из уст праведника-прозорливца. Любвеобильное сердце крылось под суровой внешностью подвижника, и юный Василий всей душой прилепился к нему. В эти первые годы иноческой жизни юный послушник собрал для себя обильный запас сил духовных, которыми он был впоследствии так богат и могуч. И, без сомнения, зачатки тех добродетелей христианских, которыми украшен был будущий старец Варнава, восприняты были им от старцев-наставников.

Новоначальный послушник Василий сначала проходил послушание в слесарной мастерской. Ремесло, знакомое ему еще в миру, скоро сделало его известным среди братии под именем "Василия-слесаря" (это давний обычай в монастырях – звать по послушанию).

Послушание в определенные часы дня, затем утреннее и вечернее правило оставляли ему немного свободных минут на добровольно взятую на себя обязанность келейника старца Даниила. Принести дров, истопить печку да вымести пол – вот и все, что требовалось от келейника. Но эти труды были для него лишь поводом, чтобы лишний раз зайти к своему отцу духовному и в откровенной беседе с ним облегчить сердце от накопившейся за день тяготы греховной и напитать душу, алчущую правды, живым добрым словом мудрого старца.

И старец-схимонах Григорий не оставлял Василия без своего отеческого попечения и полезных советов. Оба старца, опытные в познании людей, видели плодоносную почву открытого им сердца послушника Василия и с любовью обильно засевали ее семенами добродетелей.

В праздники Василий посещал первого своего наставника схимонаха Григория в Лавре. Случалось, что он приносил ему какое-нибудь угощение, стараясь хоть этим изъявить свою глубокую благодарность и искреннюю преданность.

Во время предсмертной болезни схимонаха Григория его послушник Василий долго оставался у первого своего наставника и руководителя, в последний раз утоляя мудрыми его наставлениями свою жажду знания духовной жизни.

В это время на него и возложен был подвиг старчества, который он подъял после смерти обоих наставников. Завещая ему принимать с любовью всех приходящих и не отказывать никому в советах и наставлениях, старец Григорий дал ему две просфоры и сказал: "Сим питай алчущих – словом и хлебом, тако хощет Бог!" Он открыл ему волю Божию: им должна быть устроена женская обитель в отдаленной местности, сплошь зараженной расколом. Обитель эта должна послужить светочем для заблудших чад Православной Церкви. Об этом Сама Царица Небесная попечется и укажет ему место для обители, которая должна быть освящена во имя Ее.

При этом старец, с любовью и грустью взглянув на возлюбленного ученика

---

* Гефсиманский скит при Свято-Троице-Сергиевой Лавре основан митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) в 1844 году в Корбухе. Скит был любимым местопребыванием митрополита Филарета; для него в скиту были построены митрополичьи покои. При ските за прудом были сделаны пещеры. Первым там поселился известный юродивый Филиппушка (Филипп Андреевич Хорев), впоследствии схимонах Филипп. Близ его пещеры было вырыто еще несколько пещер, соединенных подземным ходом; в одной из пещер была устроена церковь во имя Архангела Михаила, освященная в 1851 году. В скиту был принят устав Саровской пустыни; псалмы в пещерах пелись по уставу преподобного Паисия Великого.

своего, не скрыл от него, что придется ему претерпеть много скорбей и неприятностей. Предрекая это, он ободрял и утешал его: "Претерпи все благодушно, чадо. Это гонение воздвигнет на тебя ненавистник нашего спасения, враг рода человеческого. Впоследствии же скорбь твоя сменится духовной радостью, слава об обители разнесется далеко и потекут со всех концов России золотой струей обильные приношения, и процветет эта обитель "невест Христовых", яко крин сельный. Будут многие приезжать только посмотреть на обитель и будут дивиться ее благолепию..."

Стоя на коленях перед одром умирающего старца, преданный ученик с горькими слезами внимал словам наставника. Припав к его груди, он просил не возлагать на него бремя, превышающее его силы. Старец, с любовью взглянув на него, ответил: "Чадо, не моя есть воля на сие, но воля Божия да совершается над тобою! Не сетуй на тяжесть креста: тебе будет Господь помощник. Без помощи Божией оно тяжело и непосильно: но ты, чадо, в день скорби *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя припитает*" (Пс. 54, 23].

Утром послушник Василий услышал, что старец Григорий, его дорогой наставник, потерял дар речи. А через два дня, 2 января 1862 года, схимонах Григорий тихо предал дух свой Богу [1, с. 18–19].

В глубокой печали о потере отца и наставника своего и в смущении от его предсмертного завещания послушник Василий спешит к старцу Даниилу и в тиши его уединения изливает пред ним всю скорбь своей души. Но и этот старец, к удивлению и большой печали Василия, убеждает его в необходимости с покорностью воле Божией исполнить завещанное ему. "Да будет так, якоже хощет Бог!" – заключил старец Даниил, и смиренный ученик мало-помалу успокоился, хотя и не переставал в душе страшиться креста предстоящих скорбей и высоты возложенного на него подвига [3, с. 22].

В 1865 году послушник Василий лишился и другого наставника – монаха Даниила, который перед смертью завещал ему принять на себя подвиг старчества. Когда же послушник Василий просил со слезами снять с него подвиг этот, вдруг, к ужасу своему, увидел, что у старца Даниила пошла гортанью кровь, и он на руках возлюбленного ученика своего тихо предал дух свой Богу. Господь явил Свою волю, и молодой старец покорился ей.

Послушник Василий был глубоко предан своим умершим наставникам и первое время сильно переживал утрату их. Всегда с благодарностью вспоминал он их отеческое участие и ободрение в постигавших его скорбях и непосильных притеснениях в жизни. "Много, – говорил не раз он, – пришлось мне перенести скорбей и напраслины в жизни. Не знаю, перенес ли бы я их, если бы не поддержка со стороны моих старцев-наставников" [1, с. 30].

Через год после кончины старца Даниила в жизни послушника Василия совершилась важная перемена. 30 июля 1866 года он пишет прошение в Учрежденный Собор Лавры о пострижении в монашество [4].

В докладе Учрежденного Собора митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету излагается просьба: "По убеждению в доброй жизни во время трехлетнего послушнического искуса к поступлению в монашество послушника Василия Меркулова, желающего воспринять монашеский сан, Учрежденный Собор испрашивает архипастырского дозволения и благословения постричь его в монашество, по доброй его жизни и усердному исполнению возлагаемого на него послушания" [5].

20 ноября 1866 года послушник Василий Меркулов был пострижен строителем Гефсиманского скита иеромонахом Анатолием в монашество с наречением имени Варнава [6] (что значит "дитя милости – сын утешения") в честь святого апостола Варнавы. Через три с половиной года, 20 августа 1871 года, Учрежденный Собор Лавры ходатайствовал перед митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием (Вениаминовым-Поповым; †1879] о рукоположении монаха Варнавы в иеродиакона [7]. В Послужном списке отмечено, что монах Варнава "поведения хорошего и усердно проходит

послушание" [8].

29 августа 1871 года монах Варнава был рукоположен в иеродиакона епископом Леонидом (Краснопевковым)* в храме святителя Николая в Николо-Угрешском монастыре [9]. 20 января 1872 года иеродиакон Варнава рукоположен во иеромонаха епископом Можайским Игнатием (Рождественским)** в Покровской церкви в Высокопетровском монастыре [10].

Не могла укрыться духовная зрелость иеромонаха Варнавы от знавших его. Вскоре широкая известность его в народе побудила наместника Лавры архимандрита Антония утвердить его в звании народного духовника пещер Гефсиманского скита. Став духовником, он приобрел еще большую известность среди богомольцев, о чем пророчески предрекали старцы. Множество православных стало стекаться к отцу Варнаве за получением благословения, за советом в важных жизненных обстоятельствах, за утешением в скорбях. Все дни – с раннего утра и до глубокой ночи – он посвящает теперь служению им. Двери его убогой келлии открыты для всех. Старушка, издалека пришедшая на богомолье к "Троице-Сергию", юноша-студент, ученый, сановник, мастеровой, торговец, молоденькая девушка, монахиня, дети – все идут к батюшке и находят у него духовное утешение. Для всех он одинаково доступен, всех привечает словом отеческой любви, утешения, как истинный *сын утешения* (Деян. 4, 36) [3, с. 33].

В 1890 году иеромонах Варнава назначается духовником братии. "Воспитываемый до этого времени старцами-наставниками и сокровенным иноческим деланием, отец Варнава теперь сам становится воспитателем и духовным врачевателем людских сердец, открывавшихся на голос любви и сочувствия" [2, с. 12].

Вечером обыкновенно приходили к нему духовные дети, монахи, и батюшка бывал им всегда рад. "С какой любовью занимался он с нами, – вспоминает один из них, – с каким терпением выслушивал он наши неразумные вопросы и как мудро, просто и отечески ласково наставлял он нас" [11, с. 7]. Для братии монастыря двери его келлии всегда были открыты. "Когда монахи спрашивали его, можно ли прийти к нему и когда, батюшка отвечал: "Во всякое время можете, как только свободны и имеете что-либо сказать мне, хотя самое маловажное, по вашему мнению. Мы и сами советуемся и оттого в грязи не валяемся" [11, с. 6]. Старец всегда охотно принимал собратий: он даже выговаривал, бывало, когда не посмеет его "сынок" беспокоить и сядет где-нибудь в сенях в ожидании, пока сам он не отворит двери. "Ты что же не постучал? Всегда, как придешь, стучи, за послушание стучи всегда", – говаривал батюшка. И когда бы ни пришли к нему его "детки" – утром ли, днем ли в часы отдыха или поздно вечером, – никто никогда не замечал ни тени неудовольствия на лице его или в голосе.

Некоторые из духовных чад иеромонаха Варнавы рассказывали и об особо знаменательных случаях доброй попечительности старца о них, когда он, как бы преступая пределы пространства, вразумлял их.

Послушник Гефсиманского скита Николай Рулев (впоследствии монах Нестор) спустя шесть лет по поступлении в обитель, в октябре 1901 года, тяжело заболел и был помещен в скитскую больницу, откуда через месяц его по совету доктора отправили в Москву. Там ему сказали, что нужно делать операцию, но он не согласился и поехал к родственникам в Ярославль, где ему в городской больнице сделали операцию. Между тем в скиту никто не знал, где находится Николай, так как он ничего не сообщал о себе. В ночь на 26 февраля 1902 года со сне ему явился отец Варнава и говорит:

– Что ты, Николай, беззаботно тут лежишь? Ведь в скиту уже хотят исключить тебя из братства...

– Батюшка! – в смущении воскликнул Николай, – в таком случае благословите мне сейчас же ехать в скит и просить там, чтобы не исключали меня.

– Нет, нет, сынок, теперь еще нельзя ехать, – сказал иеромонах Варнава.

---

* Скончался 15 декабря 1876 года в сане архиепископа Ярославского и Ростовского.

** Скончался 11 февраля 1878 года в сане епископа Костромского.

Этим явлением послушник Николай был так поражен, что ранним утром написал два письма к своим друзьям: одно – в Гефсиманский скит, другое – в Троице-Сергиеву Лавру, прося их, чтобы они немедленно известили его, что о нем там говорят. Те ответили ему, что 20 февраля скончался скитский игумен Даниил и вступивший в управление скитом казначей иеромонах Иларий, спросив известных лиц из братии о нем, послушнике Николае, и не получив никаких о нем сведений, хочет писать рапорт в Духовный Собор Лавры об исключении его числа братства. Николай письмом просил у отца Илария прощение за свое долгое молчание, умоляя его, чтобы тот не писал о нем в Лавру. Иеромонах Иларий письмом простил, успокоил и обнадежил его. И вот он, оправившись после болезни, 13 мая выписался из больницы и возвратился в скит [2, с. 18–19].

Во время церковной службы, когда не было исповедников, иеромонах Варнава всегда уходил в алтарь и там молился, не замечая ничего окружающего, духом уносясь ввысь – к престолу Того, Кому он посвятил всю свою жизнь. В молитве он черпал силы, в молитве находил покой. С какой верой ежедневно утром преклонял он свои старческие колени перед чудотворной иконой Черниговской Божией Матери и перед Иверской иконой Царицы Небесной и долго молился, прося Ее помощи себе и тем, кто вверял себя его молитвам! Казалось, и в келлии своей не находил он лучше, отраднее для себя места, как только у аналоя перед образами. Тут обновлял он запас той великой духовной силы, которая до конца жизни наполняла его кроткое любящее сердце, изливаясь непрестанно на всех окружающих.

Исполняя завет старцев, иеромонах Варнава с полным самоотвержением служил людям до конца своей жизни. Он был для всех отцом и учителем в жизни, врачевателем немощей духовных, а нередко и телесных.

Тем, кто приходил к нему с жалобой на свои немощи духовные и телесные, старец предлагал иногда довольно необычные лекарства, но никто никогда не раскаивался, принимая эти лекарства с полной верой. Больные глаза старец советовал смачивать комнатной водой, флюс быстро излечивал, повелевая съесть два-три сухих кусочка антидора без воды, боль в груди или боку, не поддававшаяся исцелению лекарствами, утихала, когда по его благословению натирали больное место маслом из его келейной лампады. Горчичники и прочие домашние средства предлагались им даже в весьма серьезных случаях. Он признавал необходимость обращаться к врачебной помощи, но не всегда одобрял операции. Чаще же всего, ради двоякой пользы человека, старец советовал теплее молиться Богу, чаще приступать к принятию Святых Таин Христовых, воздерживаться во всем от излишеств и вообще быть внимательнее к себе [3, с. 67]. На лечение у докторов в случаях неопасных он неохотно давал благословение, однако серьезно больных батюшка не только благословлял полечиться, но и докторов указывал сам [3, с. 68].

Но что всего более внушало глубокую преданность и великое уважение к батюшке Варнаве со стороны почитателей, так это сила и действенность его молитв.

Крестьянин из деревни Болгари Ярославской губернии Михаил Яковлевич Сворочаев пролежал десять лет разбитый параличом. Врачи сказали, что болезнь неизлечима. Убитая горем жена крестьянина отправляется в Троице-Сергиеву Лавру, а оттуда – к старцу Варнаве и рассказывает ему о болезни мужа. Батюшка, благословив ее, сказал: "Молись, раба Божия, молись: Господь милостив – встанет твой муж..." И что же? Приходит она домой и видит, что муж ее, до сего лежавший, словно пласт, вышел на крыльцо и встречает ее. Изумилась женщина и от всего сердца вместе с мужем возблагодарила Небесного Врача, внявшего молитве достойного служителя Своего и казавшего такую милость созданию Своему [3, с. 20–21].

Подрядчик Зайцев из села Нара-Фоминская Московской губернии сообщал, что у доктора Г. сильно болела дочь, отчаялись и помочь ей. Жена доктора обратилась к старцу с просьбой помолиться об умирающей дочери. Отец Варнава,

благословляя ее, сказал: "Бог милостив – будет здорова!" Присутствовавший при этом подрядчик Зайцев сильно усомнился в этом, зная, что больная при смерти. Но недели через две он узнал, что больная поправилась и уже выходит [3, с. 39].

Заехал однажды старец в дом своих духовных чад петербуржцев и застал почтенную хозяйку дома на одре болезни. Уже полторы недели она была без сознания. Отец Варнава подошел к больной и положил руку ей на голову. Женщина открыла глаза и, узнав старца, просила его святых молитв, едва внятно говоря, что ей уже теперь не встать. Старец долго стоял около нее молча, не отнимая руки, а потом, поводя рукой по ее голове, лицу и груди, сказал: "Ты встанешь, дочка, и будешь здорова, а болезнь твою всю я беру и кладу себе в карман и увезу с собой". Затем, благословив больную, старец отбыл. Женщина впала в продолжительный сон, затем почувствовала себе гораздо лучше, а в скором времени совершенно поправилась [3, с. 71].

Подобных случаев было много. Но обычно старец "облегчал" болезни не открыто, а под покровом юродства или обычной в его устах ласковой шутки. Жалуются, бывало, ему на боль в спине от простуды или от трудов усиленных, а батюшка, как бы в шутку, раза два ударит по больному месту, а потом посоветует свой обязательный горчичник. Кто верил, тот по вере своей и получал желаемое здоровье. Голова ли болит у кого, батюшка по голове постучит пальцами или возьмет обеими руками и крепко-крепко сожмет до боли, а сам все улыбается да приговаривает: "Ну, вот теперь и не будет болеть!" Действительно, нередко боль вскоре совсем прекращалась [3, с. 72].

Живая вера в Бога и Вечную жизнь, глубокое самопознание, ум, просветленный светом истины христианской, опытность, приобретенная долговременным навыком обращения с людьми всех возрастов, званий и состояний, – все это сообщало живому слову старца Варнавы силу, убедительность, проникновенность, часто прозрение в неизвестную прошедшую, настоящую и будущую жизнь собеседника [3, с. 73].

Многим угодникам Божиим был свойствен дух прозорливости. Имел такой дар и старец Варнава. Вот некоторые свидетельства об этом.

Когда послушник Захария (будущий схиархимандрит, старец Троице-Сергиевой Лавры) прибыл из Белых Берегов паломником в Гефсиманский скит, он увидел массу народа. Все столпились, хотят видеть старца Варнаву, а пройти к нему нет никакой возможности. Но вот отец Варнава вышел и, обратясь к толпе, сказал: "Где тут лаврский монах? Иди-ка сюда". Никто не откликался на зов, так как в толпе не было лаврских монахов. Старец сошел по лесенке вниз и говорит: "Дайте, дайте пройти лаврскому монаху". Подошел к юному послушнику, взял Захарию за руку, ласково говоря:

– Ну, иди, иди в мою келлию.

– Я не лаврский монах, я из Белых Берегов, – возразил Захария.

– Ну я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в Лавре и будешь лаврским монахом.

Введя в свою келлию обрадованного Захарию, старец благословил его, сказав:

– Ты живи у Преподобного Сергия и ко мне будешь в Гефсиманский скит приходить.

– А вдруг да меня не примут здесь? – сказал Захария.

– Примут, иди к лаврским воротам, там тебя уже три начальника дожидаются.

Пошел Захария к воротам, а там действительно стоят игумен и два монастырских начальника. Захария попросил принять его на жительство в Лавру. Они охотно приняли его, и Захария стал лаврским монахом [13].

О прозорливости иеромонаха Варнавы свидетельствует еще один случай, сообщаемый священником Владимиром Орловым: "Часто посещая Москву по должности миссионера, я нередко останавливался в квартире священника-академика Павла Ивановича Доброва (на Грачах). Батюшка – религиозный человек и мой задушевный друг, но он не вполне признавал достоинства иеромонаха Варнавы. В минувшую Пасху (1907 г.) я был в Москве и вновь, по обычаю, посетил отца Павла. Он со слезами на

глазах рассказывал мне следующий случай о даре предвидения будущих событий блаженного старца Варнавы, а именно: во время минувшей японской войны в его приходе "Никола на Грачах" жило одно семейство запасного рядового солдата, которого назначили на вторичную службу в Маньчжурию. Жена его убивалась день и ночь, плакала о том, что ее кормильца возьмут на войну, убьют. Что она будет делать с кучей детей – семь человек?! И вот в такой беде пришла она однажды к отцу Павлу, прося сообщить ей, когда придет отец Варнава в контору купца Ивана Федоровича Рубцова. В скором времени отцу Павлу пришлось быть свидетелем следующего разговора отца Варнавы с этой женщиной. Последняя, услыхав, что иеромонах Варнава в конторе у Рубцовых, с горькими слезами вошла туда же. Но, прежде чем она от слез могла сказать что-либо, отец Варнава сказал ей: "Ну, что, неразумная, плачешь! Твоего мужа не возьмут в солдаты. Но лучше бы тебе было, если бы взяли, да на твое горе не возьмут. А ты родишь сына, назови его Серафимом, он будет монахом от чрева матери". И действительно, ее мужа в солдаты не взяли, а женщина, по словам отца Павла, родила младенца (скопца от чрева матери) величиною с двухгодовалого ребенка и без болезни. Отец Павел его крестил и назвал Серафимом. А муж несчастной этой женщины стал пить вино, бросил жену и детей, много раз терзал их без милосердия, завел себе незаконную жену, так что от горя эта несчастная женщина неоднократно покушалась на самоубийство" [3, с. 22–23].

Часто старец Варнава указывал людям волю Божию в различных обстоятельствах житейских.

Молодой, образованный и весьма состоятельный человек изъявляет иеромонаху Варнаве свое давнее желание посвятить себя служению Богу в иноческом чине, но вместо того слышит от него мягкую, но настоятельную просьбу оставить мысли об удалении от мира и вступить в брак, причем указывает и достойную невесту. И молодой человек, послушав старца, потом не жалел и до конца жизни последнего оставался преданным его духовным сыном [3, с. 62].

Монахиня Иверского монастыря рассказывала случай, имевший место в ее родной семье. "Задумал отец мой открыть трактир в том же городе, где жил он тогда со свей семьей, и отдать его в ведение своего сына Федора. Отправилась моя матушка вместе с внуком, сыном Федора, мальчиком еще небольшим, к "Троице" помолиться. Зашли к батюшке Варнаве, чтобы испросить его благословения на новое дело. Но старец не благословил начинать дело, сказав, что им, как людям старым, оно будет не под силу. А когда моя мать продолжала настаивать на своем, говоря, что не им, старикам, а сыну Федору придется вести торговлю, то батюшка решительно отсоветовал открывать трактир, сказав, что "и Федору поздно" было начинать торговлю. Не прошло и года, как это было сказано старцем, мой брат Федор, до того вполне крепкий, здоровый мужчина, заболел и вскоре умер" [3, с. 64–65].

Случилось, что данный старцем совет неточно исполнялся или же совсем не исполнялся по личному соображению просивших его. Последствия ослушания были печальными.

Московский купец М-в просил благословения выдать дочь замуж за известного ему человека. Старец Варнава не дал благословения и притом прямо сказал М-ву, что придется ему взять к себе троих, если не послушает теперь и отдаст дочь. Так и случилось: пришлось взять к себе и содержать дочь с двумя детьми, поскольку замужество ее оказалось не из счастливых – молодая женщина разошлась с мужем и переселилась к отцу [3, с. 65].

Московский торговец Б-в задумал улучшить освещение в своей лавке и просил благословения у старца прорубить со двора окно. Батюшка же советовал ему прорубить окно с улицы, а со двора – никак не благословлял. Б-в рассудил, однако, по-своему и сделал окно со двора. И пострадал за ослушание: чрез это окно забрались в лавку воры и причинили ему значительные убытки [3, с. 66].

Духом кротости врачуя душевный недуг, старец незаметно для человека приводил его в сознание греховности,

возрождал его к новой жизни по евангельским заповедям, давал ему возможность ощутить духовную глубину человеческой личности. Где же сердечная почва виделась ему более мягкой и способной к восприятию добрых советов, там действовал он ласкою и теплотою своего отеческого слова.

Приехал к иеромонаху Варнаве "на пещеры" из Кронштадта полковник с женой. Оба они, хоть и жили под одной кровлей, были совсем чужые друг другу, имея тайные связи на стороне. Не утаилось это от прозорливого старца, и он, взяв обоих за руки, прямо сказал им, чтобы порвали свои противозаконные связи, простили бы друг друга и впредь ни одним словом не напоминали бы о прошлом. Тронутые отеческим словом доброго батюшки, муж и жена тогда же примирились между собою и дали слово исполнить его совет [3, с. 76]. И кто знает, сколько подобных случаев духовного врачевания видели стены его убогой келлийки за время его старческого служения!

Да и кто может исчислить, сколько народу побывало у него за все это время и сколько благ духовных даровал этим многочисленным людям старец-утешитель?

Как же отзывчив был батюшка к горю всякого страдальца и к каким только способам ни прибегал он при утешении своих "деток"! Особенно поразительна была находчивость мудрого старца там, где горе было слишком глубоко и не поддавалось никакому благотворному воздействию.

Пришла однажды к батюшке женщина и со слезами просила его благословения развестись с мужем, который почти всегда бывает нетрезв и причиняет ей много горя. Измучилась она за все эти двенадцать лет своей замужней жизни. "Успокойся, успокойся, дочка, не плачь! – утешает старец бедную женщину. – Поверь мне: он скоро, очень скоро будет на коленях просить прощения у тебя во всем и сам отстанет от вина!" И сбылись слова старца: женщина приходила благодарить своего избавителя за его молитвенную помощь ей [3, с. 77].

"Русское спасибо тебе, добрейший батюшка и утешитель в скорбях наших, отец Варнава, – писала старцу его духовная дочь Евфросиния. – Письмо твое мы получили, в котором ты советовал нам молиться о здравии пропавших солдатиков, о которых мы писали, что они убиты, мы их записали в поминанье; но как получили твое письмо, то начали поминать о здравии. И вот недавно они нам письма прислали. Они все, слава Богу, живы, только в плену у японцев..." [3, с. 78].

В июне 1901 года жительница Полтавской губернии Е. Н. Т-ва писала, что она, выезжая в поле и видя, как все гибнет от бездождия – и хлеб, и трава, и скот, решилась послать телеграмму отцу Варнаве с просьбою помолиться о дожде. И вот 5 июня пролил по всей степи такой обильный дождь, что лучшего и желать было трудно [3, с. 78].

Всех приходящих к старцу он называл "сынками" и "дочками" и никогда никого – на "вы", всегда на "ты". Среди "сынков" были, например, обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и даже император Николай II, пришедший с покаянием к старцу в начале 1905 года. О содержании беседы императора со старцем Варнавою точных сведений нет. Достоверно известно лишь, что именно в этом году Николай II получил предсказание старца о принятии мученического конца, если Господу угодно будет этот крест на него возложить [14].

Старец Варнава многим предсказывал будущие гонения за веру – иным прикровенно, иным совсем открыто – и давал прямые и точные указания, как им жить в годы грядущих испытаний.

Предсказывал старец Варнава и будущее возрождение Русской Православной Церкви: "Преследователи против веры будут постоянно увеличиваться. Неслыханные доныне горе и мрак охватят все и вся, и храмы будут закрыты. Но когда уже невмоготу станет терпеть, то наступит освобождение. И настанет время расцвета. Храмы опять начнут воздвигаться. Перед концом будет расцвет" [15, с. 69–70].

Среди многочисленных трудов и подвигов иеромонаха Варнавы первое место по своему величию и явленной в нем силы веры и любви старца, бесспорно, займет достославное дело создания и

окормления им Иверского женского монастыря в Нижегородской губернии.

Исполнив заветы свих наставников в отношении старчества, отец Варнава, конечно, не мог пренебречь и другим заветом своего любимого старца Григория – об устройстве женской обители.

Под духовным водительством старца Варнавы происходит постепенное преобразование основанной им Выксунской богадельни в общину, а затем и в монастырь.

Со дня освящения богадельной церкви в честь Иверской иконы Божией Матери богадельня стала официально именоваться Иверской. Число сестер, поступивших в новую обитель, значительно увеличилось, а в 1873 году их было более ста. В том же году сумма пожертвований на устройство обители достигла 15 тысяч рублей [1, с. 44–45].

Иверская обитель уже в начале своего существования в виде богадельни (с 1864 до середины 1874 года) являлась благоустроенным общежитием. Управительницей богадельни была старшая по летам сестра, знакомая с правилами монашеской жизни. При наставничестве основателя и благодетеля обители отца Варнавы она руководила трудами и занятиями сестер. В этот период существования богадельни начальницей ее была Неонилла Честнова. После преобразования богадельни в общину ее начальницей сестры избрали Марию Пивоварову, дочь усопшего юродивого Димитрия Пивоварова. Это избрание было утверждено и епархиальной властью. Настоятельство в Иверской обители Марии Пивоваровой продолжалось семь с половиной лет – с середины 1874 до 1882 года.

Первые годы настоятельства Марии Пивоваровой были ознаменованы очень важными событиями. При ней построен и освящен каменный соборный храм, в 1876 году – каменная колокольня, в том же году повешен большой колокол в 550 пудов. Наконец, в настоятельство Марии Пивоваровой была сложена фасадная стена каменной ограды обители [1, с. 45–46].

Главным занятием сестер общины, согласно составленным иеромонахом Варнавою правилам, была молитва. Полнейшее благоговение, тишина, отсутствие какой бы то ни было суеты отличали богослужения в обители и благотворно влияли на душу богомольца. Богослужения в общине отправлялись со строгостью и порядком истинно иноческим. В то время как в других монастырях сестры, обремененные работой, освобождались от некоторых богослужений, распорядок дня в Выксунском монастыре был построен так, что все сестры присутствовали на всех службах, кроме поздней литургии, посещаемой только несшими церковное послушание насельницами и престарелыми монахинями. В то время в России монастыри были перенаселены и не могли достаточно обеспечить сестер, которые, если не имели собственных средств, вынуждены были прирабатывать. Общежительные монастыри, как правило, предоставляли насельникам трапезу раз или два в день, Иверский же монастырь давал сестрам решительно все, включая одежду и келейную обстановку. Старец Варнава говорил им: "Вы имеете все и если не будете молиться, то оправдания не будете иметь" [16, с. 219].

В 1882 году с благословения Святейшего Синода начальницей Иверской общины была избрана и утверждена Нижегородским Преосвященным Макарием монахиня Рыбинского Софийского монастыря Митрофания. Мать Митрофания, в миру Мария Михайловна Крюкова, происходила из семьи крестьян Новоторжского уезда Тверской губернии. Начала монашескую жизнь она в Рыбинском Софийском монастыре, где в течение двадцати одного года проходила разные послушания. В последнее время была казначеей. Монахиня Митрофания вступила в должность настоятельницы Иверской общины в возрасте 60 лет. Радостно встретила святая обитель эту почтенную и опытную в духовной жизни старицу. Под ее управлением, при ревностном и мудром руководстве и обильной помощи отца Варнавы в 1887 году Иверская община была возведена в степень третьеклассного монастыря. Последовало разрешение и благословение от Святейшего Синода о возведении начальницы, монахини Митрофании, в сан игумены и по-

лучено уведомление о награждении ее за усердные труды по управлению обителью золотым наперсным крестом.

После смерти игуменьи Митрофании в 1892 году настоятельницей Иверской обители стала казначея той же обители монахиня Павла. Ей было в это время 54 года.

В том же году мать Павла была утверждена указом Святейшего Синода в должности настоятельницы Иверской обители, а затем Преосвященным Владимиром, епископом Нижегородским, возведена в сан игуменьи. При ней 17 августа 1897 года совершилась закладка величественного собора во имя Живоначальной Троицы. Игуменья Павла в 1907 году мирно отошла ко Господу. Настоятельницей стала игуменья Серафима.

В начале XX века обитель служила душевной врачебницей и нравственной школой не только для живущих в ее стенах, но и для всех окружающих селений. Благолепием и уставностью богослужений обитель привлекала в свои храмы жителей местных селений, несмотря на продолжительность церковных служб. Церковное благолепие, неспешное чтение, монастырские напевы вызывали в сердцах богомольцев благоговение и слезы умиления [19, с. 17].

В результате благотворного влияния обители, ее просветительской деятельности в соседних селах, например в Мотмосе, где было засилье старообрядцев и сектантов, появились храмы и церковноприходские школы.

Иеромонах Варнава активно способствовал развитию миссионерской деятельности среди окрестного населения. Об этом свидетельствует благодарственное письмо от председателя Совета Братства Креста Господня в Нижнем Новгороде епископа Балахнинского Ювеналия, адресованное иеромонаху Варнаве и игуменье Павле [18].

В последние пять лет жизни иеромонах Варнава посещал Иверскую обитель особенно часто. Он как будто торопился при своей жизни упрочить по возможности ее внутреннее и внешнее благосостояние и потому сам старался наблюдать за всем.

В конце января 1906 года иеромонах Варнава заболел. А 31 января он выехал (уже в последний раз) в Выксу, в свой дорогой Иверский монастырь. Неимоверных усилий стоило ему преодолеть немощь и пойти в храм Божий ко всенощной, во время которой он выходил на литию и полиелей и, еле-еле передвигая ногами, в последний раз совершил с диаконом каждение в храме. На следующий день после ранней обедни, преподав всем благословение, иеромонах Варнава отбыл в Петербург, чтобы исхлопотать у благотворителей помощь для обители.

По приезде из Петербурга 9 февраля батюшка впал в крайнюю слабость.

Наступила пятница 17 февраля. Келлия старца с самого раннего утра была полна исповедниками. Батюшка уже на ногах и вышел "на делание свое", последнее в жизни! В этот же день отец Варнава собирался ехать исповедовать насельниц Дома призрения в Сергиевом Посаде, который существовал на средства Троице-Сергиевой Лавры. Лавра давала средства, а работали там миряне. Управлялся этот Дом самостоятельной начальницей. В нем было два приюта – для мальчиков и для девочек, богадельня и дешевые комнаты для малоимущих одиноких женщин. Основан был Дом призрения наместником Лавры знаменитым архимандритом Антонием, духовником митрополита Филарета. В Доме было три домовые церкви: средняя большая, верхняя на хорах и нижняя, где погребена была первая начальница Дома призрения Елизавета Степановна Кроткова [16, с. 220]. Старец прибыл туда в половине седьмого утра и, не теряя ни минуты, приступил к исповеди. Сняв клобук и возложив на себя епитрахиль и поручи, встал у аналоя в южных дверях алтаря. Началась исповедь. Первою исповедницею была госпожа Е. И. Гончарова, только что принявшая на себя должность начальницы Дома призрения. По примеру своей предшественницы Е. С. Коротковой она пожелала иметь своим духовным отцом батюшку Варнаву и теперь просила его не оставлять ее своими молитвами и мудрыми советами. Старец, по совершении Таинства, преподал ей краткое наставление и затем, ободрив и благословив ее, отпустил. После нее должна была пойти на ис-

поведь госпожа С. А. Нехведович. "Но... настало время совершиться другому таинству – смерти. И труженик Христов с крестом в руке, в крайнем изнеможении, тихо склонился сначала на колени, а затем и совсем преклонился на пол к подножию святого Престола. Крест, выпавший из ослабевшей руки его, лежал на конце епитрахили..." [3, с. 120]. Через 10–15 минут явились друг за другом доктора С. Н. Успенский, академический, и П. И. Якуб, лаврский, которые констатировали факт смерти батюшки.

Через полчаса прибыл наместник Лавры архимандрит Товия с благочинным отцом Аверкием и, удостоверившись от докторов во внезапной кончине батюшки Варнавы, сделал распоряжение о перенесении блаженно почившего в Бозе старца в его келлию "у Черниговской".

19 февраля, в воскресенье, была отслужена торжественная панихида игуменом Иларием в сослужении двадцати священнослужителей.

По просьбе игумена Гефсиманского скита и братии Лавры архимандрит Товия послал в Троицкое подворье Петербурга митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру телеграмму: "Игумен скита и вся братия смиренно просят Вашего благословения похоронить тело иеромонаха Варнавы за алтарем пещерного храма, куда почивший удалялся на безмолвную молитву. Вход в часовню имеется отдельный около храма и алтаря" [20].

20 февраля от митрополита Владимира из Петербурга пришла телеграмма следующего содержания: "Благословляю похоронить тело отца Варнавы за алтарем пещерного храма" [21].

Накануне погребения, 20 февраля, гроб с телом почившего был перенесен в верхний пещерный храм, где Пресвященным Евдокимом, викарием Московским, в сослужении многочисленной братии скита и пещер была совершена заупокойная всенощная [3, с. 102].

21 февраля, во вторник, в 9 часов утра, началось торжественное архиерейское служение Божественной литургии, а затем и отпевание.

На отпевание старца-труженика прибыли три московских архиерея – Преосвященный Трифон, Евдоким и Никон, наместник Лавры архимандрит Товия, инспектор Академии Иосиф, старшая братия Лавры, скита и подведомственных Лавре монастырей.

Гроб почившего во время отпевания окружили его почитатели – люди всех сословий и званий – богатые и бедные, знатные и незнатные. Неподдельное чувство скорбящей любви видно было на всех лицах. Многие из присутствовавших так переполнены были чувством скорби, что не могли сдерживаться и восклицали: "Батюшка, дорогой, ты все давал в жизни мне!", "Ведь ты, ты исцелил меня!", "Отрада жизни моей!" С этими возгласами, вырывавшимися из глубины любящих сердец, и опустили в могилу тело в Бозе почившего старца [2, с. 6].

Так угас светильник, а на месте его упокоения затеплились неугасимые лампады и множество свечей. Над могилой старца, у правой (южной) стены пещеры, возложили каменное надгробие, а поверх него – массивную черную мраморную плиту. На ней посредине выгравирован восьмиконечный крест, над ним – полукругом слова: "Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем", а под крестом – надпись: "Здесь погребен старец Гефсиманского скита и основатель Иверского Выксунского женского монастыря иеромонах Варнава, 75 лет. Скончался 1906 года февраля 17-го дня. Он жил во славу Божию" [3, с. 128].

Напротив входа в часовню-пещеру в восточной стене находится большая Иверская икона Божией Матери. Взор ее так приветливо-ласково обращен на входящего сюда богомольца, что верится: Она видит всю его сердечную боль. "Невольно влечется сердце к этой материнской любви, светящейся во взоре Небесной Заступницы, – вспоминал современник почившего старца, – в молитве пред Нею оно изливает всю свою скорбь и получает от Нее благодатное утешение. Недаром почивший старец любил эту пещерку-часовенку и каждое утро молился здесь пред Иверской иконою... И идут сюда теперь изо дня в день православные люди, одни на смену другим; помолятся, поплачут слезами умиления, неслышно побеседуют с родным батюшкой, попро-

сят его святых молитв и благословения, возьмут маслица из лампадки, что теплится у гроба его, достанут через отверстие над надгробием песочку и оставляют его дорогую могилку с заметным приливом окрепших, как бы обновленных духовных, а иногда и физических сил" [3, с. 128].

Быстро разнеслась весть о кончине старца Варнавы и болью отозвалась в сердцах его почитателей. Всем им хотелось побыть около останков блаженно почившего старца – там, в пещерном храме, около которого в своей убогой деревянной келлийке, среди простой иноческой обстановки он так радостно и приветливо принимал всех, кто приходил к нему со своими тревогами и скорбями, телесными и душевными немощами. Весть о его кончине всколыхнула и Петербург. Безмерно огорчены были его кончиною в основанном им Иверском Выксунском монастыре. Все, кто имел возможность, спешили к праху его. Из разных концов России в Сергиев Посад устремились люди, чтобы поклониться старцу, – так велика была семья его почитателей, так велико было его влияние [11, с. 4–5].

Игуменья Павла Иверского Выксунского монастыря с сестрами и епископ Нижегородский Назарий начали ходатайствовать о перенесении тела усопшего иеромонаха Варнавы в Иверский Выксунский монастырь [22]. Об этом сообщал митрополиту Московскому Владимиру наместник Лавры архимандрит Товия: "Приехала Выксунская игуменья Павла с сестрами, хлопочет здесь и в Нижнем о разрешении перевезти тело усопшего Варнавы в их монастырь. Игумен Иларий с братией скита просит оставить прах в ските, ибо Варнава всю жизнь здесь прожил и подвизался. С мнением скитского игумена и я согласен" [23]. Ходатайства о перенесении останков иеромонаха Варнавы в Иверский Выксунский монастырь продолжались и в дальнейшем.

Определением Святейшего Синода от 24 марта–15 апреля 1908 года ходатайство игуменьи Иверского Выксунского монастыря о перенесении в этот монастырь останков иеромонаха Варнавы "оставлено без последствий". 24 ноября 1911 года епископ Нижегородский Иоаким (Левицкий)* представил в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода ходатайство священника Нижегородской епархии Владимира Орлова, причтов церковных и сельских старост, смежных с Иверским Выксунским монастырем, о перенесении останков иеромонаха Варнавы в Иверскую обитель. 6 октября 1912 года Святейший Правительствующий Синод определил: "Представленные Преосвященным Нижегородским ходатайства священника Владимира Орлова и других поименованных выше лиц оставить без последствий" [24]. Так и остался до времени почивать старец Варнава в Гефсиманском скиту.

Современники находили духовное родство иеромонаха Варнавы с преподобным Серафимом Саровским. "...Не во исполнение ли слова Божия дано воздаяние за жизнь во славу Божию? "Он жил во славу Божию!" То же начертано на надгробии и преподобного отца Серафима Саровского. И не случайно это совпадение: оба они жизнью своею славили Имя Божие, и можно с уверенностью сказать, были сродни друг другу по духу подвижнической жизни своей" [3, с. 160]. Один духовный сын старца Варнавы – петербургский купец В. Н. М-в еще при жизни старца видел знаменательный сон, который потом рассказал старцу Варнаве. "Виделось мне, – говорил он, – будто я иду на богомолье в Никольский монастырь, что близ моей родины в Гороховецком уезде. Во сне дорога мне показалась незнакомою, и я блуждал по лесу. Вдруг вижу – впереди меня идет старец с сумою за плечами, и в руках топорик. Поравнявшись со старцем, я спросил у него, как пройти в Н-й монастырь. Старец сказал: "Пойдем, проведу тебя, я туда же иду". Вглядываясь в своего спутника, я признал в нем отца Серафима и сам спросил его: "Батюшка, вы будете отец Серафим?" "Да, я Серафим", – отвечал мне старец, и мы продолжали свой путь по лесу. Отец Серафим остановился подле попавшегося нам большого срублен-

---

* Скончался в сане архиепископа в 1921 году.

ного пня и сел на него, положив около ног суму и топорик. Сел рядом с ним и я. Вдруг с другой стороны от меня неожиданно явился батюшка Варнава и сел подле меня, так что я оказался среди обоих старцев, которые были очень радостны, облобызались между собой и затем стали что-то говорить. Но что говорили они – не мог я понять и проснулся". Батюшка Варнава, выслушав этот рассказ, весело заметил только: "Ну вот, был между нами, а не слыхал, что говорили!" [3, с. 160–161].

И по отшествии своем в горние селения великий духом старец Варнава пребывал среди любящих его детей, всегда готовый прийти на помощь. Иногда, являясь им во сне, он беседует с ними, как бывало при жизни. Вот немногие из великого множества свидетельств исполнения на блаженном старце слов Апостола: *Служившии добре степень себе добр снискают, и многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе* [1 Тим. 3, 13].

Некоторое время спустя после кончины иеромонаха Варнавы во время литургии с одной из молящихся в храме сделался припадок. Придя в сознание, она сказала: "Отец Варнава в поручах и епитрахили ходил между нами". Во время Херувимской припадок повторился. Отнесли больную к могиле отца Варнавы и приложили к святому кресту, который лежит на его гробнице. С тех пор, по ее словам, с ней больше припадки не повторялись, и она часто приезжала помолиться перед чудотворным образом Пресвятой Богородицы у гроба отца Варнавы [11, с. 12–13].

"В 1914 году я была сильно больна. Во сне является мне отец Варнава и говорит: "Скажи, дочка, чтобы отслужили заупокойную обедню о всех твоих родных, а тебя пусть помянут за здравие – вот и выздоровеешь". На другой же день исполнила я его совет и через неделю уже могла идти на занятия" [11, с. 13].

В 1919 году духовные чада иеромонаха Варнавы и его почитатели обратились в Духовный Собор Троице-Сергиевой Лавры с ходатайством об устройстве в пещерном храме Гефсиманского скита придела во имя святого апостола Варнавы. В своем письме от 10 марта 1919 года на имя наместника Лавры архимандрита Кронида митрополит Макарий (Невский)* просил удовлетворить просьбу духовных чад старца Варнавы. В докладе Духовного Собора Лавры Святейшему Патриарху Тихону от 30 апреля 1919 года говорится, что "Духовный Собор долгом имеет объяснить, что со стороны Собора препятствий к исполнению просьбы просителей не встречается, если Вашему Святейшеству благоугодно будет разрешить устройство такового придела в указанном месте под наблюдением архитектора". На докладе Духовного Собора 1 мая была поставлена резолюция Патриарха Тихона: "Разрешается, если на месте не встретится препятствия" [25].

В 1921 году был закрыт Черниговский скит, а его братию переселили в Гефсиманский скит. Черниговский собор (с пещерным храмом) был оставлен в ведении Гефсиманского скита, но приказано было сделать деревянный крытый проход в собор. Корпуса Черниговского скита были заселены в основном "уголовным элементом", от которого освобождали Москву. В 1922 году был закрыт и Черниговский собор.

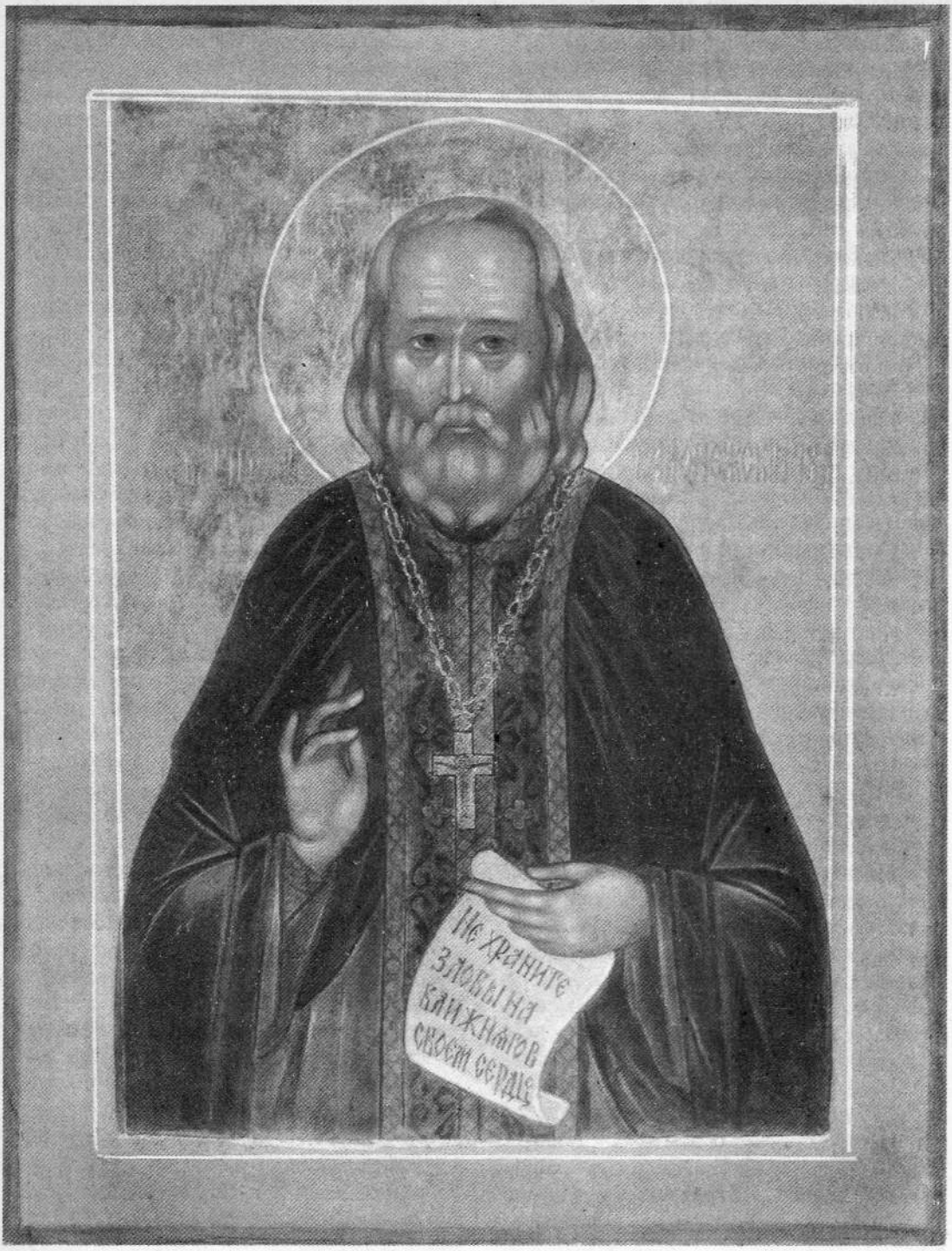
В 1923 году благочестивая женщина, жившая в Сергиевом Посаде, Евдокия Тарасовна Александрова, жена профессора А. А. Александрова (ученика и друга К. Н. Леонтьева и духовного сына преподобного Амвросия Оптинского), добилась разрешения перенести тело старца Варнавы на Вознесенское городское кладбище. В 1934 году Вознесенское кладбище было закрыто, и Е. Т. Александрова добилась разрешения перенести тело старца (и своего мужа, умершего в 1930 году) на Никольское городское кладбище (в начале 1935 года). Вскоре она скончалась и была похоронена рядом с ними.

После войны, в 1952 году, Никольское городское кладбище в Сергиевом Посаде также было закрыто [26, с. 60].

17 октября 1970 года совершилось третье перенесение честных останков

---

* Митрополит Московский и Коломенский. 20 марта 1917 года Святейший Синод уволил его на покой. Скончался 16 февраля 1926 года. Похоронен в Троице-Сергиевой Лавре.

Преподобный Варнава, Радонежский чудотворец

иеромонаха Варнавы с Никольского на Северное городское кладбище [27].

Почитание иеромонаха Варнавы продолжается и в наши дни. Об этом свидетельствуют настоятель Христо-Рождественской церкви г. Выксы, благочинный Выксунского округа Нижегородской епархии протоиерей Геннадий Колоколов, Авдеенко Тамара Константиновна из Сергиева Посада, монахиня Сергия

(Слепова) из Сергиева Посада, монахиня Феофила (Бубнова) из Сергиева Посада, Ильина Галина из Мурома Владимирской области.

В 1989 году по многочисленным просьбам почитателей отца Варнавы на Духовном Соборе Троице-Сергиевой Лавры был поднят вопрос о канонизации иеромонаха Варнавы.

"СЛУШАЛИ: Отца наместника о просьбах церковной общественности ходатайствовать о прославлении известного подвижника благочестия Гефсиманского скита старца Варнавы.

ПОСТАНОВИЛИ: Испросить благословения Его Святейшества направить необходимые документы, касающиеся канонизации старца Варнавы, в Синодальную каноническую комиссию" [28].

На заседании Комиссии при Священном Синоде Русской Православной Церкви по канонизации святых 20–21 февраля 1992 года в Новодевичьем монастыре состоялось обсуждение содержания брошюры "Жизнь во славу Божию. Труды и подвиги старца Гефсиманского скита Варнавы (1831–1906)", изданной Троице-Сергиевой Лаврой в 1991 году.

Председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий 1 марта 1992 года обратился к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию Второму и выразил мнение Комиссии о возможности канонизации отца Варнавы: "Считая, что жизнь и служение старца Варнавы достойны внимания на предмет изучения вопроса о его канонизации, Комиссия констатировала недостаточность представленных исследований. Почтительно сообщая об этом Вашему Святейшеству, прошу, если найдете благовременным, поручить труженикам возглавляемой Вами Троице-Сергиевой Лавры продолжить подготовку материалов для дальнейшего изучения жизни старца Варнавы" [29].

13 января 1993 года наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Феогносту викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго Арсений, епископ Истринский, сообщил резолюцию Патриарха Алексия Второго, наложенную на письме митрополита Ювеналия: "Канцелярия Московской Патриархии препровождает Вашему Высокопреподобию письмо митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия с просьбой о благословении на доработку материалов по изучению жизни старца Гефсиманского скита Варнавы и сообщает резолюцию Его Святейшества:

"12/1–1993 г. Наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Феогносту – поручить кому-то из братии изучить просимые данные".

14 января 1993 года наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Феогност поручил изучение материалов о возможности канонизации иеромонаха Варнавы, старца Гефсиманского скита, наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Георгию (Тертышникову).

Старец Варнава вечно живет не только в сонме небожителей, но и на земле – в сердцах людей. Его великая духовная семья всегда будет хранить в своей памяти светлый образ старца, из рода в род передавая сказание о его житии во славу Божию.

Душа его в горних селениях слышит наши воздыхания и непрестанно возносит к Престолу Всевышнего свои молитвы за нас, любящих его и чтущих его память [11, с. 14–15].

Список литературы

1. Иверский-Выксунский женский монастырь. 4-е изд., испр. и доп. Троице-Сергиева Лавра, 1900.

2. Введенский Д. И. Старец-утешитель отец Варнава (с портретом). Издание Гефсиманского скита. Троице-Сергиева Лавра, 1907.

3. Жизнеописание в Бозе почившего старца-утешителя отца Варнавы, основателя и строителя Иверского-Выксунского женского монастыря. Издание Иверской обители. Сергиев Посад, 1907.

4. Прошение послушника Гефсиманского скита Василия Меркулова о пострижении в монашество от 30 июля 1866 года (Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА), ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 10248, л. 19).

5. Доклад Учрежденного Собора № 1043 Свято-Троицкой Сергиевой Лавры митрополиту Московскому и Коломенскому Филаре-

ту от 3 августа 1866 года с ходатайством о пострижении в монашество послушника Василия Меркулова и других (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 10248, л. 22 и 22 об.).

6. Рапорт № 103 строителя Гефсиманского скита иеромонаха Анатолия в Троице-Сергиевой Лавры Учрежденный Собор от 28 ноября 1866 года о пострижении в числе 5 человек послушника Василия Меркулова в монашество (Там же, л. 42 и 42 об.).

7. Доклад № 895 Учрежденного Собора Троице-Сергиевой Лавры митрополиту Московскому и Коломенскому Иннокентию от 20 августа 1871 года с ходатайством о рукоположении монаха Варнавы в иеродиакона для служения в пещерных храмах (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 11381, л. 32 и 32 об.).

8. Послужной список монаха Варнавы (Там же, л. 33].

9. Свидетельство епископа Леонида о рукоположении монаха Варнавы в иеродиакона в храме Святителя Николая в Угрешском монастыре 29 августа 1871 года (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 11381, л. 34 об).

10. РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 11603, л. 10 об.

11. А р к а д и й, иеродиакон. Воспоминание о старце Гефсиманского скита иеромонахе Варнаве. Троице-Сергиева Лавра, 1917.

12. Наградной список Московской епархии состоящего при Троице-Сергиевой Лавре Гефсиманского скита духовника иеромонаха Варнавы, представленного к наперсному кресту из Святейшего Правительствующего Синода (1888 г.) (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 14039, л. 12].

13. Старец З а х а р и я (1850–1936), схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры. Житие: подвиги и чудеса. М., 1993.

14. Загадочные случаи из жизни царя Николая II. – Церковная жизнь. Париж, 1992, № 6, с. 4.

15. Письмо иеромонаха Варнавы к Н. Китер. Цит. по: С е р а ф и м (Роуз), иеромонах. Будущее России и конец мира. – В кн.: Святое Православие, XX век. Донской монастырь. М., 1992.

16. Монахиня Т а и с и я. Старец отец Варнава "от Черниговской" и основанный им Иверский Выксунский монастырь. – В кн.: Русское православное женское монашество XVIII-XX веков. Троице-Сергиева Лавра, 1994.

17. О пожертвовании от отца Варнавы 1100 рублей для Иверской Выксунской обители в августе 1889 г. (Государственный архив Нижегородской области, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 7].

18. Письмо от председателя Совета братства Креста в Нижнем Новгороде епископа Балахнинского Ювеналия от 27 июля 1893 года с выражением благодарности игуменьи Павлы и иеромонаху Варнаве за помощь в миссионерской деятельности (Государственный архив Нижегородской области, ф. 583, оп. 1, д. 58, л. 22, 22 об.).

19. Е ф р е м, иеромонах. Иверский, что на Выксе, женский монастырь и его основатель иеромонах Варнава. Издание Иверской Выксунской обители. Сергиев Посад, 1912.

20. Телеграмма в Петербург митрополиту Московскому Владимиру из Троице-Сергиевой Лавры о возможности захоронения тела иеромонаха Варнавы за алтарем пещерного храма Гефсиманского скита (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 16824, л. 2).

21. Телеграмма митрополита Московского Владимира 20 февраля 1906 года архимандриту Товии о захоронении иеромонаха Варнавы за алтарем пещерного храма (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 16824, л. 6).

22. Телеграмма архимандриту Товии от епископа Нижегородского Назария 20 февраля 1906 года с ходатайством о перенесении тела иеромонаха Варнавы на Выксу (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 168246, л. 8).

23. Письмо наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Товии митрополиту Московскому Владимиру в Троицкое Подворье Петербурга о ходатайстве игумении Павлы перевести тело усопшего иеромонаха Варнавы в Иверский Выксунский женский монастырь (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 16824, л. 5).

24. Указ № 15189 Святейшего Правительствующего Синода от 6 октября 1912 года о том, что представленное епископом Нижегородским Иоакимом ходатайство священника Владимира Орлова остается без последствий. Копия (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 17932, л. 4, 4 об.).

25. Доклад Духовного Собора Троице-Сергиевой Лавры Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Тихону о возможности устройства придела во имя апостола Варнавы в пещерах Гефсиманского скита от 30 апреля 1919 года (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 19177, л. 8, 8 об.).

26. Жизнь во славу Божию. Труды и подвиги старца Гефсиманского скита Варнавы. Троице-Сергиева Лавра, 1991.

27. Архимандрит Ф е о г н о с т, наместник Троице-Сергиевой Лавры. Свидетельство о перенесении честных останков старца Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой

Лавре иеромонаха Варнавы (Меркулова) на Северное городское кладбище г. Сергиева Посада.

28. Протокол заседания Духовного Собора Троице-Сергиевой Лавры от 30 ноября 1989 года (Протокол утвержден Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом 13 декабря 1989 года).

29. Письмо председателя Комиссии по канонизации святых митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия от 1 марта 1992 года Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию Второму.

Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников),
Свято-Троице-Сергиева Лавра

Отец Сергий Мечев

Отец Сергий Мечев родился в Москве 17(30) сентября 1892 года в семье известного московского священника отца Алексия Мечева, настоятеля храма Святителя Николая на Маросейке, или, постаринному, "в Кленниках". В честь Преподобного Сергия Радонежского его назвали Сергеем.

В 1910 году он закончил с серебряной медалью Третью московскую гимназию. В последующем учился в Московском университете на медицинском, затем на филологическом отделении.

В 1914 году в связи с началом первой мировой войны студент Сергей Мечев прерывает учебу и добровольцем уходит в действующую армию братом милосердия в один из санитарных поездов.

В 1916 году он возвращается с фронта и, продолжая занятия в университете, активно участвует в работе студенческого богословского кружка. Это был период углубленного постижения святоотеческого наследия, творений святых отцов-аскетов.

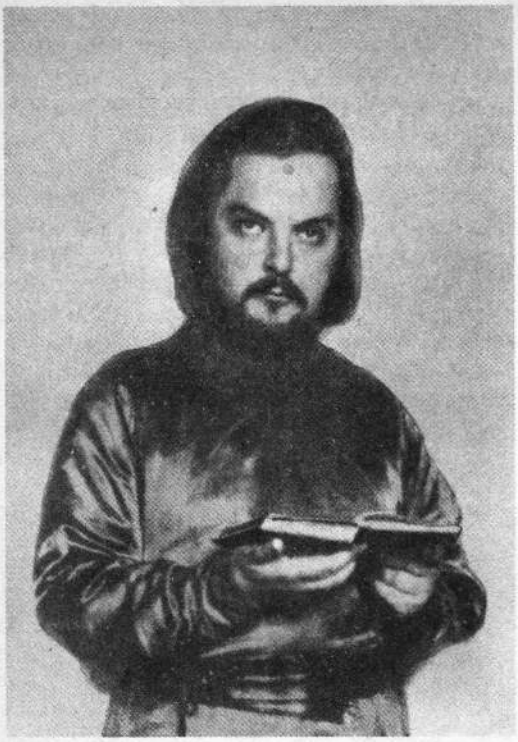
После окончания в 1917 году университета его призывают в армию. Однако вскоре демобилизуют по состоянию здоровья.

В 1918 году Сергей Мечев женится на Евфросинии Николаевне Щафоростовой. Венчал их отец Сергея протоиерей Алексий Мечев.

Гимназист Сережа Мечев (слева верху) с учителями и учащимися церковноприходской школы, в которой преподавал его отец протоиерей Алексей Мечев (начало 1900-х годов)

Еще во время армейской службы Сергей Алексеевич был избран членом Комиссии по сношению Церкви с гражданской властью. В этом качестве он часто бывал у Святейшего Патриарха Тихона, который удостаивал его бесед, в частности о принятии священного сана. Этого же хотел и отец Сергея, старец, в миру протоиерей Алексий Мечев: сразу после венчания он сказал супруге Сергея Евфросинии Николаевне, что

Отец Сергий Мечев

хотел бы видеть Сережу священником.

Осенью 1918 года Сергей Алексеевич едет в Оптину пустынь, где встречается со старцами Анатолием и Нектарием. Со старцем Анатолием у молодого Мечева возникает особенная духовная близость. После продолжительных бесед с ним Сергей Алексеевич принимает решение стать священником.

И вот 30 марта 1919 года Сергей Мечев принимает посвящение во диакона. А четыре дня спустя, 4 апреля, в Великий Четверток, живший в Даниловом монастыре архиепископ Феодор (Позднеевский), бывший ректор Московской Духовной Академии, рукополагает Сергея Мечева во иерея. Отец Сергий начинает службу в храме Святителя Николая на Маросейке, где настоятелем был его отец. Идет гражданская война, и сразу после посвящения отца Сергия снова призывают в армию и назначают часовым на ночные дежурства у Ильинских ворот, совсем рядом с храмом Святителя Николая. И часто случалось, что, исполнив свои воинские обязанности, он шел в храм и, несмотря на бессонную ночь, служил литургию.

Вскоре отца Сергия вновь демобилизовали, и он всецело отдает себя служению Церкви Христовой.

Принятие священного сана в это тяжелое время было духовным подвигом. Если священство есть вообще образ крестоношения, то тем более оно являлось таковым в обстановке преследования христианства, в обстановке гражданской войны и разрухи.

С первых же дней своего служения отец Сергий часто проповедует, а к проповедничеству у него был несомненный дар. Он даже часто говорил о себе, что "не собирался быть духовным отцом, а хотел стать проповедником".

Ко времени вступления отца Сергия в клир храма Святителя Николая на Маросейке здоровье отца Алексия Мечева значительно ухудшилось и иерею Сергию все чаще приходилось заменять отца не только во время рядовых, но также и во время воскресных и праздничных богослужений. Незадолго до смерти отец Алексий часто говорил о сыне: "Он будет хорошим пастырем!" После кончины отца (22 июня 1923 года) вся ответственность за храм и огромную паству отца Алексия легла на плечи отца Сергия Мечева.

Отцу Сергию тогда едва исполнилось тридцать лет, и пастырского опыта ему явно не хватало. Однако этот недостаток с лихвой восполнялся глубоким умом молодого пастыря, его широкой образованностью, основательной богословской подготовленностью и в особенности предельной искренностью.

Постепенно приходил и опыт. Оптинские старцы часто направляли своих духовных чад из числа москвичей именно к нему.

В течение двадцатых годов община храма Святителя Николая на Маросейке возрастала и духовно, и численно, что не прошло мимо бдительного ока ГПУ. В конце октября 1929 года отца Сергия арестовали и сослали в уездный городок Вологодской области Кадников. Но, и живя в Кадникове, отец Сергий не порывает живых связей с храмом на Маросейке. К нему часто приезжают его духовные дети, он нередко пишет

свои пастырские послания осиротевшим чадам в Москву.

В начале 1931 года в храме на Маросейке были арестованы все священники, а в апреле 1932 года храм закрыли. В это время отец Сергий писал в Москву: "Суд Божий совершается над Церковью Русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению..."

В 1933 году срок трехлетней ссылки кончился. Но 8 марта 1933 года отца Сергия вновь арестовывают и осуждают на пять лет ссылки.

Все последующие годы ссылки и аресты следуют, сменяя друг друга, вплоть до дня расстрела. Точная дата гибели отца Сергия неизвестна. Предположительно он был расстрелян в ночь с 5 на 6 ноября 1941 года...

Отец Сергий был щедро награжден от Господа многими духовными дарами, но особенно выдающимся был его талант проповедника.

В двадцатые годы в Москве было немало известных проповедников. Но проповеди отца Сергия носили во многом неповторимый характер. Духовный опыт великих отцов и учителей Церкви и сокровенный смысл богослужения он умел донести в простом и всем понятном слове. В его проповедях нет ни внешних красот, ни глубокомысленного философствования. Они обращены к верующему сердцу человека. По свидетельству современников, его пастырское слово имело огромное воздействие на слушателей, было призывом к христианскому деланию. Будучи сам человеком предельно целеустремленным, он умел будить в своих слушателях волевое начало и призывал не только к трудничеству над самим собой, над своею душой, но и к доброделанию в мире – вот почему в своих проповедях он обращается к наставлениям таких святых отцов, как авва Дорофей, преподобный Иоанн Лествичник, преподобные Антоний и Макарий Великие, Святитель Иоанн Златоуст.

Проповеди отца Сергия Мечева охватывали весь церковный год (начинается он, как известно, 1 сентября ст. ст., в день памяти преподобного Симеона Столпника). Последовательно, в каждой из них отец Сергий дает глубокое раскрытие смысла богослужения, установленного святыми отцами, особенностей каждой службы.

"Христианство не учение, а жизнь", – повторял часто отец Сергий. И именно жизнью считал он богослужение, жизненным циклом – святой "богослужебный круг", который проходят православные христиане вместе со всею Церковью. Ведь именно в богослужении возникает чувство особенной близости Божией, ощущение соприсутствия Божественной благодати.

Отец Сергий очень глубоко чувствовал символику каждого православного обряда, каждой Божественной службы и умел донести свое понимание до духовных чад. Именно этим объяснялась неповторимая праздничность служб в храме Святителя Николая на Маросейке. У отца Сергия не просто вычитывали и пели положенное по уставу, здесь воистину жили событиями евангельской истории.

Отец Сергий вел своих чад по церковному "богослужебному кругу" к спасению. Из нашей привременной жизни он вел верующих в нестареющие пажити вечности.

Вполне понятно, что при таком истолковании богослужения день церковного новолетия воспринимался как особенно торжественный день. Ночная служба под 1 сентября ст. ст. в храме на Маросейке отличалась редкостной праздничностью и многолюдием. Почти все прихожане собирались на богослужение в день "благословения венца лета". По мысли отца Сергия, верующие должны ощутить особую ответственность в день преподобного Симеона Столпника, пред вступлением в новый церковный год, пред вхождением в новый круг богослужения.

Публикуемые выше (с. 18–23) проповеди отца Сергия Мечева "День церковного новолетия (1 сентября)" и "Рождество Пресвятой Богородицы" относятся к 1924–1925 годам; впервые они были напечатаны в сборнике "Надежда (Базель; Москва, 1993, № 17).

Г. И. МОГИЛЕВЦЕВ

Исполняющий волю Божию пребывает вовек...

(О женской святости на Руси)

Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа...

(1 Пет. 3, 3–4)

С первых веков христианства на Руси Провидение возложило на представительниц высшего круга древнерусского общества строгий подвиг – явить идеал женской христианской духовной красоты и хранить его, служить образцом и примером для подражания, стоять свечою на свещнице и светить всем в доме (см.: Мф. 5, 15; Мк. 4, 21; Лк. 8, 16).

Святых княгинь (и княжен) чтили не за знатность, а было в этих женах и их жизни нечто важное и значительное для окружающих. За словами благоверная княгиня (или княжна) всегда стоит определенное историческое лицо того своеобразного типа женской святости, который знала и любила Древняя Русь.

От X до XVII века благоверных княгинь упомянуто в наших списках святых около тридцати. Одни были канонизованы по определению Соборов: равноапостольная княгиня Ольга (Собор 1547 года лишь подтвердил повсеместное на Руси почитание святой княгини Ольги, возникшее еще в домонгольскую эпоху), благоверная княгиня Феврония Муромская и благоверная княгиня Анна Кашинская; другие занесены в наши месяцесловы постановлениями епархиальных архиереев и с благословения Предстоятеля Русской Церкви; третьи как благочестивые жены чтились местно в губернии, городе или монастыре, где покоились их останки.

Хотя каждая из святых жен имела свое историческое житие, все они являют такое множество общих черт, так схожи религиозно-нравственные основы их жизни, так родствен один другому их духовный облик, что можно говорить об особом агиологическом типе благоверной княгини, существовавшем параллельно типу святого благоверного князя. Историческая память сердца русского народа запечатлела тех и других молитвенным почитанием.

Религиозно-этический тип праведной жены не утрачивал социальной основы очень долго: русские женщины высшего круга лишь в конце XVII века перестают считать для себя обязательными нормы жизни, характерные для Древней Руси, и начинают терять самый образ благоверной княгини. Идеал духовной красоты заменила эстетика светской образованности, салонной культуры, моды и изящества.

Слова "благоверный", "благоверная" сохранились лишь в церковной традиции и употреблялись в отношении членов императорской фамилии в церковных возглашениях. Благоверность как строго благочестивая жизнь по вере христианской, благой, истинной, правой – завет древнерусских праведниц – разлилась по лицу Русской земли, стала внесословной (родовитые боярыни и скромные попадьи, богатые купчихи и бедные крестьянки) и дала разнообразные формы женского подвижничества. Иночество, странничество, старчество, юродство, церковно-просветительное и благотворительное служение содействовали укреплению православной веры и хранили святыню церковную в русском народе до самой революции все вместе – бесчисленный сонм праведных инокинь и мирянок всех званий и состояний. Имена многих из них малоизвестны или вовсе безызвестны. Эта безызвестность, потаенность предваряет сбереженную в глубинах народной

жизни русскую святость наших дней.

Какие же религиозно-нравственные черты характеризуют древнерусских благоверных княгинь?

Идеал женской духовной красоты с его глубоким благочестием, боголюбием, богобоязненностью, чистотою благонравия, благотворения проникал на Руси в женские души вместе с православной верой и христианским вероучением. Восприятие добра и зла, благолепия и безобразия усваивалось женскими душами через веру, Святое Крещение и Причащение Пречистых Тела и Крови Христовых, и усваивалось органически вместе с молоком матери.

Основная черта древнерусской праведности – особое, чисто русского склада целомудрие христианского брака как великого Таинства, безусловное послушание воле Божией и безответно-кроткая покорность мужу (высшая добродетель супруги), которая была мыслима только потому, что женская душа смирялась перед Промыслом Божиим и принимала свою судьбу, счастливую или несчастную, как благой дар свыше. Не девственность воспета и прославлена нашими предками в Древней Руси, а целомудренная жена, брак... честен и ложе непорочно (Евр. 13, 4). Единственная жена единственного мужа – вот жизненный идеал Православной Руси. Волшебный туман тонкого искусства любви, окутывавший рыцарские замки на Западе, не расстилался над русским теремом. Благоверная княгиня – верная жена, а супружеская любовь жизненно проста и психологически цельна, она не раздвоена, не растроена; это не "прелесть" колдовских любовных чар – русская жена верна, тиха, милосердна, кротко-терпелива, всепрощающа. Такая любовь запечатлена в житийной литературе, в некоторых былинах и сказаниях, в "плачах".

Другая черта древнерусской женской праведности – особый "чин" вдовства. Вдовство в Древней Руси понималось как подвиг благочестия. Вдовство – не случайное несчастье, которое может быть пережито. Благоверные княгини во второй раз замуж не выходили (хотя Церковь второй брак не запрещала). Монашеский постриг – обручение Небесному Жениху – был путем, который наиболее соответствовал идеалу христианского совершенства. Многие вдовы постригались сейчас же после погребения мужа. Постриг вдов в старину в княжеской и боярской среде был явлением естественным. Подвиг супружеской жизни увенчивался подвигом иноческим. Вдова своим иноческим постригом давала пример достойного завершения единобрачия. Монашеством завершили свое вдовство так много древнерусских княгинь, что перечислить всех невозможно. Вдова Ярослава Мудрого, в постриге Анна. Вдова князя Давида Смоленского – приняла постриг тотчас после смерти мужа (в 1197 году). Вдова Константина Всеволодовича, князя владимиро-суздальского, – приняла постриг над гробом мужа во время отпевания (в 1218 году). Вдова князя Василия Константиновича (Василька) Ростовского, погибшего при Батые в 1237 году. Вдова Довмонта (Тимофея), князя псковского, схимонахиня Марфа, внучка святого Александра Невского. Вдова Феодора Черного, князя ярославского (1298), княгиня Анна, в постриге Анастасия. Вдова князя Феодора Ростовского княгиня Мария – приняла постриг в день кончины мужа (в 1355 году). Вдова Ярослава Ярославича, князя тверского, княгиня Ксения, в постриге Мария. Вдова великого князя Михаила Тверского Анна Кашинская, в схиме Анна. Вдова князя тверского Димитрия Грозные Очи княгиня Мария – приняла постриг после гибели мужа в Орде в 1325 году. Вдова великого князя Симеона Гордого княгиня Александра, в постриге Мария, мать святого Михаила Клопского. Вдова великого князя Димитрия Донского княгиня Евдокия, в постриге Евфросиния, и многие, многие другие...

Таково же было и положение разведенной – нелюбимой или постылой – жены. По существу, это был особый род вдовства: жена при живом муже становилась как бы вдовою. Церкви приходилось бороться за церковный брак против незаконных семей и самочинных разводов. В "Заповедях" митрополита Георгия (XI век) предписывается не венчать, если кто после самочинного развода "третью жену поимет". В "Правиле" митрополита

Иоанна (конец XI века) духовенству велено лишать причастия тех, "иже без студа (стыда. – Ред.) и срама две жены имеют". Гражданское законодательство, так же как Церковь, приняло под свою защиту законную жену и оградило наследственные права ее детей. В Ипатьевской летописи упоминается о разладе в семье галицкого князя Ярослава Осмомысла. Был разлад и в семье князя псковского Ярослава Владимировича и супруги его Евфросинии (дочь полоцкого князя Рогвольда Борисовича). Князь покинул жену и женился в Ливонии на немке, новый брак принес ему во владение город Оденпе. Покинутая княгиня Евфросиния приняла постриг с именем Евпраксия и основала в Пскове женский монастырь святого Иоанна Предтечи, была его настоятельницей до самой кончины. В 1243 году она была убита пасынком, когда приехала в город Оденпе. Местно стали чтить ее как мученицу довольно рано, на десятый день преставления совершилось знамение от иконы при ее гробе.

Печально сложилась семейная жизнь у княгини Феодосии, матери святого благоверного князя Александра Невского. Мстислав Удалой, отец ее, узнав о супружеской неверности зятя (Ярослава Всеволодовича, князя владимиро-суздальского), увез в 1216 году от него дочь и на все просьбы вернуть ее отвечал решительно: "Довольно видела она от него печали... пусть он лучше без нее, чем при ней, живет со своими возлюбленными..." Впоследствии Феодосию все же мужу вернули. Она скончалась в Новгороде в 1244 году, за два года до кончины мужа, приняв постриг с именем Евфросиния. Имя ее было окружено в Новгороде почитанием.

Разведенная жена-монахиня при живом муже в Древней Руси называлась "пущеницей" (отпущенной мужем). К пущеницам надо отнести не только покинутых жен-монахинь, но и принявших постриг с согласия мужа. Так, с согласия мужа и благословения епископа великая княгиня Мария, жена князя Всеволода Большое Гнездо, основала во Владимире Успенский девичий (так называемый княгинин) монастырь. После семи лет болезни, почувствовав приближение кончины, она испросила разрешения мужа оставить княжий дом и перейти в новоустроенный монастырь. В обители была пострижена с именем Марфа. Прожила в постриге 18 дней. В келье никого из мирских уже не принимала, только дочь Всеславу. Скончалась 19 марта 1206 года.

Приняли постриг перед смертью еще при жизни мужа мать святого благоверного князя Александра Невского великая княгиня Феодосия; жена Ивана Калиты великая княгиня Елена, скончавшаяся в схиме в 1331 году; жена Симеона Гордого Анастасия. Постриг перед ожидаемой смертью – общий для мужчин и женщин древнерусский обычай приуготовления к кончине.

Постриги княгинь, какие бы мотивы их ни обусловливали, были возможны потому, что ими руководили живая вера и покорность воле Божией. Возможны они были и потому, что древнерусский семейный быт с его благочестием и строгим церковно-бытовым укладом, включавшим ежедневное молитвенное правило, посты и поклоны, с искренней жалостью, нищелюбием и страннолюбием, с усердным прилежанием церковному богослужению, чтению Священного Писания, Псалтири и Житий святых сближал мирскую и монашескую жизнь. Между ними не было той пропасти, которая их впоследствии разобщила. Женская доля древнерусской княгини в "мире сем" и существование "не от мира сего" сближались, соприкасались, свободно и легко переливались друг в друга, как вода в двух сообщающихся сосудах. В глубине существа своего каждая представительница высшего круга Древней Руси, достойная своего звания, таила в себе иноки-ню, знала, что рано или поздно, а быть ей в клобуке.

Монашество существовало где-то совсем близко, рядом с теремом, оно было явлением и предусмотренным, и предуказанным в тяжелых потрясениях жизни, а также наилучшим способом ее увенчания. Крепкие религиозно-нравственные устои определяли и быт, и личную судьбу русских жен княжеско-боярской среды, но только немногим суждено было войти в сонм святых благоверных княгинь.

По характеру добродетелей и пре-

данности вере и Православной Церкви святые княгини похожи друг на друга, но все же некоторые отличия можно указать. Святые княгини (и княжны) Киевской Руси более напоминают византийских царевен и цариц, нежели благоверных княгинь эпохи монголов. Объясняется это живым общением Древней Руси с Византией и сильным влиянием церковного просвещения. Византийская житийная литература в славянских переводах распространилась у нас после Крещения Руси очень скоро, давая образцы не только пустынножительства, но и святости в миру. Некоторые представительницы императорского дома и византийской аристократии были причислены к лику святых за заслуги перед Церковью и за высокое благочестие. В подвижницах Византии поражает величественный характер их жизни и подвигов, словно византийская культура наложила печать великолепия и на женское подвижничество. Участие в борьбе с ересями, исповедническый путь верности Православию, глубокое знание Священного Писания, богословия и философии, благотворное влияние на правителей и императоров, иногда соучастие в управлении, широкая церковно-просветительная и благотворительная деятельность или, наоборот, бегство от мира в пещеры и пустыни... наконец, тайная или явная, строгая, иногда очень суровая аскеза: строжайший пост, ложе на камнях, власяница, многолетний затвор – все это ярко, величественно.

Вспомним святые имена некоторых подвижниц.

Святая равноапостольная Елена, мать равноапостольного императора Константина. По просьбе сына на склоне лет, уже 85-летней старицей, она отправилась в Святую Землю разыскивать Крест Господень и места главных евангельских событий. Император Константин не счел себя достойным столь высокой миссии, ибо пролил немало крови на полях сражений... Раскопки увенчались успехом: была открыта пещера Гроба Господня, то есть пещера Воскресения, а близ нее обретен Животворящий Крест. Воздвижение Креста Господня – великое событие всемирного значения – относится к пасхальным дням 326 года. Через год, 28 августа, святая Елена почила в Константинополе.

Святая Олимпиада-диакониса (родилась в 368 году). Знатная, богатая сирота, с детских лет она была воспитана сестрой епископа Иконийского Амфилохия добродетельной Феодосией, женщиной выдающегося ума и редкой образованности. В 16 лет Олимпиаду выдали замуж за префекта Константинополя Небридия. Через 20 месяцев она овдовела и посвятила жизнь церковно-общественной деятельности. Благотворительность ее была бесконечна: церкви, монастыри, епископские кафедры, странноприимные дома, больницы – всюду раздавала она свои дары. Хотя ей было только тридцать лет, а не шестьдесят, как требовал устав, Патриарх Нектарий за усердное служение Церкви посвятил ее в диаконисы. Она посещала узников, поддерживала ссыльных, приготовляла крещаемых, помогала при богослужениях... Когда Константинопольскую кафедру занял Иоанн Златоуст, она стала его духовной дочерью и ревностной помощницей в церковно-общественной деятельности. Гонения на него вызвали гонения и на нее. Обличения сильных мира сего навлекли на Иоанна Златоуста бурю негодования со стороны императрицы Евдоксии и некоторых представителей Церкви. Кончилось тем, что его сослали сначала в Вифинию, потом в далекую Армению. Почил он в Команах в 407 году. Олимпиаду в покое не оставили: оклеветали, предали суду, разорили огромным штрафом и выслали в Никомидию, где она и скончалась. Сохранилось семнадцать писем святого Иоанна Златоуста к Олимпиаде, написанных из ссылки.

Святая царевна Пульхерия, осведомленная в исторических, философских и богословских познаниях, соправительница юного брата – императора Феодосия II, а потом самостоятельная правительница. В юности она дала обет девства; пребывала в посте, молитве и трудах; ею основано было множество благотворительных заведений – странноприимных домов и больниц. Все решения она принимала лишь после молитвы и выслушав достойных государственных людей. Пульхерия – выдающаяся церковная дея-

тельница. Имя ее связано с III Вселенским Собором в Ефесе (431 год) против ереси Нестория и с IV Халкидонским (451 год) – против ереси Евтихия. Отцы Собора отметили ее роль защитницы чистоты веры. Скончалась она в 453 году.

Царица Феодора, жена императора Феофила. Она тайно поклонялась иконам и удерживала мужа от преследования иконопочитания. Овдовев в 842 году, она управляла империей как регентша при малолетнем сыне. Первое ее правительственное постановление – прекращение гонений на иконопочитание. Во время ее регентства установлено празднество Торжество Православия. Свою жизнь она окончила в монастыре в 867 году, за восемь лет до кончины приняв постриг.

Блаженная царица Феофания, супруга императора Льва. Первые годы она проводит с мужем в крепости, куда он был заточен своим отцом. Дальнейшая жизнь блаженной Феофании проходит во дворце. Внешне она утопает в роскоши, а тайно блюдет правила суровой аскезы: под царской одеждой носит власяницу, спит на голом полу, держит строгий пост. Евангельская настроенность раскрывается в неутомимой помощи бедным и кротком, ласковом отношении к подданным. Скончалась она в 893 году.

В Византии же – целый сонм преподобных жен-пустынниц, поражающих воображение своей аскетической ревностью. Пустыни Сирии, Палестины, Месопотамии, Египта, острова Эллады – всюду оставили они сияние своих подвигов. Преподобная Синклитикия, основательница, подобно Антонию Великому, пустынножительства в Египте († 350). Святая дева Александра – провела в затворе, в могильной пещере близ Александрии, 12 лет, лишь раз в день вкушая немного хлеба († 376). Святая диакониса Платонида († 308), основательница общины девственниц в горах Месопотамии; обитель дала несколько замечательных подвижниц, из которых наиболее прославлена преподобная Феврония, замученная ужасными пытками во время гонений при Диоклетиане († 310). Преподобная Евпраксия, дочь богатого сенатора (при императоре Феодсии); оставшись сиротою, она раздала свое имущество бедным, отпустила на волю рабов, простила должников и отправилась в Египет подвизаться в монастыре со строжайшим уставом: в пище – ничего приятного для вкуса (не дозволялись ни вино, ни елей, ни плоды), ели через день, иногда через два-три дня, носили власяницу; труд – во всю меру сил и полное послушание настоятельнице; больных не лечили: Господь сам исцеляет от недугов; у монахинь, за исключением привратницы, с миром не было никакого общения, почила преподобная Евпраксия в тридцать лет, в 413 году. Преподобная Евфросиния, 38 лет пребывавшая под видом инока-затворника в мужской Феодосиевской обители близ Александрии († 445). Преподобная Матрона, героически боровшаяся вместе с монахинями обители против ереси монофизитов († 492). Преподобная Афанасия Эгинская, пустынножительница, близкая по церковному подвигу к преподобной Марии Египетской († 860). Преподобная Анфуса Старшая († 759), преподобная Феоктиста († 881) и другие – имен и житий без числа.

Пример восточных отшельниц русских сестер в пустыню не повлек (женское монашество привилось у нас в более мягких формах), зато в киевский период можно подметить первые шаги наших благоверных княгинь в церковно-общественном направлении.

Равноапостольная княгиня Ольга († 969) – первая крещеная русская княгиня, мудрая правительница, тонкий дипломат.

Святая Анна (в миру Ингеерда-Ирина, дочь шведского короля Олафа) – супруга Ярослава Мудрого, первая на Руси княгиня-монахиня († 1052), вместе с сыном Владимиром Ярославичем, князем новгородским, содействовала построению Софийского Собора в Новгороде.

Святая Анна (Янка) († 1112), сестра Владимира Мономаха, – первая на Руси княжна-инокиня, настоятельница женского монастыря святого Андрея в Киеве. Она ввела в своей обители устав, привезенный ею из Константинополя, куда ездила к родственникам матери, урожденной византийской принцессы. В "Янчином" монастыре, как называли ее оби-

тель, постриглась и дочь Владимира Мономаха Марица.

Конец XII века осияла духовностью единственная в нашей агиографии подвижница – просвещенная церковная деятельница, усердная переписчица священных книг и великая путешественница **святая Евфросиния** (в миру Предслава) Полоцкая, дочь князя Георгия Полоцкого. В юности она приняла постриг и сначала жила затворницей при соборной церкви святой Софии в Полоцке, прилежно трудясь над переписыванием священных книг и раздавая вырученную плату бедным. Потом, с благословения епископа Илии, она основала под Полоцком женский монастырь при церкви Святого Спаса на Сельце, куда вскоре поступили ее четыре родственницы. Позднее она основала в Полоцке и мужской монастырь. Большая почитательница Грецни и Востока, святая Евфросиния уже в преклонном возрасте (после 40 лет игуменства) исполнила желание всей своей жизни – предприняла паломничество в Святую Землю. На пути встретилась с императором Мануилом, прислащим ей еще в Полоцк драгоценный дар – копию иконы Божией Матери Одигитрии. "С великой честью" он проводил ее до Константинополя. Здесь святая посетила Патриарха Луку, подарившего ей список с чудотворной Ефесской иконы Божией Матери, и проследовала далее. В Иерусалиме она ходила на поклонение ко Гробу Господню и искупалась в Иордане. Вскоре она заболела и через 24 дня преставилась (в 1173 году), удостоившись перед кончиною получить ангельское извещение, что двери рая ей отверсты... Погребли ее в притворе храма в монастыре преподобного Феодосия. Впоследствии, вероятно в 1187 году, при наступлении Саладина на Иерусалим ее останки были перевезены в Акру, оттуда – в Киевские пещеры.

Благоверных княгинь киевского периода отличало стремление к служению церковному и общественному, к духовному просвещению. Татарское же нашествие затоптало первые весенние цветы и увело русскую княгиню с пути внешнего церковного служения в тесноту теремов и келий, где им предстояло молиться и безмолвно страдать, разделяя горькую долю

Преподобная Евфросиния Полоцкая

своих мужей и семей, оплакивая народ русский в татарском полоне... Хотя некоторые из них и служили Церкви, с разрешения мужа и благословения епископа основывали монастыри или созидали храмы, хотя княгини-вдовы, матери малолетних сыновей, имели право сидеть на вдовьем "столе", наследовать от мужа вотчины, присутствовать на совещаниях бояр, но все же такого рода явления были исключением, не влияли на общий строй и быт и на сам тип благоверной княгини эпохи монголов. На фоне византийского религиозного блеска как трогательно скромны, незаметны, безгласны наши княгини! Пожалуй, никому, кроме нас, русских, даже и не почувствовать тонкой красоты спрятанного от всего мира кроткого страдания, трепета беззащитной жертвы, беспредельного терпения наших праведниц... Чтобы вообразить крестный путь их, надо оживить, хотя бы в общих чертах, страшную действительность, именуемую "татарским игом".

Татарщина была не только цепью фактов и событий, но и стихией иноверной и иноплеменной власти, темной, лютой, чуждой православному русскому народу, проникавшей в умы и сердца по-

бежденных, создававшей психологию унизительной, рабской покорности в условиях полной зависимости от "поганых".

Рязанская земля первая приняла удар. На границе ее погибли вместе с войском шесть доблестных рязанских князей. Трагичен был конец и рязанских княгинь. Княгиня Евпраксия кинулась с колокольни Никольской церкви (по другому источнику, "с высокого терема"); ее свекровь, княгиню Аграфену, с другими снохами и княгинями неверные зарубили в городском соборе; епископа и церковь сожгли; всех людей посекли мечами и потопили в реке – "вкупе мертвы лежали... и даже некому было друг друга оплакивать...". При взятии Москвы та же лютость: "князя взяли руками в плен", а население поголовно перебили, город, села, церкви и монастыри все пожгли... "От Крещения (то есть за всю историю христианской Руси. – Ред.) не было такого зла..." (Лаврентьевская летопись, 1237 год). Скоро пал и Суздаль. Ограбили церкви, княжий двор пожгли и беспощадно расправились с населением: "Чернецов и черниц, старых и попов, слепых и хромых, калек и больных, и всех людей перебили, молодых полонили в свой стан, а сами пошли ко Владимиру..."

Весь путь Батыя – кровь, дым, огонь, где бы он ни появлялся. Тверь... Торжок... и дальше, и дальше уже в пределах новгородских. Около Старой Русы (в 100 верстах от Новгорода) остановленные распутицей татары повернули назад и направились к югу, сломив дорогой яростное сопротивление Козельска. Вся Северо-Восточная Русь была завоевана. Но русские люди и теперь духом не падали: была последняя надежда – существовал Киев и юго-западная Русская земля. Однако в 1239 году Батый взял Переяславль и Чернигов; в 1240–м, после отчаянного боя на стенах города, сдали Батыю Киев, потом татары захватили Волынь и Галич. Гибель Киева ошеломила русский народ. Конец... Владычество монголов... Беда небывалая – и ужас... Разрушенные города, сожженные церкви, монастыри и села, бесчисленные, неизвестно куда угнанные и на каких азиатских рынках распроданные люди, множество перебитых храбрых князей, население, попрятавшееся в лесах, болотах и оврагах, – все смешалось, никто толком не знал, в какую сторону смотреть, куда бежать...

И все-таки уничтожить жизненную силу русского народа монголы не смогли. С национальной катастрофой народ не примирился – скорбел, жаловался, роптал, плакал и молился, но живого голоса не утратил, не замолк. Упавший дух поднимали вера во Христа, любовь к Русской земле и память о незабвенно-славном прошлом. Свидетельства тому – замечательные литературные памятники той эпохи: "Слово о погибели Русской земли", "Плач земли о татарском нашествии". В образе бездетной, одинокой вдовы плачет-причитает над своим несчастным народом Русская земля: "...и восплакалась тогда сама земля, как чадолюбивая мать... О сыны, сыны русские!.. Почто ходите перед Господом Богом, сотворившим вас, в похотях сердец ваших? Чада мои, чада, прогневавшие Господа Своего и моего Творца и Бога..." Образ плачущей женщины, олицетворяющей Русскую землю, был знакомым, родным, "своим"... Поэзия и действительность слились в этом "Плаче...". О страшной всенародной беде твердым, внятным голосом говорила и Русская Церковь в поучениях и проповедях. Веротерпимость татарской власти предоставила церковной иерархии права и льготы, в вопросы веры и церковного управления она не вмешивалась, и архипастырское слово, как это ни кажется невероятным в условиях ига, звучало с амвона. Слово это обличало народ в грехах и беззакониях. Ужасы нашествия объяснялись гневом Божиим. Таковы поучения епископа Владимирского Серапиона: "...тогда Господь навел на нас народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий ни юной красоты, ни немощи старцев, ни младости детей, ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего... Исчезла крепость наших князей, военачальников: храбрые наши бежали, исполненные страха; еще более братьев и чад наших отведено в плен; поля наши поросли травою, величие наше смирилось; красота наша погибла, богатство наше досталось в удел другим, труды наши достались иноплеменникам,

мы сделались предметом поношения для соседей наших, посмешищем для врагов наших..." И то же безыскусственно-красноречивое увещание в "Слове" Митрополита Кирилла: "...какой прибыток мы наследовали, оставив Божии правила? Не рассеял ли нас Бог по лицу земли? Не взяты ли наши города?.. Не пали ли наши сильные от острия меча? Не увели ли в плен наших чад? Не запустели ли святые Божии церкви? Не томимы ли мы изо дня в день от безбожных и нечестивых поганых?.."

Церковь объясняла духовные причины случившегося, запуганных людей ободряла, утешала, указывала им путь покаяния. Смятение в душах было крайнее. Политическая зависимость от татар почувствовалась сразу. Повсюду расположились татарские наместники (баскаки) с военными отрядами; наехали "численники", переписали население и обложили данью; русские князья потянулись в Орду на поклон... Вся тяжесть нравственного гнета легла на плечи высшего слоя русского народа, и надо признать, что русские князья и бояре являли себя в эти времена искушений по-разному. Слабые, малодушные не только приспосабливались, но и возвращались из Орды довольные, польщенные, если татары их приняли и отпустили "с честью", но были и такие, которых никакая "честь" не могла утешить. Князя Даниила Галицкого отпустили "с честью", но он чувствовал горькое унижение. Кланяться кусту и огню его не заставляли, но кумысу он отведал ("Ты наш, татарин, пей наше питье!") и этой обиды забыть не мог. Дома его встретили брат и сыновья "и был плач о его обиде...". "О, злее зла честь татарская!" – восклицает галицкий летописец (Ипатьевская летопись). Были князья-подвижники, твердо исповедовавшие свою веру. Они кончали мученичеством: святой Михаил Черниговский и его боярин Феодор, святой Роман Ольгович Брянский, замученный в страшных пытках. Самое беспросветное время монгольского ига – это эпоха от Батыя до 30–х годов XIV века. Удельная система едва-едва держалась в непрерывных потрясениях, и политически Русь уже не объединяла. Только русский язык, вера Христова и Церковь скрепляли население в единый народ. И еще – общая судьба...

Что же в эти лютые времена пленения, насилия, зыбкого, азиатскими и русскими ветрами колеблемого существования делали русские княгини?

Как бы бытовая жизнь русских жен княжеско-боярского круга ни слагалась, как различна судьба каждой ни была, всех объединяла одна женская доля: нести на своих слабых плечах беды и скорби, а также последствия преступлений и заблуждений своих отцов, мужей и сыновей. Вечный подвиг женственности – молчаливое крестоношение. Беззащитная невинная жертва – любимый на Руси образ христианской святости. В эпоху монголов – постоянные угрозы гибели, неотступная тревога, чувство беззащитности... Во время беспрестанных княжеских междоусобных войн и карательных татарских нашествий благоверные княгини должны были скрываться со своими семьями от вражьих ратей, от ужасов войны с ее беспощадной резней, грабежами, пожарами... Иногда приходилось бежать вместе с мужьями, сыновьями, а иногда – вслед за ними. Так бежала из Суздальской земли во Псков к мужу, а оттуда вместе с ним в Швецию супруга великого князя Андрея Ярославича, поднявшего неудачное восстание в 1252 году. Спасалась бегством во Псков с детьми и мужем, Александром Михайловичем Тверским, княгиня Настасья, когда не удалось восстание в Твери против ханских отрядов посла Щелкана. Пришлось долго и неизвестно где скрываться Анне Кашинской со снохами, внуками, боярами, пока сыновья ее были в бегах, а татарские рати громили Тверскую землю. Бежала в Кострому великая княгиня Евдокия со своим мужем Димитрием Донским, когда внезапно под Москвой появился с войсками Тохтамыш. Бежали, чтобы не погибнуть, чтобы не захватили в плен, чтобы не взяли заложницами...

А как томились благоверные княгини в долгих разлуках с мужьями, сыновьями!.. Расставаясь, никогда не знали, когда они вернутся и вернутся ли (особенно когда отправлялись в Орду), прощались с ними, как перед смертью. Были еще и страдания, связанные с крестом до-

Преподобные Петр и Феврония Муромские

говорных или дипломатических браков. Иногда брачный договор скреплял очередное "крестное целование" – заключение мира воюющими сторонами или союз с сильным, опасным соседом.

Страдания не ожесточают верующую душу, она облекается скромным величием смиренной покорности воле Божией и принятия своей доли. Именно этим скромным величием овеяны образы благоверных княгинь XIII-XVI веков. Большинство из них удостоены лишь местного церковного почитания. Даты кончины или перенесения мощей, гробницы в каком-нибудь соборе либо монастыре, легкий след в летописях, краткое предание о добродетельной, строгой жизни – вот все, что сохранило время, но этого оказалось достаточно, чтобы Церковь и русский народ веками молитвенно их поминали. Только очень немногих княгинь-праведниц потомство запечатлело в житиях и житийных сказаниях, создав их словесные "иконы". Таковы житийные сказания о святой Февронии, святой Евфросинии Суздальской, святой Василисе (Вассе) Нижегородской, святой Иулиании Вяземской, святой Евдокии, супруге Димитрия Донского, святой Анне Кашинской.

Красотою смирения овеян духовный облик благоверной княгини Февронии, супруги святого князя Петра Муромского. Повесть-сказание о их любви и браке так нравилась русскому читателю, что дошла до нас в 150 списках и четырех редакциях. Показателен сам факт почитания народом гробницы княжеской четы в течение 300 лет, несмотря на отсутствие достоверных исторических сведений. Это почитание и дало основание Русской Церкви для канонизации князя Петра и супруги его Февронии в 1549 году и для установления празднования их памяти 25 июня. Достоверность народного религиозного опыта, явившая Русской Церкви святость княжеской четы, оказалась не менее церковно-убедительна, чем достоверность исторических фактов. По-видимому, в этом любимом народом сказании его умиляло осуществление русского идеала супружеской любви, до гроба верной и за гробом нерушимой.

Святая Феврония Муромская – дочь лесника-пчеловода. Князь Петр, исцеленный ею от тяжкой болезни, женился на ней. Гордые муромские бояре невзлюбили неродовитую княгиню и предложили ей покинуть Муром, обещая за согласие на развод позволить ей взять с собою любое из муромских сокровищ. Грубому требованию бояр Феврония покорилась, но "взяла с собой" одного князя Петра, почитая его главным сокровищем. После отъезда княжеской четы возникли жестокие распри между боярами: все притязали на муромский "стол". Чтобы распри прекратить, пришлось просить князя Петра и Февронию вернуться. После многолетнего благодетельного для Мурома княжения супруги по взаимному согласию приняли постриг: Петр с именем Давид, Феврония с именем Евфросиния; заранее приготовив себе одну общую гробницу в соборе Рождества Богородицы, они горячо желали умереть в один и тот же день. Когда князь Петр почувствовал приближение кончины, он послал сказать блаженной Февронии: "Сестра Евфросиния, уже хочу разлучиться с телом, но жду тебя..." Услышав весть, она сказала: "Подожди, господине, пока я дошью воздух для святой церк-

ви..." Вновь прислал блаженный Петр сказать: "Еще немного подожду тебя..." Наконец, в третий раз: "Уже хочу преставиться – и жду тебя..." Она не докончила вышивки, вонзила иголку в воздух, прикрутила ее ниткой и велела сказать блаженному Петру, что преставится вместе с ним... Скончались они одновременно. Два раза их погребали порознь: нареченного Давида – в городском соборе, а нареченную Евфросинию – в церкви Воздвижения Креста Господня (считалось, что нельзя погребать инока и инокиню вместе), однако оба раза на другой же день их тела оказывались в одной гробнице соборной церкви. Не желая оказывать противление воле Божией, там их и оставили. "И аще кто с верою приходит к раце мощей их, неоскудно исцеление приемлет".

Такой же образ христианской добродетели – **святая преподобная Евфросиния Суздальская** (в миру Феодулия), дочь многострадального благоверного князя Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 году. Имя ее связано с ризоположенским монастырем в Суздале, где она приняла постриг.

Предание описывает ее детство и юность. Она – дитя, воспитанное бездетными родителями в Киево-Печерской Лавре. Воспитывал ее отец, а мудрый боярин Феодор научил с юных лет чтению Божественного Писания. С пятнадцати лет Феодулия уже "отрицалась земного брака" после двух знаменательных видений. В одном из них ей дано было увидеть Страшный суд и познать, что такое райские наслаждения; в другом – ей явился некий муж в светлой одежде и молвил: "Иди за мною...", она последовала за ним и вошла в Печерскую обитель. Когда родители решили выдать ее замуж и повезли к венцу в Суздаль, Феодулия, "возлюбив Бога паче мира", всю дорогу молила Богородицу о заступлении. В Суздале ее ожидала весть о внезапной смерти жениха. Домой она не вернулась – приняла постриг в местном монастыре с именем Евфросиния. По воле Божией не супругою князя суждено ей было жить в городе, не подарить ему детей, а быть матерью всех суздальцев и своими молитвами, как чад, сохранять их от врагов и

Преподобная Евфросиния Суздальская

бедствий. Она обладала даром прозорливости и исцеления одержимых нечистым духом. Евфросиния предсказала нашествие татар. Во время нашествия она молилась день и ночь – город подвергся ужасающему погрому, а Ризоположенский монастырь уцелел. Сохранилось предание, что татары не могли к нему подойти, а когда Батый, узнав об этом, стоя на холме, старался рассмотреть, где же обитель расположена, она как бы закрылась мраком. Когда Евфросиния узнала, что отец ее едет к хану, она послала сказать, чтобы он "не склонялся на волю цареву...". После казни отца ей в видении явились отец и боярин Феодор и поведали о своей кончине, благословив ее и благодаря за укрепление в смертный час. Дальнейшая жизнь Евфросинии до кончины – непрестанный подвиг строгого иночества: она любила нищету, ходила в рубище, отказываясь от новой одежды. В смирении своем никогда не притязала быть игуменией и до конца жизни осталась ря-

довой монахиней. Незадолго до ее смерти явились ей отец и боярин Феодор и оповестили о ее близкой кончине. Почила она 25 сентября 1250 года. Хоронил ее весь город.

Святая благоверная княгиня Анастасия (Васса), в иночестве Феодора, супруга нижегородского князя Андрея Константиновича. Родом из Твери, дочь боярина, она родилась в 1331 году в княжение Ивана Калиты и во времена хана Узбека. В 12 лет по воле родителей была выдана замуж. В замужестве явила образец благочестия, подвизалась в молитве, посте и милостыне. Овдовев после 13 лет брака, она "всех людей своих свободи" и свои богатства раздала церквам, монастырям и нищим и постриглась в Зачатьевском монастыре, "его же сама создала"; пребывала в великом безмолвии, кормясь рукоделием и "жестоко и трудолюбиво живяще в посте, молитве и в прочтении Божественного Писания и в умилении и в слезах...".

Сильный и непреклонный характер являет целомудренная страстотерпица **святая Иулиания, княгиня Вяземская, Новоторжская чудотворица**, убиенная в 1406 году за свою непреклонность князем Юрием Смоленским, посланным наместником в Торжок. Юрий "уязвихся окаянным своим похотением на княгиню Иулианию, жену князя Симеона Мстиславича Вяземского, служившего ему". Верная мужу Иулиания, защищаясь от насильника, ударила его ножом. Тогда Юрий убил ее мужа, "а самой руки и нозе повеле отсещи и ввврещи в реку... И бысть ему грех и студ велик, и с того сбежа к Орде, не терпя горького своего бесчестия...". Изуродованное тело, плывущее по реке, увидал один расслабленный. Его объял ужас, и в ту же минуту он исцелился; одновременно он услышал голос, повелевающий ему идти в Торжок и сказать в соборе священнику, чтобы взяли "мое грешное тело и погребли у себя в церкви у полуденных дверей...". Повеление было исполнено. Клир и народ устремились к реке, положили тело в каменную раку и принесли в собор. Вскоре болящие стали получать исцеление. Об убийце Иулиании известно, что он и в Орде не остался, и в свою землю не вернулся. Жизнь свою окончил в Веневском монастыре, у некоего христолюбца Петра. Здесь он, по-видимому, предался покаянию, потому что, когда после краткой болезни скончался, в обители его "проводили честно".

Благочестива и добродетельна была и **святая благоверная княгиня Евдокия**, супруга святого благоверного князя Димитрия Донского, в постриге Евфросиния. Примерная жена и мать, поддерживающая в семье живую веру во Христа, она овдовела после 26 лет брака и предалась подвигам поста, милосердия и молитвы "за державу Русскую". Усердным молитвам княгини Евдокии приписывают спасение Москвы от Тамерлана. Враг остановился у Ельца, вдруг повернул назад и ушел в Крым. Это произошло как раз в то время, когда из Владимира прибыла чудотворная Владимирская икона Божией Матери, привезенная по настоянию княгини Евдокии и совету Митрополита Киприана. Преподобная Евфросиния построила два храма: Рождества Богородицы при княжьем дворе и святого Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском. Ею же был основан и женский Вознесенский монастырь в Москве. Особо подчеркивает предание добродетельную верность княгини покойному мужу. Злые люди хотели бросить тень на ее вдовство. Евдокия молча терпела напраслину, но, когда увидела, что клевета смущает сына Юрия, она открыла сыновьям правду: распахнула на груди одежду, и они увидели, что под княжеским нарядом мать скрывала власяницу, а под ней – до крайности изможденное тело (есть предание, что Евдокия носила вериги). В Степенной книге и в Никоновской летописи под 1407 годом описывается приготовление благоверной княгини к кончине, о приближении которой ей возвестил в видении Ангел. Сразу после видения княгиня онемела. Тогда она призвала иконописца и, "руками помавая", дала понять о своем желании – чтобы был написан на доске Ангел. Когда желание ее было исполнено, Евдокия благоговейно иконе поклонилась, но Ангела не признала: это был не Ангел видения... Написали и новую икону, но и этого Ангела она не признала. Только когда принесли икону с изоб-

ражением святого Архангела Михаила, она узнала в нем чудесного вестника и ей вернулся дар речи. Ожидая кончины, Евдокия начала готовиться к постригу. В тот день, когда она шла в Вознесенский монастырь на постриг, окруженная народом, в толпе совершилось тридцать чудесных исцелений. Сказание особо отмечает исцеление слепца: ему на руки Евдокия опустила рукав своей одежды, он приложил его к глазам – и прозрел... "Трудолюбно иночествовав... добродетельно течение соверши, богоугоди, преставилася в 1407 году 7 июня" (в летописи ошибка. Дата кончины – 1408 год. – Авт.). После ее кончины чудесно зажглась свеча у гроба, и по молитвам княгини, заключает сказание, процветает основанная ею обитель.

В беспросветной темени первого века монгольского ига сияет образ **благоверной княгини Анны Кашинской**. Канонизованная в царствование Алексея Михайловича при Патриархе Иосифе († 1652), исключенная через 27 лет из сонма русских святых в царствование Феодора Алексеевича при Патриархе Иоакиме († 1690), благоверная княгиня Анна через 230 лет, в царствование Николая II, в 1909 году, была вновь признана святой. Житие Анны облекло в ризы красоты и славы ее образ. Оно – образец для подражания потомству, завет ему. Анна – знакомый народу образ настрадавшейся русской женщины, которая, как обычно бывало в Древней Руси, обрела наконец за монастырской стеной утешение в Боге. Образ этот – радование о красоте святости. Анна приняла монашество, вероятно, между 1330 и 1336 годами. Это было сравнительно мирное время, а для Анны после гибели одного из сыновей и внука Феодора – крайний предел страданий. Сыновья Константин и Василий были уже люди семейные, в опеке не нуждавшиеся; и в последние годы перед постригом Анна в миру – старица-молитвенница и религиозно-нравственная наставница, а не только вдовствующая княгиня. К монашеству Анна была приуготовлена всей предыдущей жизнью. Родной Ростов воспитал ее в вере и благочестии. Научил покоряться воле Божией, то есть принимать свою земную долю как дарованную

Благоверная княгиня Анна Кашинская

свыше. Эту послушливость Богу сохранила она до смерти. Если бы не крепкая вера и неистощимость женского терпения, вряд ли по естеству она смогла бы вынести свою беспросветно скорбную жизнь. В годы вдовства Анна уже являла собой образ благоверной княгини, жизнь которой была столь близка к монашеству, что почти ему уподоблялась. Она строго блюла церковный устав с его постами и молитвами, благотворила нищим, сиротам и вдовицам, была страннолюбива, заступалась за всех беспомощных и беззащитных. Однако одно дело – жить в миру вдовствующей великой княгинею, другое – "в безмолвии единому Богу молитвою беседовати"; сочетать то и другое трудно. Нельзя одним оком зрети на небо, другим – на землю, еще невозможнее в суете мира "от всего сердца Богу Единому работати... прелесть века сего помрачает очи душевные и ослепляет мысли умные...". Анна решает покинуть семью и княжий двор. Ее жизнь в тверском Софийском монастыре отмечена особым смирением, кротостью и послушанием. В Кашинской обители, куда она переехала по настоянию и мольбам сына Василия, прозрев в них волю Божию, к ее подвигам прибавились безмолвие и затвор.

"Плоть покорила духу, и Христос возлюбил красоту чистоты ее и сохранил тело нетленно, яко ныне воочию видим", – отмечает автор жития.

Необыкновенной земная судьба Анны не была, многие благоверные княгини терпели те же "страсти": семейные горькие скорби, гибель мужа, сыновей, вдовья доля... Ничто не предвещало по кончине, что Анна выделится из сонма благоверных княгинь монгольской эпохи и засияет в Русской Церкви. Если бы почитание ее хранилось из века в век в Кашине, как хранилось почитание мужа ее, князя Михаила, в Твери, прославление ее через 280 лет лишь оформило бы уже существующее местное почитание. Но было иначе. Память об Анне угасла вместе с родом кашинских князей – имена их сохранились только в летописях. Забвение благоверной княгини Анны и небрежное отношение к ее мощам предваряли чудо ее церковного воскрешения...

Как бы подробно ни описывалась жизнь святых, всегда остается нечто, исследованию не поддающееся, – сама тайна явления в Церкви святого. "Свеча ставится на свещнице" Провидением, и это поставление для "похвалы" предполагает Божие Произволение и ответное движение верующих душ, устремляющихся к святости на земле с такой же энергией, с какой люди в темноте ищут источник света. Только Промыслом Божиим можно объяснить прославление Анны через 280 лет после кончины.

Поводом к воскрешению забытой памяти о княгине Анне послужило чудесное событие. В Смутное время, когда поляки и литовцы грабили и жгли русские города, три раза враги подступали к Кашину, однако, уходили всякий раз, не причинив городу вреда. В ту же пору в Кашине возник однажды сильный пожар, но быстро прекратился, и город не пострадал. Невольно кашинцы стали задумываться: не охраняет ли их чудесная сила? И тут произошло таинственное событие... Тяжелобольному пономарю Успенского собора Герасиму явилась (в 1611 году) во сне жена в схиме, назвавшая себя Анною, и обещала ему исцеление, но при этом сказала: "...гроб мой народом ни во что же вменяется, считаете его обыкновенным и меня презираете... Разве вы не знаете, что я молю Всемилостивого Бога и Богородицу, дабы не предан был город ваш в руки врагов ваших, и что я сохраняю вас от многих зол и напастей?" Таинственный сон и чудесное исцеление пономаря Герасима сделали гроб Анны Кашинской святыней, а в первые годы царствования Алексея Михайловича благоверную княгиню Анну прославила вся Русская Церковь. Перенесение мощей благоверной Анны Кашинской состоялось 12 июня 1650 года. За всю историю Русской Церкви ни одна святая не удостоилась столь великого торжества.

Во второй половине XVII века в Русской Церкви начался старообрядческий раскол. В борьбе с расколом, в правление Патриарха Иоакима (1674–1690), и была вычеркнута из святцев благоверная княгиня Анна Кашинская. Распространились слухи, что благоверная княгиня Анна, прославленная чудотворица, мощи которой сам царь Алексей Михайлович когда-то нес на своих раменах, на раку которой царица и царевна, не щадя глаз, вышивали драгоценные покровы, для которой на средства царской казны построили церковь, которой поют молебны и пишут иконы, – что эта святая покоится в гробу, имея руку "на персях лежащую согбенна с перстами, яко благословляющи", и тем показывает, как русским людям надо креститься. Патриарх Иоаким и отцы Соборов 1677–1678 годов святость Анны явно не отрицали, но, желая устранить повод к смущению народа, отменили молебны и службы святой до времени, "аще чем Бог впредь объявит и утвердит...".

Верующие русские люди благоверной княгине не изменили и памяти ее не предали, почитание любимой кашинской святой продолжалось, продолжали проистекать и чудеса у раки, чудеса благоверной Анны, как себя именовала святая монахиня в явлениях (как правило, во сне) больным и страждущим. В течение всего XIX века кашинцы добивались возобновления почитания благоверной княгини всей Церковью. И 12 июня 1909 года святой вернули церковную славу. В разноцветную гирлянду церковных празднеств 1903–1916 годов,

время царствования императора Николая II, вплетены три цветка церковной славы трех русских жен: благоверной княгини Евдокии (в постриге Евфросинии), супруги святого Димитрия Донского благоверной княжны Евфросинии Полоцкой и благоверной княгини Анны Кашинской.

Как это ни покажется странным, но церковное кашинское торжество дает урок и нынешнему времени. Вот перед нами печальная эпоха татарского ига. В центре эпо-хи – княжеское семейство святой благоверной княгини Анны, татарским деспотизмом разбросанное в разные стороны. Убийство в Орде, ссоры в своей земле – где просвет в этой беспроглядной тьме, где жизненный нерв, стягивающий разбитые части Руси в одно тело, раскрывающий смысл жизни, когда по человеческим соображениям уже все потеряно? Один Крест Христов светит душе народа и каждого отдельного человека, раскрывает смысл постигших страданий, внушает надежду на будущее и дает силу терпеливо переносить горечь жизненной чаши. Крест, Церковь – вот путеводный огонь, который и сегодня согревает и утешает в напастях нашу Святую Русь.

В тревожные годы войны и первые годы революции гробница преподобной Анны оставалась неприкосновенной святыней. Образ благоверной княгини стал для русских людей даже ближе: вспоминалось, что Анна тоже провожала мужа и сыновей в опасную неизвестность, хоронила и оплакивала их, тоже принуждена была бежать и скрываться, в то время как громили и жгли ее тверское гнездо, а потом жила в нищете и убожестве, утешая запуганный тверской народ. Почитание ее в разных концах России не прекратилось и во время гонений на Церковь: не могла святая оставить "людей своих" только потому, что унесли ее мощи и закрыли собор.

Признанная Русской Церковью – не признанная, она никогда "своего народа" не покидала. Благоверную Анну нельзя отделить от религиозной "весны" при Алексее Михайловиче, от раскола, от истории благочестивого Кашина; связана она и с царствованием последнего императора Российского Николая II, вернувшего ей церковную славу, и с революцией.

Святые не только сияют – они духовно живут в народе, сопровождают его в блужданиях, не оставляют в падениях – они помогают народу нести крест истории, то есть осуществлять, несмотря на противоборствующие силы, свое предназначение. Это не значит, что их творчески попечительная любовь стремится содействовать мощи государства; они охраняют самое бытие народа и духовные дары, Богом данные, помогают себя "исполнить".

Татьяна МИНУХИНА

К 300-летию Российского флота

ПЕРВАЯ ПОХОДНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РОССИЙСКОМ ВОЕННОМ ФЛОТЕ

С давних времен Православная Церковь в России принимала активное участие в делах государства. Она формировала нравственные устои общества. На поддержку Церкви опирался и Петр Первый при становлении Российского военного флота. Установление разумных, справедливых отношений на корабле возлагалось не только на офицеров корабля, но и на Церковь.

В первые годы своего существования военный флот обходился без священнослужителей. Молитвы на корабле совершались по усмотрению командира одним из офицеров экипажа.

Утренние и вечерние молитвы и чтения Слова Божия на корабле предусматривались "Инструкциями и артикулами военными, подлежащими к Российскому Флоту", напечатанными повелением Царского Величества в Москве в 1710 году. Молебны укрепляли веру в Господа Бога и преданность Отечеству у служителей флота. Посещение молебна было обязательно для всех, за исключением находящихся в "уреченное" время на вахте или больных. Несоблюдение правил веры и преступления против веры наказывались особенно строго.

Со временем Государь ввел в штаты экипажей кораблей, фрегатов должность священника, который, как правило, в сане иеромонаха поступал из Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавры. После учреждения Святейшего Синода назначение иеромонахов на корабли перешло в его ведение. В 1719 году были составлены "Пункты о иеромонахах, состоящих при флоте". Девять из одиннадцати пунктов определяли "общие обязанности флотских иеромонахов, их поведение и взаимное отношение между ними и служащими на корабле..."[1].

13 апреля 1720 года по повелению Государя была издана им составленная "Книга Устав Морской о всем, что касается к доброму управлению, в бытность флота на море...". Этот Устав – первый морской закон России, регулирующий внутренний строй и порядок службы на судах военного флота, – в разделе о священнике предусматривал ряд требований к нему. Он "должен прежде всех себя содержать добрым христианским житием, во образ всем, и имеет блюстися, дабы не прельщать людей непостоянством или притворною святостию, и бегать корысти, яко кореня всех злых... Если на котором корабле определена будет церковь, тогда священник должен оную в добром порядке иметь и в воскресные и праздничные дни, ежели жестокая погода не помешает, Литургию отправлять. Также поучение словесное или на письме читать в наставление людям, а в прочие дни – молитвы положенные... должен посещать и утешать больных и иметь попечение, дабы без причастия кто не умер, и подавать ведение капитану о состоянии, в коем их обрящет"[2]. Устав имел также и раздел, который определял порядок ведения церковных служб, отношения служителей флота со священником.

В реестре-приложении к Уставу была показана походная церковь с предметами, необходимыми для совершения литургии: антиминсом, священными сосудами и так далее.

Походная церковь состояла из ряда щитов, образующих иконостас и царские

врата. Врата венчал крест. Церковь имела престол, антиминс, амвон, Евангелие, священные сосуды, подсвечники и другую церковную утварь, свечи, одежды и облачения. Церковь устанавливалась на батарейной палубе, а в хорошую погоду – на шканцах. Богослужение совершалось в строго определенное время, с учетом распорядка судовой жизни. Служба, совершаемая по желанию судового состава, рассматривалась как факт особенного молитвенного усердия. После церковной службы, как правило, щиты, из которых были образованы иконостас и царские врата, и вся церковная утварь складывались в широкие и низкие ящики и подвешивались на железных пластинах к потолку под бимсы.

Такое устройство походной церкви диктовалось условиями судовой жизни, которые не только препятствовали регулярному совершению церковных служб, но часто делали совершенно невозможным богослужение, например во время шторма, стрельб, погрузки провизии, при ремонтных работах и так далее.

В 1721 году князем А. Д. Меньшиковым была предпринята попытка устроить походную церковь на одном из кораблей, где был уже поставлен иконостас и требовались антиминс и священные сосуды для совершения литургии, но Святейший Синод отклонил просьбу князя, считая, что на флоте можно довольствоваться "прочими церковными службами, и без антиминса отправляемыми". Отказ был сделан несмотря на то, что князь выразил желание самого Государя иметь на одном корабле походную церковь.

И только через сто тридцать лет, в 1851 году, в царствование Государя Императора Николая Павловича, было определено устроить походную церковь для экипажа военного фрегата "Паллада". Она явилась первой походной церковью на российском военном флоте. Церковь и фрегат стали едины до конца "жизни" корабля.

Судьба фрегата "Паллада" с момента закладки его в 1831 году на стапеле Охтенского адмиралтейства складывалась необычно и удивительно. Она и прекрасна и трагична. Фрегат "Паллада" – один из наиболее известных кораблей парусного флота России, с историей которого читатели, очевидно, знакомы по книге "Фрегат Паллада" И. А. Гончарова и другим описаниям.

Строился фрегат "Паллада" по лучшим кораблестроительным образцам того времени. Поскольку фрегат предназначался для заграничных визитов членов царской фамилии, Николай Павлович издал рескрипт отделывать его "с особенным тщанием". На постройку фрегата шел самый лучший материал. Командиром его назначили капитан-лейтенанта П. С. Нахимова, достаточно заметного в то время моряка. По его инициативе в ходе постройки фрегата было внесено много усовершенствований и новшеств.

В полдень 1 сентября 1832 года, после молебна и окропления корпуса святою водою, фрегат спустили на воду, а весной следующего года он был доставлен в Кронштадт, где его поставили в док для обшивки днища корпуса медными листами. Обычно далеко не всякое судно удостаивалось такой чести.

В начале августа 1833 года все работы по достройке фрегата были закончены – выглядел он щегольски и сооружен был со знанием морского дела. Изящный, высокий и стройный корпус, слегка закругленная корма, острая носовая оконечность и великолепное парусное оснащение вызвали восхищение моряков Балтики. Вызолоченный двуглавый орел продолжал наклонную линию носа фрегата и нависал над водой, распластав могучие крылья. Другой орел украшал корму. Черно-белая окраска корпуса подчеркивала его строгую деловитость.

Был совершен чин освящения, и после окропления фрегата и его Андреевского флага святою водою шедевр отечественного кораблестроения отдал якорь на внешнем рейде Кронштадта.

Шли годы. От непрерывных плаваний фрегат обветшал и набор его корпуса расшатался. В 1846 году он был поставлен на капитальный ремонт в Кронштадтском порту, где обновили многие части корпуса, рангоут и весь стоячий и бегучий такелаж.

Командиром фрегата в чине капитана 1-го ранга в ту пору был великий

князь Константин Николаевич, который плавал на нем в летние компании 1847–1848 годов.

В 1848 году фрегат "Паллада" причислили к Гвардейскому флотскому экипажу императорского двора, и – снова плавание, плавание, плавание.

Но настало время для фрегата "Паллада" совершить свое последнее кругосветное путешествие.

В первой половине XIX века русское правительство предпринимало неоднократные попытки завязать торговые сношения с Японией, закрытой в то время от европейцев. Однако все они оканчивались неудачей... Решено было снарядить новую морскую экспедицию на Дальний Восток. Кроме заключения торгового договора, была и другая цель: охрана дальневосточной торговли, географические, этнографические и гидрографические исследования морей и их берегов и определение наших границ с Японией на Сахалине. Осуществить эти цели было предоставлено фрегату "Паллада", начальником экспедиции на котором на правах Чрезвычайного посла стал генерал-адъютант вице-адмирал Е. В. Путятин.

До этого Путятин, будучи контр-адмиралом, состоял членом учрежденного под председательством генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича Комитета по пересмотру, дополнению общего свода уставов военного флота императоров Петра и Павла, равно как и новейших постановлений с определением всех действий и порядка службы на военных судах[3]. К моменту назначения его начальником экспедиции был почти готов проект нового Морского Устава. Проект вобрал в себя многие положения "Инструкций и артикулей военных, подлежащих к Российскому флоту", "Пунктов о иеромонахах, состоящих при флоте", "Книги Устава Морского" Петра Великого и "Устава Военного флота" Павла I, который действовал в течение семи лет в начале XIX века. Проект имел главы "О священнике на корабле" и "О Богослужении на корабле".

И вот в свое двадцатилетие фрегат "Паллада", "уже немолодое судно, которое, строго говоря, не годилось для такого плавания"[4], стал готовиться к нему. На борт был принят более чем годовой запас сухой провизии и других припасов, укомплектован экипаж, в штат которого вошел судовой священник архимандрит из Александро-Невской Лавры отец Аввакум. Его назначение было обусловлено, очевидно, тем, что он, кроме духовного влияния на экипаж, мог быть полезным Путятину и переводчику О. Готкевичу в их переговорах с японцами, а также в общении с китайцами при посещениях фрегатом портов Китая и Кореи – до этого отец Аввакум многие годы находился в Китае в составе духовной миссии, прекрасно изучил китайский язык, был автором "Каталога книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках библиотеки Азиатского департамента" издания 1843 года.

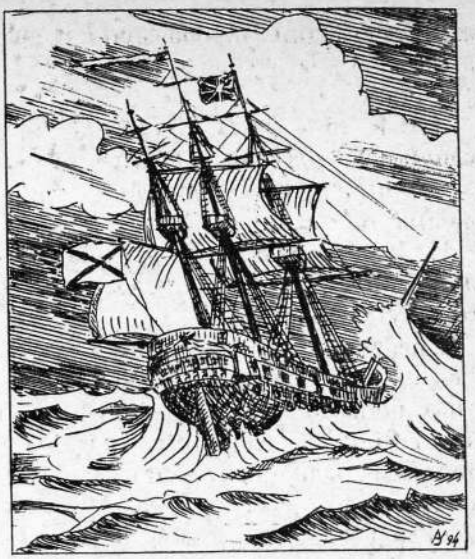
Отцу Аввакуму была предоставлена небольшая каюта на батарейной палубе фрегата и право стола в кают-компании, причем Уставом Морским ему вменялось перед обедом в кают-компании благословлять трапезу. Он принял походную церковь по описи со всей церковной утварью и заботился о приличном содержании и хранении ее сообразно церковным правилам.

Личный состав фрегата, кроме священника, состоял из 24 офицеров, 32 унтер-офицеров, четырех гардемаринов, одного юнкера, 30 нестроевых, 26 музыкантов и 365 низших чинов, рядовых матросов. Двое входили в состав экспедиции как гражданские лица: О. Гошкевич и И. А. Гончаров. Таким образом, приход походной церкви был многочисленным.

Командиром фрегата "Паллада" стал капитан-лейтенант И. С. Унковский – прекрасный моряк, волевой и умный командир.

Перед отходом из Кронштадта в путь в осеннее хмурое утро 7 октября 1852 года на шкафуте фрегата была построена команда. Уходящему в дальнее плавание фрегату был учинен осмотр высшими чинами Главного морского штаба, в числе которых был и великий князь Констатин Николаевич, но уже в звании контр-адмирала на посту товарища (помощника) начальника Главного морского штаба. Обойдя ее, командир

приказал начать богослужение. Была развернута походная церковь. Она произвела на всех отрадное впечатление своим красивым, даже богатым – среди боевой обстановки судна – видом. После молитвы: *К тебе, Спасе, ныне прибегающих и от Твоея всесильные десницы помощи и благословения, яко от Творца и Владыки, ищущих не презри; но якоже иногда на мори словом тишину Апостолом Своим подал еси, и ныне тихое и безмятежное со здравием плавание нам даруй, молитвами Богородицы, Едине Человеколюбче...* – фрегат, строй команды и кормовой его флаг с пением *Многая лета* были окроплены святою водою. Провожающие сошли на стоящий рядом пароход. Раздался свисток – вызов всех наверх – и команда сниматься с якоря. Вскоре мачты окрылись парусами. Фрегат "Паллада", а с ним и его походная церковь ушли навсегда в историю.

"Паллада" в океане

Путь от Кронштадта до Англии оказался весьма тяжелым. Грозные осенние бури со снегом и дождем порядочно потрепали фрегат. Сильно пострадали рангоут и паруса. При входе в Зунд у Дании фрегат наткнулся на мель и сорвал несколько листов медной обшивки. Обнаружилась в корпусе течь. К тому же начались заболевания – появилась холера, которая вскоре покинула фрегат, но тем не менее троих одели в белые саваны и с молитвою: *Помяни, Господи, души усопших раб Твоих...* – похоронили. На церемонии похорон присутствовали все офицеры и матросы, не занятые службой. Церковь отпела и матроса, упавшего за борт, – большое волнение на море не позволило спасти его.

Пошли дни чередом, и жизнь на корабле – тоже. Отправляли службу, обедали, ужинали – все по свистку, и даже по свистку веселились[5] и по свистку приходили на богослужение.

В Немецком море, когда шторм утих, свободные от вахты люди вышли наверх. Прогуливался по палубе и отец Аввакум. В это время на фрегате услышали крик и вдали, в стороне от хода, увидели несколько точек. При приближении точки оказались рыбацкими лодками с людьми. Капитан был убежден, что это рыбаки, предлагающие рыбу, и намерен был пройти мимо – военным судам не пристало терять время попусту. Но здесь проявился человеколюбивый характер отца Аввакума. "Нет, – возразил он, – слышите, вопли! Это, вероятно, погибающие просят о помощи; нельзя ли повернуть?" И капитан, чтобы не брать греха на душу, велел держать курс на рыбаков...

С первых дней отец Аввакум показал себя образцом честности, чести, благородства и обладателем доброго сердца. "Он жил в своем особом мире идей, знаний, добрых чувств и в сношениях со всеми... был одинаково дружелюбен, приветлив. Мудреная наука жить со всеми в мире и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвещенной религии. Это давалось ему легко: ему не нужно было умения – он иным быть не мог. Он не вмешивался никогда не в свои дела, никому ни в чем не навязывался, был скромен, не старался выставить себя и не претендовал на право даже собственных, неотъемлемых услуг, а оказывал их молча и много – и своими познаниями, и нравственным влиянием на весь кружок плавателей, не поучениями и проповедями, на которые не был щедр, а просто примером ровного, покойного характера и кроткой, почти младенческой души"[6]. Он был приятен людям. Его быстро полюбили.

Отец Аввакум состоял в ведении командира и обязан был сообразоваться с учрежденным на фрегате общим служебным порядком. По духовным делам он подчинялся священнику, который был аншефом командующего флотом и управлял всеми судовыми священниками на море. Своим поведением отец Аввакум подавал пример христианской жизни, наставлял команду точно исполнять свои обязанности и назидал в правилах нравственности.

30 октября фрегат "Паллада" прибыл в Англию и встал на рейде Портсмута. После тяжелого перехода фрегату необходим был ремонт. Его освободили от пушек, лишнего груза и ввели в док. Ремонт затянулся на месяц. И вот фрегат снова готов к выходу в океан. Но шторм на море и встречный ветер не позволили это сделать. Фрегат остался на рейде...

В Навечерие Рождества Христова (Рождественский сочельник), 24 декабря, была развернута походная церковь, совершена служба для офицеров и низших чинов, а на следующий день экипаж праздновал Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Рождество праздновалось на флоте очень торжественно, с благодарственным молебствием, с развешанными на мачтах флагами стран мира, с салютом – выстрелами из пушек, многократным "ура!" и пением "Боже, царя храни". На всех кораблях служили накануне этих дней всенощную. К высокоторжественным дням относились Новый год, Богоявление, праздники Святой Пасхи и Рождества Христова; дни рождения и тезоименитства, восшествия на престол и коронование Их Императорских Величеств; рождения и тезоименитства наследника цесаревича; рождения и тезоименитства великого князя генерал-адмирала и день победы, одержанной российским флотом при Гангуте 27 июля.

Экипаж на рейде провел Святки, встретил и Новый, 1853 год.

Из-за затянувшегося ремонта, простоя из-за штормовой погоды был изменен дальнейший маршрут фрегата. Путятин отказался от намерения идти в Тихий океан вокруг мыса Горн: он опасался встретить штормовую погоду и плавающий лед. Новый курс в Японию теперь лежал через мыс Доброй Надежды.

На корабельном богослужении

6 января 1853 года, в день Святого Богоявления, Крещения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, фрегат покинул рейд Портсмута и под флагом Чрезвычайного посла вошел в Атлантический океан, но не один, а вместе со шхуной "Восток", которую вначале вел за собой на буксире. И снова крепкий ветер и качка. Пришлось отдать буксир и пойти в одиночку.

Дело в том, что Путятин в Англию прибыл раньше, чем туда пришел фрегат, и там приобрел парусно-винтовую шхуну, чтобы использовать ее в качестве посыльного судна и для гидрографической съемки неизвестных берегов. Дали шхуне имя "Восток". Часть команды с фрегата перебралась на шхуну. Командиром ее стал капитан-лейтенант В. А. Римский-Корсаков, который до Англии шел на фрегате "Паллада".

...Вплоть до островов Мадейра и Зеленого Мыса продолжалась сильная качка. 13 февраля фрегат пересек экватор. На следующий день начались штили, безветрие. Ход поубавился, а иногда и вовсе не было движения вперед. Наступила сонная, будничная жизнь. Она оживлялась деятельностью отца Аввакума. Нич-

то не нарушало церковной службы. Не было необходимости складывать походную церковь в часы, свободные от службы, – ее огораживали шторами из легкого брезента, и она не мешала работе, отдыху и сну матросов, живших на батарейной палубе.

Освоив уклад морской жизни, отец Аввакум все чаще стал выходить наверх, на воздух. Он никому не мешал. Все были довольны им. В своих очерках Гончаров писал о нем: "Кажется, я смело могу поручиться за всех моих товарищей плавания, что ни у кого из них не было с этой прекрасной личностью ни одной неприятной, даже досадной, минуты... Где-то в поясах сплошного лета, при безветрии, мы прохаживались с отцом Аввакумом все по тем же шканцам. Вдруг ему вздумалось взобраться по трехступенной лесенке на площадку, с которой обыкновенно стоя командует вахтенный офицер. Отец Аввакум обозрел море и потом, обернувшись спиной к нему, вдруг... сел на эту самую площадку "отдохнуть", как он говаривал. Скандал! Капитана наверху не было, и вахтенный офицер смотрел на архимандрита, как будто хотел его съесть, но не решался заметить, что на шканцах сидеть нельзя. Что, конечно, знал и сам отец Аввакум, но по рассеянности забыл, не приписывая этому никакой существенной важности. Другие, кто тут был, улыбались и – тоже ничего не говорили. А сам он не догадывался и, "отдохнув", стал опять ходить"[7].

После 63-дневного океанского перехода, оставив позади острова Мадейра, Зеленого Мыса, фрегат прибыл к южной оконечности Африки и встал на рейде недалеко от города Капштадта. Несколько дней спустя пришла туда и шхуна "Восток". Здесь "фрегат обнажили, спустили рангоут, сняли ванты – закипела работа. Шлюпки беспрестанно ходили на берег и обратно. Шла погрузка провизии: мяса, зелени, фруктов, арбузов. Ремонт затянулся на месяц. Выконопатили внутри и снаружи корпус"[8].

О плавании фрегата "Паллада" из Англии к мысу Доброй Надежды в донесении генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу, управляющему Морским министерством, Путятин сообщал: "...со времени отплытия фрегата из Англии не проходило ни одного воскресного, ни праздничного дня без совершения Божественной литургии; часть команды фрегата и все чины шхуны отговели на первых неделях поста, а остальные исполнят этот долг по отбытии нашем отсюда. Нельзя довольно благодарить Бога за это духовное утешение, которого мы были бы лишены, если бы не введено было церквей на флоте"[9]. Это первый отзыв о походной церкви, ее необходимости на кораблях флота России. Очередь для говения, освобождение на это время людей от служебных занятий устанавливал командир фрегата. Поскольку на шхуне "Восток" не было походной церкви, члены ее команды говели на фрегате. "Обязанность исповедоваться и приобщаться Святых Таин один раз в год исполняется во время продолжительного плавания по возможности"[10]. Запасные дары для причащения на фрегате хранились при корабельном образе.

Во время ремонта фрегата часть команды, не задействованная на работах, совершила ознакомительную и исследовательскую экскурсию в город Капштадт и в глубь юго-восточной части Африки. Сошел на берег и отец Аввакум. Его интересовали Капштадт и вид на горы: Столовая, Львиная и Чертов пик. Но ему не повезло. Горы, которые он хотел увидеть, были закрыты облаками. На следующий день тучи были еще гуще и непроницаемее. А отцу Аввакуму надо было уже возвращаться на фрегат. Предстоял праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. С сокрушенным сердцем он выехал из города, не увидев ни гор, ни города. "Это меня за что-нибудь Бог наказал!" – сказал он, уезжая. После отъезда отца Аввакума из города погода прояснилась и открылся прекрасный вид на горы.

12 апреля фрегат покинул мыс Доброй Надежды и взял курс на Японию. Индийский океан встретил фрегат жестоким штормом. Службы, конечно, не совершались. Экипаж был занят авральными работами. Миновав берега Австралии, фрегат повернул на север и 15 мая вошел в Зондский пролив. Здесь он снова угодил в шторм. Буря окончательно раз-

болтала парусник, повредила надводную часть корпуса. "Он потек всеми палубами и показал движение в надводных частях", – доносил Путятин в столицу. Возникло опасение, что к дальнейшему плаванию фрегат не способен.

Под проливным дождем фрегат достиг 24 мая Сингапурского рейда, откуда был послан гонец в столицу с просьбой замены фрегата другим судном. После исправлений некоторых повреждений, нанесенных бурей, фрегат 1 июня снялся с якоря на Сингапурском рейде и через 12 дней благополучно прибыл в Гонконг. Шхуна уже была там.

В столице Государь Император Николай I высочайше повелеть изволил издать в апреле карманного формата новый Морской Устав. В мае был тиражирован для всех кораблей, флотов и учреждений Морской Устав в форме настольной книги. Это был довольно внушительный по объему свод морских законов России. В нем обстоятельно изложены положения о священнике и о богослужении на корабле. Вот некоторые из них, используемые отцом Аввакумом. Поскольку на фрегате имелась походная церковь, отец Аввакум совершал по воскресным и праздничным дням Божественную литургию, если позволяла погода. Во время постов им по мере возможности совершались положенные службы. Так как фрегат находился в продолжительном плавании, отец Аввакум назначал удобное для команды время говения и докладывал об этом командиру. Все службы совершались по церковному уставу, но каждый раз с согласия командира, а в присутствии адмирала – с его разрешения. Поскольку в штате фрегата состояли четыре гардемарина и один юнкер, отец Аввакум обязан был заниматься с ними катихизисом, учить их Закону Божию, правилам нравственности. Также занимался он и с молодыми матросами, сообразуя свои поучения с их возрастом, понятиями и состоянием. При совершении Божественной литургии, обедницы и в торжественные дни молебствий в церкви обязаны были находиться командир, все офицеры и православного исповедания нижние чины, кроме больных и занятых службою"[11], а при других богослужениях присутствовали обычно одни желающие. К богослужению команда фрегата относилась с должным благоговением и соблюдала возможную тишину, о чем заботились старший офицер и вахтенный начальник. Вообще во время богослужений избегали производить работы, воспрещались учения, игры, курение табака и исполнение телесных наказаний.

Надо сказать, что в то время боцманами, унтер-офицерами да и некоторыми офицерами применялся кулак, линь (кусок троса), чтобы "вразумить" простого моряка, дать ему "понятие" о морской жизни. И это несмотря на то, что русский матрос всегда был предан Родине, народу. Это был труженик, привыкший к труду и любящий труд, умелец в труде, в морском деле, требующем силы, знаний, сноровки. Человек долга и чести, храбрый и способный на героизм. Добрый, отзывчивый матрос не заслуживал телесных наказаний, которые унижали достоинство человека. И все же это имело место...

Далее о богослужениях на фрегате: "...во время богослужения не отдавались никакие почести приезжающим на фрегат и съезжающим с него особам, но вахтенный начальник предварял их, что идет Божественная служба. Правило это не относилось до наружных часовых и фалрепных, которые и во время богослужения отдавали честь по обыкновенным правилам"[12]. По желанию кого-либо из команды отцу Аввакуму с разрешения командира дозволялось служить молебны и панихиды. В случае болезни отца Аввакума командир мог приказать одному из офицеров или чинов команды читать обыкновенные молитвы. Для "означения начала каждой Божественной службы, кроме частных служб, поднимался на фрегате молитвенный флаг, а по окончании богослужения он спускался. В эскадре флаг поднимался на адмиральском корабле, и ему следовали в том все остальные корабли, а спускался на каждом по окончании на нем богослужения. На каждом корабле при начале богослужения подавался сигнал на молитву, а по окончании ее давали отбой. В торжественные дни, когда назначался салют во время молебствия, он начинался на флаг-

манском корабле с провозглашения многолетия. Прочие корабли начинали салют по второй пушке флагмана. Иноверцы христианских исповеданий совершали общественные молитвы по правилам своей веры с разрешения командира в назначенном им месте и по возможности одновременно с православным богослужением. Во время продолжительных плаваний они говели по возможности. Если в составе команды находились мусульмане или евреи, им дозволялось читать общественные молитвы по правилам своей веры и в назначенном командиром месте, мусульманам – по пятницам, а евреям – по субботам. Это разрешалось им и в главные их праздники, на время коих по возможности они освобождались от службы"[13].

По прибытии фрегата в Гонконг снова занялись его починкой, которая продолжалась до 26 июня.

Здесь были выявлены четверо больных. Продолжительное плавание и борьба со стихией подорвали здоровье некоторых матросов. Отец Аввакум посещал страждущих, подавая им духовное утешение и заботясь о своевременной исповеди и причащении Святых Таин. Когда признавал нужным, он доводил до сведения командира, в каком положении найдены им больные. Отца Аввакума, несущего дары для причащения больного, сопровождал один из офицеров по назначению командира. Часовые отдавали честь при проходе священника, и люди, мимо которых он шел, не должны были ни сидеть, ни оставаться с покрытою головой.

Во время пребывания фрегата в Гонконге пришло известие о русско-турецкой войне. Еще не было известно, будут ли втянуты в войну Англия и Франция на стороне Турции, но угроза войны заставила одинокий фрегат поспешить уйти подальше от английских и французских судов и поскорее соединиться с судами русской эскадры, находящейся у островов Бонин-Сима.

7 июля фрегат вступил в Тихий океан, встретивший его жестоким тайфуном. Изнуряющая работа с ветром обессиливала людей. Сильный, порывистый ветер норовил сбросить моряков с рей за борт, в пучину волн. Большими усилиями команды в неустанной борьбе со зловещей стихией океана фрегат упорно преодолевал путь. Только через месяц – вместо недели – он достиг порта Ллойд, где ожидала его русская эскадра. С 26 июля по 4 августа снова на фрегате произвели ремонт, выкрасили корпус – приготовили его для отправки в Японию.

10 августа вся эскадра торжественно вошла на Нагасакский рейд. Японцы приняли эскадру радушно и вежливо, соблюдая, однако, большую осторожность в сношениях. Начались переговоры с японскими официальными лицами. На берег могли выезжать только члены дипломатической миссии, небольшой отряд ритуальной охраны и музыканты. Прибывшее с фрегатом транспортное судно "Князь Меньшиков" Путятин отправил спустя десять дней в Шанхай для сбора сведений об остановке в Китае и разных закупок.

Теперь отцу Аввакуму ничто не мешало в совершении служб. 8 сентября отпраздновали Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии, а на следующий день церковь приняла участие в празднике по случаю дня рождения великого князя Константина Николаевича. Перед тем как отбыть адмиралу на берег, совершен был молебен. "По свистку взвились кверху по снастям свернутые флаги, и люди побежали по реям, лишь только русский флаг появился на адмиральском катере. Едва катер тронулся с места, флаги всех наций мгновенно развернулись на обоих судах и ярко запестрели на солнце. Вместе с гимном "Боже, царя храни" грянуло троекратное "ура!". Японцы, бывшие на шлюпках вокруг фрегата, на минуту оцепенели, потом единодушно огласили воздух криками изумления и восторга"[14].

14 сентября отпраздновали Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, а 25 сентября отмечали годовщину поднятия флага и окропления фрегата святою водою при выходе его на Кронштадтский рейд. "Праздник, молебен и большой обед... У нас все еще веселятся по поводу годовщины выхода в море. Музыка играет, песенники поют. Матросы тоже пировали, получив от начальства по лишней чарке... Офицеры

фрегата и корветные... играли "Женитьбу" Гоголя и "Тяжбу". Сцена была на шканцах корвета. "Тяжба" – на Нагасакском рейде"[15].

1 октября праздновали Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Праздник на фрегате и в природе праздник!

7 октября исполнилась годовщина выхода фрегата из Кронштадта. Этот день прошел скромно. Жизнь на фрегате протекала спокойно, и только в конце октября возникла тревога о наших судах, ушедших в Шанхай. Но вот 23 октября пришел транспорт с письмами, газетами и провизией, а 3 ноября пришла и шхуна с новостями.

Пробыв ровно три месяца в Нагасаки, 11 ноября эскадра отправилась в Шанхай, чтобы узнать, что делается в Европе, и запастись провизией на несколько месяцев. "Опять плавучая жизнь, опять движение по воле ветра или покой по его же милости!"[16].

14 ноября пришли в Шанхай. Путятин хотел лично получить информацию консулов нейтральных государств и принять решение в случае войны. Оставив корабли у входа в Шанхай, он на шхуне отправился в город. Известия были неутешительны. Можно было возвращаться. Однако из-за нахождения шхуны в доке для ремонта уйти из Шанхая удалось лишь спустя месяц. Во время стоянки отец Аввакум и с ним офицеры с фрегата побывали в городе и его окрестностях. Однажды на одной ферме им встретился китаец, "седой, в очках с огромными круглыми стеклами, державшихся только на носу. В руках у него была книга. Отец Аввакум взял у него книгу, снял с его носа очки, надел на свой и стал читать вслух по-китайски, как по-русски. Китаец и рот разинул. Книга была – Конфуций..."[17].

Оставив позади Шанхай, на пятые сутки эскадра достигла рейда в Нагасаки. Начались переговоры со столичными уполномоченными.

"В Рождественский сочельник погода была великолепная; трудно забыть такой день. Как хорош Нагасакский залив!.. Рождество у нас прошло, как будто мы были в России. Проводив японцев, отслужили всенощную, вчера обедню и молебствие, поздравили друг друга, потом обедали у адмирала. После играла музыка. Эйноске, видя всех в парадной форме, спросил, какой праздник. Хотя с ним избегали говорить о христианской религии, но я сказал ему (надо же приучать понемногу ко всему нашему), затем сюда приехали. Кажется, недалеко время, когда опять проникнет сюда слово Божие и водрузится крест. Когда-то? Не даст ли Бог нам сделать хотя первый и робкий шаг к тому?"[18]

Накануне нового, 1854 года при выходе на берег адмирала, командиров со всех судов, офицеров, караула и музыкантов по случаю их приема администрацией города "люди стали по реям и проводили их по-прежнему троекратным "ура!"; разноцветные флаги опять в одно мгновение развязались и пали на снасти, как внезапно брошенная сверху куча цветов.

Впечатление было все то же, что и в первый раз. Ждали салюта: это была новость. Японцы так и оцепенели от этой неожиданной новости"[19].

24 января эскадра оставила Нагасаки и направилась в Манилу. "Манила привлекала Путятина, как нейтральный порт, где можно отремонтировать суда, пополнить продовольственные запасы. По пути решено было зайти в порт Напа на острове Окинава. Здесь должна состояться встреча со шхуной, которая еще до ухода из Нагасаки была отправлена в Шанхай за новыми сведениями". Никаких особых новых сведений шхуна не доставила.

В полном неведении эскадра 9 февраля снялась с рейда в Напа и направилась в Манилу. В этот день произошел разрыв России с Англией и Францией. Политика при новом столкновении России с Турцией из-за святых мест привела к союзу западных держав с Турцией против России.

16 февраля эскадра вошла на рейд Манилы. Власти города постарались как можно скорее от нее отделаться. Они предложили Путятину покинуть порт. Погрузив большое количество продовольствия на все суда, эскадра 27 февраля покинула Манилу.

Фрегат начал подвергаться опасностям, как военное судно. Теперь стали возможными встреча и схватка с неприятельскими судами.

Путятин и командир фрегата начали готовить корабль к военным действиям и неоднократно решались на отважный захват английских судов, и только неуверенность в том, что старый и добрый фрегат выдержит дальнейшее плавание, удерживала их от такого шага. К тому же до прибытия из Балтики нового фрегата ("Диана") нельзя было надеяться на успех боевых операций. А вскоре от встречи с английскими и французскими кораблями пришлось отказаться: из Петербурга поступило совершенно другое указание – спрятать фрегат в устье Амура.

Из Манилы эскадра направилась в Татарский пролив – другого выхода не было, так как Манила ожидала прихода английских кораблей. Дальнейший маршрут держался в секрете. 21 марта эскадра пошла к северу.

2 апреля фрегат подошел к острову Гамильтон у южной оконечности Кореи. Шхуна, посланная из Манилы ранее, была уже там. Пришел и транспорт из Шанхая с новостями, которые ничего не прибавили к сведениям, полученным в Маниле.

Во время стоянки на рейде на фрегате появились корейцы-старики, очевидно старшины из селения. "За ними вслед приехала корейская лодка... с другими тремя или четырьмя стариками и множеством простого, босоногого, нечесаного и неопрятного народа. Гостей посадили за стол и стали потчевать чаем, хлебом, сухарями и ромом. Потом завязалась с ними живая беседа на китайском языке. Корейцы увидели образ Спасителя в каюте; и, когда на вопрос их "кто это?" стали кое-как отвечать им, они встали с мест своих и начали низко и благоговейно кланяться образу"[20].

6 апреля хотели сняться с якоря, да подул встречный ветер. Команда говела, была Страстная неделя. Снялись на другой день, и все три корабля направились в Нагасаки.

9 апреля, в пятницу Страстной седмицы, в третий раз эскадра бросила якорь на Нагасакском рейде. Через день – Светлое Христово Воскресение. На Пасху "была служба, как следует; собрались к обедне со всех трех судов; потом разговлялись. Выписали яиц из Нагасаки, выкрасили и христосовались. На столе появились окорока, ростбифы, куличи – праздник как праздник, точно на берегу!"[21]

В следующие три дня Светлой седмицы церковь не развертывалась, так как экипаж был занят на приеме с берега провизии.

Переговоры с японцами на некоторое время были отложены, и фрегат 15 апреля снялся с якоря и вместе с транспортом пошел к берегам Сибири, а шхуна – к ближайшим к Японии островам – делать их описание и промеры воды, а потом – в Шанхай.

Поскольку Татарский пролив не очистился еще от льда, решено было идти вдоль Корейского полуострова. По пути осуществлялись промеры глубины моря и описания берегов Кореи. Делались и их рисунки.

Обогнув острова Гото, 18 апреля фрегат прошел мимо островов Цусима, с берегов которых в ясную погоду хорошо просматривались берега Кореи и Японии. Затем путь лежал в верстах двух от корейского берега. По пути остановились на несколько дней у одного селения в заливе Лазарева. Выходили на берег. Побывал на берегу и отец Аввакум. Его знание китайского языка пригодилось в переговорах с поселенцами.

Закончив исследовательские дела, фрегат пошел дальше на север. На подходе к Татарскому проливу 17 мая фрегат случайно встретил шхуну "Восток", которая сообщила весть о вступлении Англии и Франции в Крымскую войну, а также распоряжение из Петербурга всем русским судам на Дальнем Востоке собраться в заливе Де-Кастри пролива и ждать дальнейших приказаний.

В каждом встречном судне предполагали неприятеля. "Все были более или менее в ожидании, много говорили, готовились к бою, смотрели в зрительные трубки во все стороны. И лишь только отец Аввакум, добрый и почтенный архимандрит, относился ко всем этим ожиданиям,

как почти и ко всему, невозмутимо покойно и даже скептически. Как он сам лично не имел врагов, всеми любимый и сам всех любивший, то и не предполагал их нигде и ни в ком: ни на море, ни на суше, ни в людях, ни в кораблях..."[22]

Между тем английское правительство очень тревожилось, что три русских фрегата на Дальнем Востоке могут парализовать всю торговлю Англии и прекратится подвоз товаров из заморских колоний. Для охоты за русскими кораблями была создана целая англо-французская эскадра.

Однажды вдруг раздался крик на фрегате: "Пароход идет! Дым виден!" Поднялась суматоха. Кто-то позвал отца Аввакума. Он неторопливо, как всегда, вышел и равнодушно смотрел, куда все направили подзорные трубы в напряженном молчаливом ожидании. Скоро все успокоились: это оказался не пароход, а китоловное судно, поймавшее кита и вытапливавшее из него жир – от этого и дым. Неприятель все не показывался. "Бегает нечестивый, ни единому же ему гонящу!" – так "отец Аввакум выразил свой скептический взгляд на ожидаемую встречу с врагами... "Да, право, так!" – заметил он, спускаясь неторопливо опять в каюту. При кротости своего характера и невозмутимо покойном созерцательном уме он нелегко поддавался тревогам. Преследование на море врагов нами или погоня врагов за нами казались ему больше фантазией адмирала, капитана и офицеров. Он равнодушно глядел на все военные приготовления и продолжал, лежа или сидя на постели у себя в каюте, читать книгу. Ходил он в обычное время гулять для моциона и воздуха наверх, не высматривая неприятеля, в которого не верил"[23].

Слава Богу, что встреча фрегата с противником не состоялась. А в случае такой встречи перед боем, если командир признал бы возможным, отец Аввакум должен был отслужить молебен с коленопреклонением о даровании победы, окропить фрегат и команду святою водою. А во время сражения он должен был находиться при раненых, подавать им возможную помощь и утешение, исповедовать и приобщать умирающих тяжелораненых, если они того пожелают. Еще раз слава Богу, что этого не случилось.

На пятый день после встречи со шхуной фрегат прибыл в Императорскую гавань на западном берегу Татарского пролива. В маленькой бухте, куда зашел фрегат, стояло почти у самого берега наше судно "Князь Меньшиков". С него передали требование морского ведомства об освидетельствовании фрегата на предмет его пригодности для обратного плавания в Кронштадт и для использования его в составе Сибирской флотилии.

Осмотр фрегата показал, что для несения дальнейшей службы он требует капитального ремонта в доке. Было ясно, что фрегат отслужил свой срок, состарился, избит был штормами, особенно у мыса Доброй Надежды, и ураганом в Китайском море.

Сначала его пытались ввести в устье Амура, чтобы укрыть от кораблей эскадры адмирала Прайса, появившейся в дальневосточных водах, но двухмесячная попытка это сделать из-за мелководья не увенчалась успехом. Тогда Путятин принял решение оставить фрегат на зимовку в хорошо укрытой Константиновской бухте Императорской гавани, где начались работы по возведению укреплений, батарей, жилых построек и тому подобного. Готовились к отражению возможного нападения неприятельской эскадры.

В бухте фрегат разоружили, то есть сняли с него пушки, порох, такелаж – все, что можно было снять, в том числе и походную церковь, а с нею и судовую икону Святителя Николая Чудотворца и другие иконы, а ветхий остов его был оставлен под надзором моряков и казаков, составлявших наш пост в этой бухте, с тем чтобы в случае прихода туда французов и англичан его затопили, не давая неприятелю случая похвастаться захватом русского судна.

11 июля пришел в Де-Кастри долгожданный фрегат "Диана", на котором Путятин решил продолжить плавание в Японию и вернуться в Петербург.

26 июля "Диану" подвели к фрегату, с которого были взяты оставшиеся орудия и "шкиперские запасы". Моряки фрегата перешли на фрегат "Диана", а секретарь адмирала Гончаров и часть неугод-

ных Путятину офицеров, в том числе и командир фрегата Унковский, отправились на шхуне "Восток" в Аян и оттуда сухопутным путем через Сибирь в Петербург.

Во главе с подпоручиком корпуса флотских штурманов Кузнецовым матросы, по мере сил откачивая из трюма воду, а зимой обкалывая лед, старались сохранить корабль. Но сил оказалось явно недостаточно. Фрегат ветшал. Когда весной 1855 года была предпринята новая попытка перевести фрегат на буксире в Амурский лиман, он представлял собой жалкое зрелище. Лишь одно название сохранилось неприкосновенным.

Трагический конец фрегата был близок. Осенью того же года к месту стоянки фрегата был послан мичман Г. Д. Разградский, которому было приказано затопить корабль. В январе следующего года, сняв охрану, он выполнил приказ.

Так фрегат "Паллада" закончил свое существование, а с ним перестала существовать и его походная церковь. Такова судьба фрегата и первой в Российском военном флоте походной церкви.

А какова судьба судового священника? Отец Аввакум, "этот скромный ученый, почтенный человек, ездил потом с графом Путятиным в Китай для заключения Тсянзинского (Тяньцзиньского – 1858 года) трактата. А по возвращении продолжал оказывать пользу по сношениям с китайцами, по знакомству с ними и с их языком..."[24]. Затем он жил на покое в Александро-Невской Лавре, где и скончался в середине шестидесятых годов прошлого века.

Обойти вокруг света фрегату "Паллада" не удалось, но его имя до сих пор сохранилось в памяти людей. Не военной, а литературной славой овеяна "Паллада", а с нею походная церковь и судовой священник отец Аввакум.

Примечания

[1] Андреевский флаг. – В кн.: История флотского духовенства. М., 1993, с. 29.

[2] Там же, с. 46.

[3] Проект Морского Устава: Краткая объяснительная записка. СПб., 1853.

[4] Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1951, с. 680.

[5] Там же, с. 71.

[6] Там же, с. 81.

[7] Там же, с. 667–668.

[8] Там же, с. 171.

[9] О плавании фрегата "Паллада". – Морской сборник, 1853, № 6.

[10] Устав Морской 1853 года. Разд. IV, п. 72.

[11] Там же, п. 719.

[12] Там же, п. 720.

[13] Там же, п. 725–728.

[14] Гончаров И. А. Указ. соч., с. 343.

[15] Там же, с. 359.

[16] Там же, с. 381.

[17] Там же, с. 417.

[18] Там же, с. 429.

[19] Там же, с. 432.

[20] Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1953, т. 3, с. 297.

[21] Там же, с. 307.

[22] Гончаров И. А. Фрегат "Паллада", с. 667.

[23] Там же, с. 668.

[24] Там же, с. 677.

Александр УСОВ

Жизнь святого Антония Великого

ВВЕДЕНИЕ

Почти полторы тысячи лет разделяют преподобных Серафима Саровского и Антония Великого. Какая бездна времени!.. Кажется, может ли быть что-нибудь общее между ними? Там – Римская империя, здесь – Россия конца XVIII – начала XIX века. Там – пески и мрачные скалы египетской пустыни, здесь – вековой сосновый лес, тишина снежной зимы, нежаркое лето... Но это так только на первый взгляд, обращенный на внешнее. Если присмотреться к духовной жизни и монашескому быту этих подвижников, то откроется их поразительное сходство. Оба они – подлинные рабы Христовы, цель их – стяжание Духа Святаго. И тот и другой прошли тяжкий путь преодоления бесовских искушений, претерпевая от исконного врага рода человеческого не только мысленные приражения, страхования, но и страшные избиения.

Антоний Великий для Серафима Саровского от самой юности был примером для подражания. Часто в своей жизни русский подвижник молитвенно вспоминал и призывал его. Нищета, пост, подвиг молчания – все у них было выше меры. Оба были простого происхождения, хотя из зажиточных семей, и нигде не учились, но со временем так вразумлены были Господом, что могли наставлять в Писании и святых отцов, имели множество учеников и духовных чад. Оба получили от Бога великие дары – исцеления, прозрения будущего, непрестанной молитвы. Чем более уединенной была их жизнь, тем известнее и славнее становились они в православном мире.

Первые три века по Рождестве Христове христиане шли ко спасению путем мученичества, претерпевая жестокие гонения от язычников. На крови мучеников возрастало и давало обильные плоды бессмертное древо Православия. Были и в эти времена монахи, отшельники, монастыри, правда немногочисленные, и находились они вблизи селений. Святой Антоний был первым отшельником, жившим в месте пустынном, где, как считалось, только демоны могут жить, так как им не надо ни пить, ни есть. Благодаря Антонию Великому обе египетские пустыни – Аравийская и Ливийская – начиная с конца III века так населены стали монахами, что там чуть ли не больше было жителей, чем в городах. Десятки тысяч иноков подвизались Господа ради в посте и молитве в монастырях и отшельнических келиях. И это в Египте, где язычество было глубоко укоренено в быт и сознание людей. Мир преклонялся перед ученостью египетских жрецов, дивился размерам языческих храмов и роскоши празднеств в честь "богов" Непостижимой мощью подавляли чужестранцев пирамиды... Скалы вдоль Нила были изрыты бесчисленными гробницами, в которых находились мумии не только людей, но и крокодилов, кошек, ибисов... Языческий Египет казался несокрушимым. Но это была единственная языческая страна, которую посетил Господь. Святое семейство скрылось здесь от преследования царя Ирода.

Благочестивый русский путешественник по святым местам Авраам Норов (бывший в свое время министром просвещения), в 1830-х годах побывавший в Египте, в селении Матарие, находящемся в Аравийской пустыне недалеко от Мемфиса, писал: "Этот мирный оазис, осененный веселою рощею и цветущий среди безмолвной пустыни, сохраняет глубокие, утешительные воспоминания для христианина. Здесь, по достовернейшим преданиям, Пресвятая Дева с Божественным младенцем Иисусом, сопровождаемая Иосифом, нашла себе покров после утомительного пути через пустыню". Святое семейство, двигавшееся в Египет из Газы, прошло, не остановившись в нем,

через город Гермополис, где были языческие храмы, и в это время пали и разбились там статуи "богов". Об этом падении идолов предсказывал ветхозаветный пророк: *Се Господь сидит на облаце легце, и приидет во Египет, и потрясутся рукотворенная египетская от лица Его, – и познан будет Господь египтяном: и уведят египтяне Господа в той день и сотворят жертвы и дары, и обещают обеты Господеви, и воздадят* (Ис. 19, 1, 21). Жрецы египетские знали об этом предсказании и в храмах своих изобразили грядущие события в символических рисунках и знаках. Царь Птолемей II Филадельф, любитель учености, при котором в Александрии в 271 году до Рождества Христова семьдесят иудейских "толковников", приглашенных им, перевели с еврейского языка на греческий Ветхий Завет, пожелал узнать об этих таинственных символах, но жрецы не открыли ему их значения.

И вот свершилось ветхозаветное предсказание – почти во всем Египте пали идолы... Здесь возникло и утвердилось христианское монашество. Святитель Иоанн Златоуст, живший во второй половине IV века, писал в своей восьмой беседе "Толкования на святого Матфея Евангелиста": "Ныне, если ты придешь в египетскую пустыню, увидишь, что пустыня эта лучше всякого рая, увидишь там в образе человеческом бесчисленные лики Ангелов, сонмы мучеников, собрания дев; увидишь, что все тиранство диавольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидишь, что Египет, некогда отец и стихотворцев, и мудрецов, и волхвов, изобретший все виды волхования и передавший их другим, теперь... хвалится Крестом. И это совершается не только в городах, но даже гораздо более в пустынях... По всей этой стране можно видеть Христово воинство и царственное стадо, и образ жизни, свойственный горним силам... Кто знает древний Египет, богоборный и беснующийся, раба кошек, страшившегося и трепетавшего пред огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой... Египет произвел славнейшего после Апостолов мужа, блаженного и великого Антония, о котором все доныне говорят непрестанно... он был в той же стране, где и фараон... То обстоятельство, что ни одна из ересей не имеет подобного мужа, служит наряду с прочим величайшим доказательством истины нашего учения".

В том же IV веке побывал в Египте преподобный Ефрем Сирин, который провел в монастырях Нитрийской горы несколько дней, поучаясь и поучая сам (сохранились его "Поучительные слова к египетским монахам"). О жизни пустынников он писал "Отправимся взглянуть на их жилища, на то, как заключены они в них, подобно мертвецам в гробах. Отправимся взглянуть на возненавидевших мир и, лучше сказать, на возлюбивших жизнь в пустыне... Если увидит их разбойник, то припадет тотчас и поклонится, потому что всегда вооружены они Крестом... А когда видит их сатана, тотчас приходит в трепет и, болезненно вопия, отступает мгновенно, потому что, преследуя их, перервал он тысячи сетей и никак не мог нанести вреда праведникам... Голод не беспокоит их, потому что всегда вкушают хлеб жизни – Христа, сходящего со святых небес... Где встретишь одного из отцев, там пребывает в мире вся окрестность вокруг него... Владыка за многий труд, какой понесли они из любви ко Христу, навсегда дарует им Вечную жизнь... введет их в великий рай, и поелику возжелали они быть скорбными в мире, то доставит им высокую радость".

В IV и V веках собрано было в Египте множество свидетельств о жизни пустынников. Это целые книги, впоследствии переведенные на многие языки и вдохновлявшие монахов – да и мирян – последующих времен: "Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов", "Луг духовный" Иоанна Моха, "Лавсаик" епископа Палладия, "Жизнь пустынных отцов" пресвитера Руфина и другие. Среди них – "Житие преподобного отца нашего Антония", написанное в 357 году святым Афанасием Великим, архиепископом Александрийским, одним из отцов святого Никейского Собора, давшего нам Символ Веры.

По некоторым свидетельствам, святой Афанасий был учеником Антония Великого. Он много раз видел его и в пустыне, и в Александрии. Преподобный Антоний, как и другие монахи-пустынники, был соратником святого Афанасия в его тяжкой и трагической борьбе с арианами, последователями ереси Ария. Западные страны (нынеш-

няя Европа) именно из "Жития Антония", написанного александрийским архиепископом, с удивлением узнали о христианском монашестве и отшельничестве. Пример Антония Великого воспламенил многие сердца: отшельники и монашеские обители появились после этого и на Западе. Кто читал книги о жизни египетских подвижников с сердечным сочувствием, тот знает, сколь неотразимо их обаяние. Они поистине бессмертны, ибо бесчисленными примерами подтверждают правду Православия. На Руси, после ее Крещения, древние отцы египетские Антоний Великий, Павел Фивейский, Макарий Египетский, Пахомий Великий и другие воспринимались как живые наставники – их знали, любили, им следовали богоносные отцы наши от Антония Печерского до Серафима Саровского и великих оптинских старцев.

В предисловии к "Истории православного монашества на Востоке" (1854 год) профессор Московской Духовной Академии Петр Казанский писал: "Как мученики, одушевляемые любовью, радостно шли на страдания и смерть за исповедание веры в Господа Иисуса, так и подвижники, одушевляемые горячею ревностью и пламенной любовью к Богу, в своей труженической жизни, приближавшей их к Богу, находили такой источник блаженства, что желали бы до бесконечности увеличивать свои труды и подвиги. "Поверь, сын мой, – говорил один старец молодому отшельнику, удивлявшемуся трудам и изнурению, каким подвергал себя старец в преклонных летах, – поверь, сын мой! Бог такую ревность и любовь к служению даровал душе моей, что я никак не могу вполне удовлетворить ее расположению". В самом деле, могли ли не желать этих подвигов пустынники, когда благодать изливалась в таком изобилии, что они молили даже Господа: "Удержи волны благодати Твоея..." Это был неземной мир среди этого мира, изумляющий величием своего духа и жизни, дающий разуметь, какую чудную силу являет природа человеческая, какая власть и могущество заключены в душе и теле человека, когда он весь проникается силою благодати".

Не удержусь, приведу обширную цитату и из другого предисловия – его написал протоиерей Михаил Хитров в 1898 году к изданию своего перевода "Жизни пустынных отцов" пресвитера Руфина. Вот что говорит он о святых отшельниках: "Можно жить в многолюднейшем городе и быть совершенно чуждым своим ближним, можно равнодушно смотреть на страдания брата и, наоборот, живя в пустыне, можно быть соединенным с людьми неразрывными узами братской любви... Так, уединение от мира вовсе не значит отделения, отчуждения от людей... Высоты уединения – да не есть ли это удел исполинов мысли, величайших и благороднейших представителей человечества, равно как и подвижников христианства? Не стоят ли они всегда выше и даже в удалении от современной среды, не понимаемые и часто гонимые современниками? В том-то и состоит их величие, что они не рабы ни духа времени, ни народа, ни общепринятого строя жизни, ни общественного мнения, а, напротив, обладают безграничной энергией и силой духа – стать вне среды, чтобы тем сильнее воздействовать на ту же среду. В страшных пустынях, в углублении в себя в них разгорался внутренний огонь и они говорили огненным языком, глаголом жгли сердца людей... В уединении они познавали глубочайшие тайны бытия; незримый мир становился для них осязаемой действительностью... Да даже и без слов – опаленное солнцем лицо, глубокий и в то же время вдохновенный взгляд, власяница – словом, весь внешний вид великого аскета, все это открывало людям, что пред ними человек, настоящий человек, во всем величии освобожденной от страстей природы и непоколебимой силы, который, подобно великому первообразу всех аскетов, безбоязненно может предстать пред Ахавами и Иезавелями (речь идет о пророке Илии. – *В. А.*)... Да, великие подвижники уходили из мира и всходили на высоты уединения, на небо безмолвия, но ведь благодаря этому они стали видимы миру, услышаны миром. Их уединение – их всемирная кафедра".

Уединение египетских пустынников, на мирской взгляд, было страшным. Они жили в знойных песках и скалах, лишенные всего – каждая капля воды и каждая крошка хлеба были у них на счету. Не желая заботиться ни о чем, кроме молитвы и спасения своей души, они часто делали и одежду себе из листьев пальмы, а то и вовсе ходили нагими, нередко живя в полном одиночестве долгими десятилетиями (святой Онуфрий

Великий шестьдесят лет не видел человеческого лица, а святой Павел Фивейский – девяносто). Те, кто не были способны на такие подвиги, жили в киновиях, то есть общежительных монастырях, но также в пустынях. Монастырские монахи, как, впрочем, и многие из отшельников, постоянно исполняли какие-нибудь работы, чтобы обеспечить свои небольшие потребности и помогать бедным мирянам. Они нанимались к крестьянам убирать урожай риса или пшеницы и большую часть заработанного зерна отправляли в города для раздачи беднякам и узникам, содержащимся в темницах. Они плели корзины, сети и рогожи, вили веревки, все это кто-нибудь из мирян продавал на базаре, а деньги в основном шли для раздачи нищим. При каждом монастыре были гостиницы, где принимались странники, которых монахи обеспечивали всем необходимым, не взимая никакой платы.

Большинство монахов в Египте были коптами, потомками древних египтян. Коптом был и святой Антоний. Великую миссию возложил Господь на этот народ! Он создал монашество, распространившееся из Египта по всему православному миру. Копты с III века имеют Священное Писание на своем языке. И уже после того, как они исполнили свой долг, они потерпели страшное бедствие: в VII веке Египет был захвачен арабами, которые стали с жестокостью насаждать ислам. С течением веков почти все православные монастыри там погибли. Но некоторые сохранились, и еще в начале XIX века их посещали путешественники. Так, Авраам Норов, описавший в двух подробнейших книгах свое путешествие в Египет и Святую Землю, в 1834 году проплыл по Нилу на всем его протяжении вверх и вниз. Он продвигался на парусном судне то при помощи ветра, то бечевой, как бывало у нас на Волге или Каме. Он видел селение Кому возле города Ираклеи – родину Антония Великого. Через полчаса плавания – монастырское подворье, где паломников всегда ожидали погонщики верблюдов, готовые доставить желающих через пустыню в монастыри святых Антония и Павла. Невдалеке – Птичья гора, на которой над отвесной стремниной поместился монастырь Пресвятой Богородицы. Там, наверху, святой Антоний двадцать лет провел в пещере в полном безмолвии. На обратном пути Норов поднялся на эти скалы. "Настоятель повел меня в церковь, – писал он, – мы должны были спуститься на несколько ступеней в глубину пещеры, иссеченной в скале; в этой пещере, как сказывают, жил некогда святой Антоний Великий, и тут теперь устроена подземная церковь, имеющая шагов около двадцати квадратного пространства; она украшена двумя колоннами коринфского ордера, которые отделяют паперть от самой церкви. Иконостас, как обыкновенно в коптских церквах, сделан из резного дерева, которого узоры составляют множество соединенных крестов. Образа грубой, но древней живописи находятся на верхней части иконостаса в одну линию – они изображают Пресвятую Богородицу с младенцем Иисусом посреди двенадцати Апостолов... После служения настоятель пригласил меня пить кофе на береговые скалы, на край пропасти. Какой вид открывается оттуда! Нил между двумя лентами яркой зелени лугов и пальмовых рощ извивается по неизмеримому пространству в обе стороны, отражая последние лучи заходящего солнца. С запада горизонт исчезал в необъятной пустыне ливийских песков, а с востока, от самого монастыря, хребты безжизненных гор с песчаными насыпями тянутся к берегам Чермного моря. Кругом монастыря – мертвенность невообразимая: здесь нет ни одного растения, ни одного источника, монахи достают воду дальним обходом с Нила или спускаясь с большой опасностью с отвесных скал... На самом краю пропасти остатки древних зданий служат парапетом, под ними есть погреба, иссеченные в скале, – они теперь обращены в могилы для отшельников... Святой Антоний, поселившийся здесь сначала, нашел это место слишком роскошным по причине близости Нила и укрылся в горах между этим берегом и Чермным морем".

Норов не смог посетить монастырей святых Антония и Павла близ Чермного моря и описал их по рассказам тех, кто там бывал. "Место, где жил угодник Божий, – пишет он, – на высоте скалы обнесено глухою стеною, в которой есть только одно окно, через которое поднимают приходящего на канате в корзине или на доске. Двор заключает в себе две тесные церкви, соединенные коридором, кругом стен – келлии, а

внутри двора разведен небольшой огород, сквозь который течет ручей. Монастырь святого Павла находится ближе к Чермному морю, на горе Холзим, на расстоянии не более четырех верст в прямую линию от монастыря святого Антония, но отделен столь высокою и крутою скалою, что обход вокруг нее очень продолжителен, и потому святой Антоний употребил почти два дня, чтобы достигнуть уединения святого Павла. Вид и построение этого монастыря почти подобны первому. Там показывают доселе пещеру святого Павла".

Православная Церковь совершает празднование в память преподобного Антония Великого 17/30 января. В дивных песнопениях прославляет она его в этот день: "Постника Господня песньми почтим, яко умертвиша вся прилоги страстей воздержанием и твердым терпением... и посрамивша зело противоборца врага и всю сего гордыню...", "Егда во гробе тебе самого радуяся заключил еси, отче, любве ради Христовы, терпел еси крепчайше от демонов искушения, молитвою же и благодатию отгнал еси сих...", "Лести лукавых демонов посрамив Креста силою, уяснил еси славу Христову, Антоние...", "Преобидел еси плоть и кровь, и вне мира был еси многим воздержанием...", "Ум владыку над страстьми постнически поставив, потщался еси худшее покорити лучшему и плоть поработити духу...", "Мрак прошед плоти, тьму отгнал еси демонов, Антоние...", "Демонов луки и стрелы сокрушив благодатию Божественнаго Духа, и злобу и ловления их всем явленно сотворил еси... Спасова же Креста действо и непобедимую явил еси силу...", "Трисолнечным сиянием, всемудре, озаряем, злоумное, блаженне, демонов свирепство и зверей зияния и ран болезни, якоже пучину, разорил еси божественным желанием...", "Молитвами, преподобне, и мольбами приближаяся непрестанно к Богу, востекл еси к высоте предвзятей, демонских сетей избегл, богомудре...", "Весь Богу освятился еси, Антоние, един Единому всемудре, единяяся добродетелию... Земли бо и земных отступив, достойно небесное обрел еси наслаждение...", "Радуйся, постников началовождь бывый и непобедимый поборник!"

Когда мы читаем о жизни и духовных подвигах православных святых, наше сердце, жаждущее Христовой благодати, как бы вопрошает богоносных отцов: как спастись? Вот какой ответ находим мы в одном из древних патериков: "Некто спросил авву Антония: "Что мне делать, чтобы угодить Богу?" "Что велю тебе, – отвечал старец, – то соблюдай: куда бы ты ни пошел, всегда имей Бога перед своими очами; что бы ни делал ты, имей на это свидетельство в Священном Писании; и в каком бы месте ты ни жил, нескоро уходи оттуда. Соблюдай эти три заповеди – и спасешься".

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Селение Кома, где в 251 году родился преподобный Антоний, находилось на западном берегу Нила, вблизи города Ираклеи. Несколько десятков домов из необожженного кирпича и церковь, переделанная из языческого капища, располагались на холме, как и большинство прочих селений, так как при разлитии Нила вся округа превращалась в сплошное озеро, по которому приходилось передвигаться на лодках и плотах. Справа на невысоких скалах громоздился город, среди которого белели гигантские колонны разрушенного храма Озириса, по берегам Нила весело зеленели пальмы, слева над водами Мерисова озера возвышались пирамиды.

Сходила постепенно с полей вода, оставляя слой черного ила. Крестьяне сеяли рис и пшеницу. Быстро начинали зеленеть всходы. Два, а то и три раза в год можно было собирать урожай с этих полей, прижатых к Нилу двумя пустынями – Ливийской с запада и Аравийской с востока. Барки с зерном отправлялись вниз, в Александрию, столицу Египта, в это время бывшего одной из провинций Рима. Язычество еще не умерло, хотя христианство завоевало с Божьей помощью мирным путем почти весь Восток. Римские правители, формально разрешавшие исповедание веры в Христа, время от времени воздвигали ожесточенные гонения против христиан, пытаясь каж-

дого из них заставить поклониться идолам. Праведники с радостью принимали смерть за Христа, погибая на кострах, от мечей, в цирках, где выпускали на них голодных хищников...

И, однако, Православная Церковь приобретала все больше чад, строились везде христианские храмы, и Священное Писание звучало на всех языках, в том числе и на родном для Антония – коптском. В селении Кома все жители были христианами. По субботам и воскресеньям они собирались в свой храм, где совершалась литургия, со вниманием слушали все молитвословия и Евангелие, многое запоминая наизусть. Оглашенные слушали поучения в преддверии, а верные стояли внутри храма – мужчины на правой, женщины на левой стороне. Община была сплоченной, все помогали друг другу и старались исполнять евангельские заповеди и апостольские предписания. Никто не проводил время праздно, не заводил ссор, не пересуживал соседей, не стремился приобрести лишнее. Жители селения содержали храм, поддерживали бедных, призирали странников и нищих. Были среди жителей и исповедники, люди, пострадавшие за Христа во время гонений. А невдалеке, в скалах начинающейся прямо за селением Ливийской пустыни, жили отшельники, отрешившиеся от мира члены этой общины, – их было двое или трое, и они приходили в селение только в субботу и воскресенье для принятия Святых Христовых Таин.

Святитель Афанасий, архиепископ Александрийский, пишет, что родители преподобного Антония "довольно богатые были христиане". Воспитан он был ими по-христиански. Когда Антоний стал отроком, он "не захотел учиться грамоте, ни сближаться с другими отроками, – продолжает святитель Афанасий, – но имел единственное желание, как *человек нелукав*, по написанному об Иакове, жить в дому своем (Быт. 25, 27). Между тем ходил он с родителями в храм Господень и не ленился, когда был малым отроком, не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям и, внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую из того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разных и дорогих яств, ни искал услаждения в снедях, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал".

Он жил во внимании к своей душе и в размышлении о Боге. Хорошо зная со слуха Евангелие, он часто останавливался мыслью на каком-нибудь месте и целый день думал о нем – то о кающемся мытаре, то об Апостолах, оставивших все свое по зову Спасителя, то о богатом юноше, не сумевшем порвать с миром... Когда ему исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет, он и сам стал богатым юношей: его родители скончались, оставив в наследство ему и малолетней его сестре дом, большое поле и триста финиковых пальм. Он нанимал работников, вел переговоры с купцами о продаже зерна и фиников, побывал в Александрии, в Фивах. Глядя на пирамиды – то голубые, то лиловые, то желтые в зависимости от состояния атмосферы и расстояния, на синие, серые и черные скалы, сплошь изрытые спэосами (гробницами), на Сфинкса, статуи фараонов, на колоссальные руины дворца Рамзеса – на все то нечеловечески огромное, что оставил Древний Египет, он понимал, что это гордые попытки человека обожествить, обессмертить себя. И вот все это – в запустении, в развалинах, мертво и заносится песком пустыни, хотя язычники все еще поклоняются и быку Апису, и богу солнца Аммону Ра, и всем этим идолам под именами Изиды, Сераписа, Фта...

Антония поражала наглядность этого падения: статуи, едва небес не достигающие, расколоты пополам, и верхние половины обрушены на землю, сокрушив своим падением целый лес циклопических колонн... Песок до самой шеи засыпал Сфинкса и уничтожил каналы, подходившие от Нила к пирамидам... В пустых пространствах некогда пышных дворцов гиены страшно воют по ночам, и целые города лежат в обломках среди раскаленного песка. Всюду новая жизнь, чаще всего прямо на обломках, среди глыб известняка и мрамора, или рядом, в тесно прилепленных друг к другу белых плоскокрыших домах. Вниз по течению Нила из таинственных южных стран плывут диковинные корабли, наполненные разными товарами и черными невольниками: мужчинами, женщинами и детьми,– которых продают на базарах. Из Аравийс-

кой пустыни идут караваны верблюдов и мулов. Берега Нила полны жизни, города и селения жмутся к нему, пристани кипят народом.

О многих делах пришлось позаботиться Антонию, с разными людьми пришлось столкнуться. Но ему хотелось тишины и уединения, не разговора о ценах, а пения псалмов... Нельзя совместить то и другое так, чтобы душа была спокойна и устремлялась к Богу. Грустно ему стало, и он молился: "Господи, помилуй и помоги!" Так прошло около полугода. Однажды в грусти шел он в храм и размышлял о том, как Апостолы, решительно оставив все мирское, пошли за Господом, как упоминаемые в Деяниях верующие, продав имения свои, полагали цену их к апостольским ногам для раздаяния нищим. Какие блага уготованы этим жертвователям на небесах!.. Он вошел в храм – и там все не мог отрешиться от этих мыслей. И вдруг слышит голос пресвитера, читающего Евангелие: *Рече ему Иисус: аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21). Вздрогнуло сердце Антония, радость залила всю его душу – он вдруг понял, что это к нему, к Антонию, обращается Господь, его зовет идти за Собой!

Дома он всю ночь пел псалмы и благодарил Бога, а утром пошел к старейшинам селения и сказал, что поручает им распределить свою землю и финиковые пальмы между беднейшими жителями как дар. Потом призвал торговцев и распродал все домашнее имущество, оставив только дом и то, что было необходимо для сестры. Деньги, полученные от торговцев, он раздал бедным и нищим, оставив немного на содержание сестры. Казалось бы, все, что хотел, сделал... Но какое-то облачко набежало на радостную его душу, и он не мог понять, откуда оно. "Открой, Господи!" – просил он. И вот в храме снова услышал обращенный к нему голос Господа: *Не печытеся убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его* (Мф. 6, 34). Все понятно стало Антонию. Он продал дом, деньги отдал нищим, а сестру отвел в общину к девицам, жившим вблизи храма под присмотром диакониссы, – оставил ее здесь навсегда.

Большинство односельчан с одобрением смотрели на эти его действия, завидовали решимости, но понимали, что не самовольно решился он на такой шаг, а по Слову Самого Бога. Он поселился в одном из спэосов, древней гробнице, высеченной в скале, где были мумии. Это была не просто пещера, а аккуратно сделанные две или три низкие комнаты с толстыми колоннами, подпирающими свод, с дверью и узким окном возле двери. Поблизости, выше и ниже, было несколько сот таких погребальных пещер, там, кроме отшельников, часто жили нищие и бедняки, лишившиеся по какому-нибудь случаю своих домов. Конечно, здесь было сыро и темно, сюда заползали скорпионы и змеи, так что надо было быть осторожным. За водой приходилось ходить к Нилу. До селения было около часа ходьбы.

В службе преподобному Антонию есть песнопения, относящиеся к этому начальному периоду его иночества: "Преподобне отче, глас Евангелия Господня услышав, мир оставил еси, богатство и славу в ничтоже вменив. Тем всем вопиял еси: возлюбите Бога и обрящете благодать вечную...", "Преподобне отче Антоние, истинныя ради жизни во гробе заключился еси, никакоже бояся невидимых врагов...", "Христов глас услышав, шествовал еси вслед Того заповедей и отвергл еси попечения вся, стяжаний, имений и рабов твоих, и сестры любление, Богоносне Антоние, и един в пустынех Богу беседуя чистейше, разума благодать приял еси!..", "Ревнителя Илию нравы подражая, Крестителю правыми стезями последуя, отче Антоние, пустыни был еси житель, и вселенную утвердил еси молитвами твоими...", "Душу твою связав любовию Христовою, земная возненавидев вся мудре, водворился еси, отче преподобне, в пустынех и горах...", "Млад сый возрастом телесе, нов путь добродетели восприем, сим безбедно шествовал еси, закону новому повинуяся Спасову, и живоносным повелениям Евангелия последуя".

Поселившись в гробнице, Антоний начал посещать старого отшельника, жившего в такой же пещере с молодых лет, которого он не раз видел в храме. Старец с охотой принимал его и учил иноческому житию, и Антоний, видя его молитвенное и суровое житие, подражал ему во всем. Потом стал он посещать и других отшельников,

"И если слыхал о каком рачителе добродетели, – пишет святитель Афанасий, – шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него как бы напутствие какое для шествования стезею добродетели, уходил назад. Так проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Все желание устремлял, все тщание прилагал к трудам подвижническим... Ревнителям же добродетели, к которым ходил он, искренне подчинялся и в каждом изучал, чем особенно преимуществовал он в тщательности и в подвиге: в одном наблюдал его приветливость, в другом – неутомимость в молитвах; в ином замечал его безгневие, в другом – человеколюбие; в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом – на его любовь к учению; кому удивлялся за его терпение, а кому – за посты и возлежание на голой земле; не оставлял без наблюдения и кротость одного и великодушие другого; во всех же обращал внимание на благочестивую веру во Христа и на любовь друг к другу. Так с обильным приобретением возвращался в место собственного своего подвижничества, сам в себе сочетая воедино, что заимствовал у каждого, и стараясь в себе одном явить преимущества всех... Поэтому все жители селения и все добротолюбцы, с которыми был он знаком, видя такую жизнь его, называли его боголюбивым и любили его, одни – как сына, другие – как брата".

Святой Афанасий говорит, что память заменяла преподобному Антонию книги – он помнил все услышанное и знал наизусть все Священное Писание. Размышляя в своем уединении о земной жизни Господа, он увидел, что именно Господь дал пример Своим ученикам удаляться от людей. Вот как говорил об этом преподобный Антоний впоследствии: "Господь наш показал нам образец удаления от людей и уединения, когда один особо восходил на гору для молитвы. В пустыне также победил Он и диавола, дерзнувшего вступить с Ним в борьбу. Конечно, Он не был бессилен победить его и среди многолюдства, но Он сделал так, чтобы научить нас, что в уединении и безмолвии удобнее можем мы победить врага и достигнуть совершенства. Также славы Своей Господь не показал ученикам Своим среди людей, но возвел на гору и там показал им славу Свою. Иоанн Предтеча также был в пустыне до дня явления своего Израилю. В мире врагу удобнее теснить нас своими орудиями – и внешними и внутренними... Видения и откровения не иначе показываемы были святым, как на горах и в пустынях. Пророк Иеремия также, зная как угодно Богу уединение, сказал: *Благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей, сядет наедине и умолкнет* (Плач 3, 27, 28)... Также и Илия Пророк сподобился получать пищу от Ангелов, а это было не среди толпы народной, не в городе или в селе, а в пустыне. Все сие и подобное, бывшее со святыми, написано для убеждения нас подражать тем, кои любили уединение, потому что оно и нас может привесть к Господу".

Обильно изливал Господь благодать Свою на юного отшельника, вооружал его для великой борьбы с силами зла, с самим сатаной. Пищей его были только хлеб, соль и вода, и то единожды в день, на закате солнца. Спал он на рогоже, и только самое малое время: едва приляжет, как тотчас встает на молитву, усердно исполняя завет Апостола о непрестанной молитве. Он был полон сил и неутомим. Подняв руки к небу, он славословил Господа – и так пребывал в радости и неизъяснимом блаженстве, стремясь ко все большим и большим подвигам.

"Но ненавистник добра – завистливый диавол, – пишет святитель Афанасий, – видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел этого, но, как привык действовать, так намеревается поступить и с ним. Сперва покушается он отвлечь Антония от подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминание об имуществе, то заботливость о сестре, то родственные связи, то сребролюбие, славолюбие, услаждение разными яствами и другие удобства жизни и, наконец, жестокий путь добродетели и ее многотрудность – представляет ему мысленно и немощь тела, и продолжительность времени и вообще возбуждает в уме его сильную бурю помыслов, желая отвратить его от правого произволения. Когда же враг увидел немощь свою против Антониева намерения, паче же увидел, что сам поборевается твердостию Антония, низла-

гается великою его верою, повергается в прах непрестанными молитвами", то, продолжает святитель Афанасий, поднял лукавый на юношу оружие, которым многих подвижников победил, – блудные помыслы. И вот "наступает он на юного Антония, смущая его ночью и столько же тревожа днем, так что взаимная борьба их сделалась приметною и для посторонних. Один влагал нечистые помыслы, другой отражал их своими молитвами; один приводил в раздражение члены, другой, по-видимому как бы стыдясь сего, ограждал тело верою, молитвою и постом. Не ослабевал окаянный диавол, ночью принимал на себя женский образ, во всем подражал женщине, только бы обольстить Антония; Антоний же, помышляя о Христе и высоко ценя дарованное Им благородство и разумность души, угашал угль его обольщения. Враг снова представлял ему приятность удовольствий, а он, уподобляясь гневающемуся и оскорбленному, приводил себе на мысль огненное прещение и мучительного червя и, противопоставляя это искушению, оставался невредимым. Все служило к посрамлению врага. Возмечтавший быть подобным Богу осмеян был теперь юношею. Величающийся пред плотию и кровию низложен был человеком".

Однажды увидел Антоний у дверей своей келлии страшное существо – не то отрока, не то карлика, чернокожего, с большой головой и необычайно толстыми губами, с кривыми ногами и отвислым животом. Он так плакал, что целая лужа собралась у Антониева порога. Увидев Антония, он начал говорить:

– Многих я обольстил и низложил... Но вот напал на тебя, и все мои труды ... Изнемог я, бедный!

– Кто ты? – спросил Антоний.

– Я демон блуда и обязан всеми мерами склонять на сей грех юношей, подвизающихся в молитве. Сколько их, давших обет целомудрия, погубил я! Сколько их ушло в мирскую нечистую жизнь! Я тот, за служение которому пророк Осия укоряет падших: *Духом блужения прельстишася* (Ос. 4, 12). Вот смущал я и тебя, Антоний, но во всем был тобою низложен.

Антоний немедленно простер руки к небу и возблагодарил Господа, давшего ему силы на отражение этого чудовища.

– Достоин ты великого презрения, – сказал он демону, – ибо черен ты умом и бессилен, как младенец, что и вид твой доказывает. Ты ничто теперь для меня, ибо *Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя* (Пс. 117, 7).

Черный карлик, закрыв голову руками, бросился бежать и исчез. Блудные помыслы отныне перестали беспокоить Антония. "Такова была первая борьба Антония с диаволом, – пишет святитель Афанасий, – лучше же сказать – и это в Антонии было действием силы Спасителя, осудившего *грех во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу* (Рим. 8, 3–4). И, однако, Антоний не впал в беспечность, наоборот, усилил свои аскетические подвиги. Он знал, что диавол на такую беспечность его и надеется, ждет, не впадет ли в гордость победитель его... А если эту гордость умело раздуть, тут и начало падения. Случалось, подвижники подобным образом падали. И Антоний боялся падения, зная, что у врага рода человеческого уловок бесчисленное множество. "Посему-то Антоний, – пишет святитель Афанасий, – паче и паче умерщвлял и порабощал тело, чтобы, победив в одном, не уступить над собою победы в другом. Поэтому приемлет он намерение приобучить себя к более суровому житию, и многие приходили в удивление, видя труд его, а он переносил его легко... Он столько неутомим был в бдении, что часто целую ночь проводил без сна... Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре". Он всегда помнил слова Апостола Павла: *Егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10).

Так подвизался Антоний, будучи преисполненным благодарности к Богу. "С тех пор, как Господь мой, – рассказывал он впоследствии своим ученикам, – благодатию Своею пробудил ум мой от смертного усыпления, чрезмерный был у меня плач и воздыхание неутешное. Думаю я сам с собою: что дадим мы Господу за все, что Он сделал для нас? Ангелов Своих заставил Он служить нам, пророков – пророчествовать,

Апостолов – Евангелие возвестить. Но что больше всего этого – Сына Своего Единородного послал во спасение наше. Возбуждайте же сердца ваши к страху Божию. Ведайте, что Иоанн Креститель и Предтеча крестил водою в покаяние для приготовления к Крещению Господа нашего Иисуса Христа, крестящего Духом Святым и огнем, который есть огнь ревности о добрых делах. Явим же усердную готовность к очищению себя в теле и духе и, приняв Крещение Господа нашего Иисуса Христа, будем ревнителями добрых дел, чтобы принесть себя самих Ему в жертву приятную. Дух Утешитель, приемлемый в Крещении, дает нам силу действовать свято, чтоб опять возвесть нас в первое славное состояние и сделать достойными получить вечно пребывающее наследие".

От великих святых научился преподобный Антоний не помнить своих вчерашних заслуг и каждый день начинать так, словно он вот только сейчас восстал для доброделания ради Христа. Как Апостол Павел, он жил, *задняя забывая, в предняя же простираяся* (Флп. 3, 13), и помнил слова Илии Пророка: *Жив Господь, Емуже предстою пред Ним днесь* (3 Цар. 18, 15). По замечанию самого преподобного Антония, Илия Пророк говорит *днесь* потому, что не прошедшее измеряет, а каждый день восстает верным рабом Божиим. Святитель Афанасий пишет: "Антоний говаривал сам в себе, что в житии Илии, как в зеркале, должен подвижник всегда изучать собственную свою жизнь".

Ища большего уединения, Антоний нашел себе гробницу еще дальше от селения – там уже не было в соседстве ни бедняков, ни отшельников. Он договорился с одним своим знакомым, чтобы тот в определенное время приносил ему хлеб, и, затворив дверь пещеры, остался один. Жестокое испытание ожидало его здесь. Несколько дней молился он, не выходя на свет Божий, не принимая ни пищи, ни воды, так что дьявол, увидев это, преисполнился страха, думая, что подвижник этот низложит его со всем и всю эту пустыню наполнит в короткое время учениками своими, такими же молитвенниками. Поэтому в одну из ночей пришел он к Антонию со множеством бесов, которым приказал бить его без милости. "И, как сам Антоний уверял, – пишет святитель Афанасий, – весьма жестоки были его страдания, и удары, нанесенные людьми, не могли бы, по словам его, причинить такой боли". На следующий день пришел к Антонию человек, который должен был приносить ему хлеб. Отворив дверь гробницы, он увидел, что тот лежит на земле без движения, как мертвый, попытался привести его в чувство и не смог. "Да уж не умер ли он и в самом деле?" – подумал этот человек, а поскольку был он рослым и крепким, то ничего не стоило ему исхудалое от поста тело подвижника отнести в селение, где он положил его на церковном дворе. В течение целого дня Антоний не подавал признаков жизни. Множество жителей Комы сошлись сюда, среди них были и дальние родственники Антония, и все с великой скорбью смотрели на него, думая, что он мертв. Решено было на другой день совершить заупокойную службу, а когда настала ночь, то возле Антония остался только тот его друг, который принес его сюда. В полночь Антоний пошевелился и открыл глаза. Увидев, что он находится возле храма, он понял, что был принесен сюда и первой его мыслью была та, что диавол подумает, будто изгнал его из места его молитвы. "Друже, – с беспокойством сказал он слабым голосом, – если можешь, отнеси меня назад и положи на то место, где нашел меня: так Богу угодно!" И тот, как человек благочестивый, не стал рассуждать, а исполнил просьбу Антония, отнес его на прежнее место и оставил одного.

Не в силах стоять на ногах, Антоний молился лежа. Молился долго, пока не настала следующая ночь. И вот он почувствовал, что они, враги его, пришли незримо... Собрав все свое мужество, Антоний громко закричал:

– Бесы! Вот я, Антоний, снова здесь! Не боюсь борьбы с вами, делайте что хотите, но знайте: вы не убьете во мне любви ко Господу моему Иисусу Христу!

И начал петь двадцать шестой псалом: *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся; защититель живота моего, от кого устрашуся; внегда приближатися на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющии мя и врази мои, тии изнемогоша.*

Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое: аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю...

Услышав это, дьявол пришел в великую досаду, созвал своих бесов и сказал с яростью: "Видите, как этот ни во что не ставит нас? С духом блуда он разделался, побои не устрашили его, а убить его нам не позволено. Соберите же все что можно из страховидного, приступим разом – ведь он человек, а мы и не таких храбрецов обращали в бегство! Будет знать, кому сделал вызов".

Бесы пришли в движение, готовясь каждый на брань. Дьявол же произвел такой гром, как будто все небо обрушилось. Гробница, где находился Антоний, заколебалась, стены ее как бы распались на четыре стороны, и из ночной тьмы ринулись на лежащего подвижника всевозможные звери, скоты, гады и птицы, каждый изловчаясь, чтобы вступить бой, и издавая вопли. Лев, готовясь напасть, рыкал, вол, намереваясь бодать, ревел, волк напрягал мускулы с намерением прыгнуть. Рысь, медведь, гиена, извивающаяся змея, открывший огромную пасть крокодил и еще какие-то невиданные чудовища – иные о трех головах с рогами и с налитыми кровью глазами... Все это производило такой шум, словно каменная лавина низвергалась в пропасть. Каждый из бесов уязвлял Антония – кто клыком, кто рогом, кто копытом, кто жалом... Но Господь не попустил ему пасть духом – наоборот, Он придал ему и телесных сил, так что он не слабел от тех многочисленных ран, которые они ему наносили. От боли он невольно стонал, но, не теряя силы духа, с великой дерзостью воскликнул:

– Все ли вы собрались, бессильные? Будь вас и втрое больше, вы мне ничего не сделаете, кроме этих царапин. Господь отнял у вас силу, а то и одного бы из вас хватило на то, чтобы растерзать меня. Если можете пожрать меня, то чего медлите: вот я! А если не можете, зачем понапрасну трудитесь? Вера моя в Господа ограда моя от вас!

И вдруг видит Антоний, что как бы раскрылся свод гробницы и сверху, с темного неба, сходит к нему луч света. Бесы пропали, настала тишина, и стены, которые как бы распались незадолго перед этим, оказались стоящими на месте. Антоний почувствовал, что телесная боль утихла и все раны, нанесенные бесами, исчезли. Он понял, что этот луч – посещение Господне.

– Где был ты, милосердный Иисусе? – сказал он. – Почему с самого начала не пришел исцелить мои раны?

– Антоний! – был ответ. – Я был здесь, но ждал, желая видеть твое мужество. Теперь же, после того как ты устоял и не был побежден бесами, Я всегда буду помогать тебе и прославлю тебя повсюду!

Услышав это, Антоний поднялся и начал молиться, чувствуя в себе сил более, чем их было до борьбы с бесами. Они и потом во всю его долгую жизнь искушали его и пытались устрашить, но он только сильнее делался, так что впоследствии мог и других наставлять в противоборстве злым духам. "Дьявол и все с ним демоны низложены пред нами, – говорил он своим ученикам, – чтоб, как на змей и на скорпионов, наступать на них нам, христианам. Доказательством же сему служит то, что живем мы ныне по правилам, противным дьяволу. И вот дававший обещание истребить море и объять вселенную не в силах ныне воспрепятствовать вашим подвигам и вот, например, остановить меня, ныне обличающего его. Поэтому не будем обращать внимания ни на что из того, что говорит он, потому что у него все – ложь. Ложь и все образы, в коих он является: внезапно явившись, так же внезапно они исчезают, прогнанные крестным знамением. Бывает, они излучают свет, как бы прикидываясь сынами света, но их свет не с неба – они носят в себе начатки того огня, в котором будут гореть вечно, и свет этот тревожен и зловещ... Нередко, будучи невидимы, представляются они поющими псалмы, даже произносящими отдельные изречения из Священного Писания. Когда мы читаем, они, случается, подобно эху, повторяют за нами слова... Они пробуждают нас на молитву, да так часто, что если их слушать, то вовсе нельзя будет спать. Являются они в монашеском куколе и в милости, обольщая будто бы благочестивыми речами, и в этом случае они опаснее всего. Ни в чем не надо их слушать, пусть по видимости и самое доброе говорят, потому что это доброе они полагают как

начало нашего падения. И Сам Господь даже говорившим правду демонам (ибо справедливо они говорили: "Ты еси Сын Божий") повелевал молчать, чтобы вместе с истиною не посеяли они злобы своей, а также чтобы дать нам пример не слушать их. Демоны говорят, шумят, являются призраками, безумно смеются, стучат, пугая неопытных, а если кто, зная им цену, не обращает на них внимания, то они плачут, падая духом, как побежденные. Весь воздух вокруг нас наполнен ими... Все демоны, и первый из них дьявол, носятся по всему воздуху... Если бы у них была власть, то не оставили бы они в живых ни единого из христиан, потому что нестерпимо им богочестие... Истинному Ангелу, посланному Господом на ассириян, не было нужды во множестве соратников, в принятии на себя какого-либо устрашающего образа, в громе и треске – в тишине проявил он власть свою, мгновенно истребив сто восемьдесят пять тысяч воинов... Посему должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться. Боятся они подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, нелюбостяжания, нищелюбия, смиренномудрия, безгневия, а более всего крепкой веры во Христа".

Невыразимого блаженства преисполнилась душа Антония. Старцы отшельники облачили его в монашеское одеяние – в левитон (длинную нижнюю рубаху с рукавами) и власяницу, куколь и милоть (или мантию) из козьей шерсти, а на ногах у него были сандалии. Он был смугл и голубоглаз, с правильными чертами лица и окладистой черной бородой.

Одержав победу над демонами, Антоний много дней славил Бога, но потом начал готовиться к новой борьбе, так как знал, что сатана не оставит его в покое. Демоны жили в пустыне, и, чем безжизненнее были места, тем их было больше. Он решил переселиться в самое их логово, чего не делал еще ни один христианский инок.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вернувшись к пещерам, что вблизи Комы, Антоний посетил того отшельника, к которому обращался первоначально, и предложил ему пойти вместе с ним дальше в пустыню и жить там вдвоем, желая быть у этого старца в послушании. Но тот и по своей глубокой старости, и по необычности такого предложения отказался, но не отказал Антонию в благословении идти одному.

Антоний, взяв запас хлеба на полгода, пошел по прибрежной пустыне в ту сторону, где голые скалы становились все выше и все ближе подходили к Нилу. Он шел по глубоким пескам узкой извилистой долины, опаляемый зноем. Ни одной травинки не встретилось ему на пути, не было ни одной капли воды. И вдруг что-то блеснуло, как будто колодец, до краев полный водой... Подошел – нет, это не вода блестит, а серебро. В песке лежало большое серебряное блюдо, покрытое чеканными узорами. Остановившись, Антоний помолился и начал размышлять: "Откуда здесь взяться такому предмету? По видимости, не из рук человека оно упало, он не мог бы не заметить такой пропажи... Что ж, из тюка или корзины с вещами, притороченных к спине верблюда? Нет, слишком велико блюдо, чтобы выпасть, да такие дорогие вещи и не складывают небрежно... К тому же ясно видно, что тут не караванная дорога и некуда караван идти... Следов нет никаких... Дьявольская это хитрость, чтобы уловить меня сребролюбием!" Антоний перекрестил блюдо, и оно исчезло, как бы и не было его на этом месте. Но через некоторое время опять перед ним что-то загорелось на солнце. Это было множество золотых монет, рассыпанных в песке. Увидев их, Антоний не стал и размышлять, а перепрыгнул через золото, как через костер, и быстро пошел далее.

Перебравшись через скалы, он спустился к Нилу и увидел на другой стороне почти отвесно выходящую из воды каменную гору, всю в глубоких расселинах, серого и черного цвета, с промоинами внизу, где на песке и иле, нанесенных туда рекой, дрема-

ли похожие на длинные черные бревна крокодилы. Стаи птиц с криком кружились над горой, залетая в щели, где были их гнезда... Голая, мрачная гора... Антоний стал думать, как взобраться на нее – везде обрывы да и крокодилы... Он прошел выше по течению реки и увидел на другой стороне подходящее место, куда и переправился, раздевшись и неся узел с одеждой над головой. Используя каждый маленький уступ, он начал взбираться наверх, и тысячи птиц с криком кружились возле него. На верхнюю площадку он поднялся совсем обессиленный, долго лежал, а потом встал и осмотрелся.

Он увидел множество городов и селений по берегам Нила, озера и пирамиды, а также две великие пустыни, из которых одна уходила на восток, а другая – на запад. Гора, на которую взобрался Антоний, к востоку постепенно понижалась и переходила в пески пустыни. Перед самым наступлением ночи, которая здесь начинается без сумерек, сразу он нашел маленькую крепость, точнее, римский сторожевой пост, такой же, какие разбросаны были по всему течению Нила. Этот пост был давно оставлен. Он состоял из вырубленной в скале пещеры с двумя колоннами внутри и каменной ограды вокруг небольшого двора, на котором был колодец. Антоний заглянул в него – милостив Господь! Есть и вода, хотя и дурно пахнущая, и кожаное ведро на пальмовой веревке... Но пещера не была пуста. Едва он вошел в нее, как что-то зашуршало, что – в темноте нельзя было разобрать. Он запел *Живый в помощи Вышняго*...(Пс. 90) и увидел, как целый поток огромных серых змей устремился к выходу из пещеры во двор, потом из ворот в пустыню... Когда солнце зашло, Антоний безбоязненно лег в пещере на землю и с молитвой уснул – крайняя усталость одолела его.

На следующий день он собрал множество больших камней, намешал глины и плотно заложил воротца, ведущие во двор, оставаясь сам внутри. Стена же была столь высока, что перелезть через нее было невозможно, тем более что она с двух сторон обрывалась в глубокие расселины. Так он затворился здесь, чтобы молиться Богу, ни на что постороннее не взирая и никуда не выходя. Увидев это, всполошился сатана и начал кричать: "Уйди, удались отсюда, Антоний! Здесь пустыня, это место дано мне! Зачем ты пришел сюда, что тебе в этих песках и камнях? Не дам я тебе покоя! Я призову все свое воинство!" И стал он кликать демонов, которые собрались огромной толпой, но уже не являлись Антонию видимо – только слышны были их нестройные вопли: "Уйди отсюда, Антоний! Не вынесешь ты наших нападений!.." Казалось, весь дворик и вся пещера набиты бесами. Антоний же, ничего им не отвечая, день и ночь стоял на молитве. Демоны его не трогали – Господь не велел. Антоний знал это и не обращал никакого внимания на весь этот шум.

Так было изо дня в день и год за годом. Когда у Антония иссяк запасенный хлеб, возле бывшей крепости, а теперь монашеской пустыни появился тот самый человек, друг Антония, который носил ему хлеб во время житья его в спэосе возле Комы: Господь привел его сюда. Приникнув к щели в камнях, он увидел Антония и стал звать его:

– Антоний, позволь мне войти.

– Прости меня, – откликнулся тот, – нет ко мне входа, а если будет на то воля твоя, принеси мне хлеба и брось через ограду.

Тот так и сделал. Принес хлеб и перекинул через стену. А сам, ничего больше у Антония не спрашивая, остался под стеной и прожил здесь несколько дней, слушая Антониевы молитвы и вознося сердце свое к Богу. В следующий раз с ним пришли еще несколько молодых людей из Комы, ранее друживших с Антонием, – и они стали молиться вместе с Антонием, не видя его, так как он теперь и щели все заделал глиной.

Однажды ночью они были разбужены громкими криками, раздававшимися из Антониевой пустыни: люди кричали: "Удались! Удались!" Молодые люди вскочили в страхе, думая, что разбойники по лестницам влезли к Антонию и гонят его... Они помогли одному из своих товарищей дотянуться до верха стены и заглянуть туда: двор был пуст, Антоний молился в пещере, но голоса продолжали раздаваться: "Оставь на-

ши владения, не дадим тебе покоя!" Тогда они поняли, что это демоны, и в ужасе начали кричать и звать Антония. Он подошел к стене и сказал им:

– Не бойтесь, братья! Они могут только угрожать. Пойте: *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут: яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия!* (Пс. 67, 2–3).

Они начали петь, и голоса демонские стали тише, а потом вовсе умолкли.

Так многие годы, целых двадцать лет, подвизался Антоний в своем уединении, не показываясь никому, в полном молчании, и так долго пребывал он в безмолвии, что приходившие начинали беспокоиться, думать, не умер ли он от трудов и истощения. Но проходили месяцы, а иной раз и годы безмолвия, и снова слышались его молитвы. Много раз демоны поднимали шум в его пещере, оглушительно крича, крик этот постепенно переходил из угрожающего в жалобный, как будто скулила побитая собака, и умолкал. Все это привлекло сюда множество народа, вблизи Антониевой пустыни возникло как бы поселение из хижин и пещер. Поселенцами были мужчины, молодые и старые, желавших вести богоугодную жизнь, но не имевшие руководителя, наставника, так как монастырей там еще не было и никто не слыхал о них. Божия сила привлекала их к Антонию и держала возле него, как бы указывая, что он и будет наставником, который поведет их ко спасению.

Собралось такое великое множество людей, что наконец они начали роптать и взывать к Антонию: "Выйди к нам, святой отец, и научи нас!" Но он не отзывался. И вот – это было в 306 году, когда Антонию исполнилось уже пятьдесят пять лет, – человек, приносивший ему хлеб, и с ним несколько его давних друзей из Комы разломали камни, которыми он заложил вход, и вошли во дворик. Антоний, уже поседевший, вышел к ним из пещеры, и они стали на колени. Увидев его, они удивились – он был крепок, нисколько не иссох от поста; за исключением седины, он выглядел так же, как и двадцать лет назад. Взгляд его был спокоен и добр – ни следа какой-нибудь угрюмой нелюдимости... Он был спокоен и невозмутим, как будто ничего не произошло, не смутился, не рассердился, не обрадовался и не испугался.

– Это Господь призывает меня на службу к вам, – сказал он. – Приветствую вас, братья, в эти долгие годы вы укрепились в желании быть монахами. Я хочу посмотреть на всех вас, собравшихся тут.

Он вышел на гору и увидел множество людей – ими можно было бы населить целый город. Вокруг были пещеры и разного вида хижины. Все эти люди жили в посте и великой скудости, с трудом доставая воду из Нила, спускаясь за ней по веревкам со скал. Когда собрались они все, он увидел, что среди них есть больные и несколько бесноватых. Силою Господней он исцелил их всех – кого от лихорадки, кого от хромоты. Распрямилось несколько скрюченных. Прозрел слепой. Пришел в себя лишившийся рассудка человек. А когда Антоний подошел к трем бесноватым, которых крепко держали, бесы их устами жалобно закричали: "И здесь ты не даешь нам покоя, Антоний! Куда нам, бедным, деваться от тебя? Уходим, уходим..." – и вышли из этих людей, которые стали здоровы и прославили Бога с радостью.

– Братия! – воззвал Антоний к собравшимся. – Чтобы угодить Богу и спастись, не обязательно быть отшельниками и жить в одиночку, это удел далеко не всех. Можно жить братской общиной, устроенной в пустынном месте, пусть это будет и вблизи города. Я укажу вам такие места, сам пойду и все вам устрою и буду приходить к вам для наставления, а назначенные вами смогут приходить сюда для разрешения всего неясного.

– Мы ничего не знаем! – раздались голоса. – Как мы будем жить без тебя?

И Антоний в течение трех дней выходил к ним и молился вместе с ними, а потом, вдохновленный Духом Святым, говорил им много полезного. Среди прочего говорил он и следующее:

– Для научения исполнению заповедей Божиих совершенно достаточно и Божественного Писания. Однако же нельзя не считать делом весьма добрым и хорошим, если

братия будет утешать друг друга словами. Открывайте мне, как дети своему отцу, то, что узнали вы, я же, как детям духовным, буду сообщать вам то, что откроет мне Господь. Итак, чада мои, если решаетесь вы оставить мир, а в нем все то, что вам принадлежало, то не жалейте ни о чем, не думайте, что оставили нечто великое, потому что по сравнению с небесными благами и вся земля ничтожно мала. Вы же, отказавшись кто от поля близ своего села, кто от финиковых пальм или чего другого, например от нескольких золотых монет, не скорбите, что оставили нечто многоценное. Господь воздаст вам сторицей. За столь малую цену получите вы обетование Вечной жизни. Вы должны будете потрудиться в деле угождения Богу, но не так долог будет ваш труд, ибо жизнь человеческая коротка. *Дние лет наших в нихже седьмдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь,* – говорит псалмопевец (Пс. 89,10). Если же кто из вас проживет в молитвенном делании и сто лет – то как можно их сравнивать с вечностью, с той бесконечной жизнью, которая ожидает праведные души? Поэтому никто из вас да не питает в себе пожелания что-нибудь вещественное приобретать. Ибо какая выгода приобрести то, что нельзя будет взять с собою? Не лучше ли приобрести нам то, что поможет нам стяжать жизнь Вечную, – благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбие и странноприимство, безгневие, а главное – живую веру во Христа? Пребудем в подвиге и не предадимся унынию. Нам помощник Господь, как написано: всякому, избравшему благое, Бог поспешествует во благое.

– Сможем ли мы приобрести, отец наш, все, что ты назвал? – спросил один из слушающих.

– Не страшитесь, слыша о добродетели, – продолжал Антоний, – не смущайтесь при ее имени: она недалеко от нас и не вне нас образуется. Эллины, чтобы обучиться наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать моря ради добродетели. Господь сказал: *Царствие Небесное внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Добродетель образуется у нас в душе... Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем хранить себя от нечистых помыслов и соблюдем Господу душу, как принятый от него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое.

И еще многое сказал этим людям Антоний: и о том, как бороться со страстями, как безбоязненно противостоять бесам и как жить инокам вместе в любви и согласии, как не забывать о тех, кто страждет в наготе, голоде и стуже в оставленном ими мире, как принимать от Господа всякие скорби, врачующие душу... Говорил он о молитве и о чтении священных книг, о том, что каждый свой день инок должен проводить так, словно ему предстоит этой ночью умереть, а ночью – думать, что не доживет до утра...

Не прошло и пяти лет с этого времени, как множество монастырей возникло и на горе, где жил сам Антоний, и в других пустынных местах, неподалеку от городов Ираклеи и Арсиное, и по берегам Нила в сторону Фив. Антоний, выходя из своего уединения, посещал эти обители, жил в них по нескольку недель, наставляя братию и указывая, как устроить все нужное. Монастыри эти, как писал святитель Афанасий, "подобно были скиниям, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые, занимаясь рукоделием для подаяния милостыни, имели между собою взаимную любовь и согласие. Подлинно представлялась там как бы особая некая область богочестия и правды. Не было там ни притеснителя, ни притесняемого; не было укоризн от сборщика податей; подвижников было много, но у всех была одна мысль – подвизаться в добродетели. А потому, кто видел эти монастыри и такое благочиние иноков, тот должен был снова сказать: *Коль добри доми твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю; яко дубравы осеняющия, и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах* (Числ. 24, 5–6)".

В 306 году пришел к преподобному Антонию юноша по имени Иларион. Он ро-

дился в Газе, отец и мать его были эллины, он учился в Александрии в языческой школе всякой премудрости, но Господь избрал его на служение Себе. Услышав проповеди архиепископа Петра в христианском храме Александрии, Иларион обратился к Евангелию, к творениям святых отцов и, глубоко уверовав в то, что Христос есть истинный Бог наш, принял от архиепископа Петра Святое Крещение. Будущему преподобному чудотворцу Илариону Великому было тогда всего пятнадцать лет. Он прожил в обители Антония лишь два месяца, но за это время все, что говорил ему старец, а также все, что он видел, так глубоко вошло в его душу, что стал он первым и лучшим учеником великого Антония. Его поражало, что ничему не учившийся в миру Антоний столь глубоко знает христианское учение и так здраво судит о всякой языческой учености. Приняв от старца благословение, Илларион возвратился на родину. Родители его умерли. Он был единственным наследником и поступил так: разделил все имущество на две части, одну отдал родственникам, другую – нищим, не оставив себе ничего. Подражая Антонию, он пошел в пустыню между городом Газой и морем и поселился там как отшельник. Как и Антоний, воевал он с демонами и силой Господней низлагал их. Со временем Иларион начал устраивать в Палестине и на Аравийском полуострове монастыри и стал для них старцем и главным наставником в духовной жизни. Он, как и Антоний, получил от Бога великие дары – прозрения будущего и исцеления телес и душ человеческих. И когда к Антонию приходили с просьбой об исцелении люди из тех краев, где жил его ученик, он говорил им:

– Зачем утруждаете себя долгим путешествием ко мне, когда имеете у себя моего сына о Христе Илариона?

Христианство все шире распространялось по восточным землям Римской империи – Сирии, Палестине, Египту. Императоры время от времени воздвигали гонения на христиан. Особенно жестокие из них были при Диоклетиане, и продолжались они до 305 года, когда он отказался от престола, и потом при Максимине Даке, цезаре императора Галерия, правившего на Востоке. Император Галерий сначала издавал указы о свободе вероисповедания, а потом, как бы взамен смертной казни, приказывал ссылать исповедующих Христа в рудники, выжигая им правый глаз и подрезая жилу на правой ноге. В 311 году опять началось открытое избиение христиан. В Палестине, Сирии и Египте их хватали сотнями и после тщетных попыток заставить принести жертву идолам пытали и казнили. Во всех городах Египта и даже в пустынях явились целые сонмы мучеников, кровь лилась рекой.

В это же время и в среде христиан появилась смута – в Александрии пресвитер Арий начал провозглашать свое еретическое учение, а епископ Мелетий из египетского города Ликополя, отрекшийся от Христа во время пыток, явился в Александрии и стал противодействовать архиепископу Петру, рукополагая священников и как бы создавая отдельную Церковь. К нему же примкнул и еретик Арий, мечтавший стать епископом.

Архиепископ Петр был римскими властями изгнан из Александрии в Палестину, но оттуда поддерживал свою паству посланиями, а потом, в самый разгар гонений, возвратился. В темницы Александрии брошено было более шестисот христиан, среди которых находились пресвитеры и клирики. Архиепископ Петр ходил туда и укреплял осужденных за Христа, и все они сподобились после жестоких истязаний мученической кончины. Пресвитера Ария, которого язычники не трогали, Петр поначалу останавливал во время его проповедей, в которых он хулил Божественную сущность Христа, а потом проклял и отлучил от Церкви. Цезарь Максимин, узнав о том, что архиепископ Петр бесстрашно проповедует веру Христову, приказал схватить его. Архиепископ в оковах был заперт в темнице. Тогда христиане со всего города собрались в огромном количестве и начали кричать римскому военачальнику:

– Зачем отнимаете у нас пастыря?

Тот написал об этом Максимину, который приказал отсечь архиепископу голову. Однако народ не расходился. Христиане во время гонений не противились и безропотно шли на мучения и смерть. И их на Востоке было так много, что если бы они

восстали, то легко уничтожили бы своих гонителей, тем более что среди христиан было много воинов и даже военачальников. Но так как Богу не угодно никакое насилие, они не восставали. Однако в Александрии они решительно выступили в защиту своего пастыря, хотя и без оружия, но в очень большом числе, чем испугали язычников, которые не знали, что делать, – они не могли вывести святителя из тюрьмы для усечения мечом. Решили ждать случая.

Арий, узнав, что архиепископ, отлучивший его от Апостольской Церкви, сидит в темнице в ожидании казни, явился к нему с лицемерным покаянием, желая после него получить кафедру Александрийскую. Некоторые из пресвитеров поверили ложному раскаянию Ария и пришли к архиепископу Петру с ходатайством за него, прося снять с него клятву, простить его и присоединить к церковному сообществу. Господь открыл святителю Петру лукавство Ария, и он так ответил пресвитерам Ахиле и Александру, пришедшим просить за еретика:

– Возлюбленные братья, вы просите о том, кто терзает Церковь Христову! Я молю Бога, чтобы он всем подал прощение грехов, одного только Ария отвергаю, так как он и Богом отвержен – ведь он не пред людьми, а перед Господом хулил тайну Святой Троицы. Еретик осмеливается делать разделение между Отцом, Сыном и Святым Духом. Итак, да будет проклят Арий – и в нынешнем веке и в будущем!

В это-то время и пришел в Александрию старец Антоний с некоторыми учениками.

– Пойдем мы, – сказал он, выходя из своей пустыни, – на светлый пир наших братьев, чтобы или и самим удостоиться того же, или спасти других для подвижнической жизни.

И они пошли и увидели в городах виселицы и костры, колеса с острыми зубьями, и кресты, и многие иные орудия казни, и христиан, осужденных на мучения, и множество растерзанных тел... Антоний с иноками переходили вброд каналы, полные крокодилов, – крестное знамение, которым он осенял воду, сковывало лютых рептилий. Время от времени встречали они воинов, ведущих большие толпы христиан в Александрию. Антоний обращался к христианам со словами утешения, укреплял их дух для противостояния мучителям, а воины как бы не слышали его: Господь заграждал им слух.

Вот забелела Александрия на мысу, вдающемся в бескрайнее голубое море, и по каменистому берегу, отделяющему море от Мареотийского озера, другого берега которого не было видно. На берегу озера высится Помпеева колонна, окруженная пальмами. К востоку, куда ведет канал, виднеются языческие храмы Канопа. Два мемфисских обелиска стоят в гавани. Александрия – столица Египта, здесь живет римский епарх, то есть военачальник со своим гарнизоном. Здесь – христианские храмы, постоянно разоряемые, но возрождающиеся в еще большем количестве.

Преподобный Антоний пришел сюда в то время, когда по приказу Максимина начали мучить и казнить тех христиан, которые были заключены в тюрьмах. Их приводили партиями на площадь, где было устроено обычное языческое судилище – тут стоял как бы трон судьи, которым был сам епарх, рядом – языческий жертвенник со статуями идолов Ареса, Афродиты и прочих "богов", напротив – орудия казни, выставленные для устрашения: разные колеса, крючья, железные палки, башмаки с гвоздями внутри, плети, кучи дров и хвороста, чаны с водой и маслом, под которыми разведен огонь...

Христиане в большинстве своем охотно и радостно шли на смерть за Христа, но Церковь не одобряла тех, кто сам напрашивался на мучения: воля должна быть на все Божья, а не своя. Схватили тебя – укрепляйся духом, Господь поможет, облегчит страдания, заживит раны, иногда крепко посрамит мучителей, прежде чем они прибегнут к последнему средству – к мечу.

Святитель Афанасий пишет об Антонии: "Было у него желание принять мученичество, но, не хотя предать сам себя, прислуживал он исповедникам в рудокопнях и в темницах. Много было у него попечения – позванных в судилище подвижников поощ-

рять к ревности и принимать участие в тех, которые вступили в мученический подвиг, и сопровождать их до самой кончины. Судия, видя бесстрашие Антония и бывших с ним и их попечительность, приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вовсе не оставались они в городе. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же столько озаботился, что даже вымыл верхнюю свою одежду и на следующий день, став впереди всех на высоком месте, явился пред игемоном в чистой одежде. Когда все дивились сему, даже видел его и игемон и со своими воинами проходил мимо него – стоял он бестрепетно, показывая тем христианскую нашу ревность. Ибо, как сказал уже я, ему желательно было стать мучеником. И сам он, казалось, печалился о том, что не сподобился мученичества, но Господь хранил его на пользу нам и другим, чтобы соделаться ему учителем многих в подвижнической жизни, какой научился он из Писаний".

Епископ Палладий в "Лавсаике" пишет: "Блаженный Исидор Страннопримец рассказывал мне, что он, быв у святого и блаженного Антония, слышал от него нечто такое, что стоит записать. Именно: одна прекрасная лицом девица, Потамиена, во времена Максимина-гонителя была рабою у какого-то сластолюбца. Господин долго старался обольстить ее различными обещаниями, но не мог. Наконец, пришедши в ярость, он представил ее тогдашнему александрийскому епарху как христианку, которая хулит настоящее правительство за гонения, и обещал ему довольно денег за наказание ее. Ежели ты, говорил он, убедишь ее согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию, а если она останется непреклонною – погуби в мучениях, пусть-де живая не смеется над моею страстью... Привели девицу на судилище, начали уговаривать, потом и пытать, она была тверда, как стена. После этого судья приказал наполнить медный котел смолой и разжечь под ним огонь. Когда смола начала клокотать, судья сказал Потамиене: "Или иди и покорись воле своего господина, или я прикажу бросить тебя в этот котел". Потамиена отвечала: "Можно ли быть столь несправедливым судиею, чтобы толкать меня на грех?" Разъяренный судья велел раздеть ее и бросить в смолу. Тогда Потамиена сказала: "Заклинаю тебя жизнью императора, которого ты боишься, если уж ты решил умертвить меня таким образом, то не раздевай, а вели понемногу опускать в смолу, и ты увидишь, какое терпение даровал мне Христос, которого ты не знаешь". Таким образом, ее понемногу опускали в котел в продолжение почти трех часов, пока смола не захватила горло, – тогда она испустила дух".

В это же время в Александрии жил слепец Дидим, знаменитый христианский учитель-богослов. Преподобный Антоний посетил его и беседовал с ним.

– Жаль мне, – сказал Дидим, – что я лишен зрения и не могу видеть тебя, отче святый.

– О, Дидим! – воскликнул Антоний. – Не жалей об этом! Если Бог не дал тебе телесных очей, которые есть у всех людей и даже у самых нечистых животных – змей, мух, ящериц, то Он даровал тебе очи ангельские, чтобы ты созерцал Его!

Дидим трех лет отроду стал проявлять такой ум, что его начали учить грамоте, но в пять лет от какой-то болезни он ослеп. Дидим, однако, не бросил учения, ум и память его так изощрились, что он все прочитанное ему запоминал дословно. Так, посещая всех известных учителей Александрии, он изучил грамматику, философию, музыку, математику, поэзию и другие науки, лучше всех знал сочинения Платона и Аристотеля, но венцом его знаний стало христианское богословие. Он помнил наизусть всю Библию и множество творений святых отцов. Он стал в Александрии, как богослов, преемником Оригена, однако ошибок своего предшественника он не повторял. Вместе с архиепископом Афанасием Дидим выступал против ариан, нисколько не заботясь о своей безопасности. К нему приезжали епископы со всего Востока, чтобы узнать его мнение о том или ином вопросе, связанном с толкованием Священного Писания.

Дидим восхищался смелостью преподобного Антония, который, явно нарушая приказ епарха, прислуживал исповедникам, приносил им пищу, обмывал им раны, молился вместе с ними, невольно завидуя тому, что они идут к Господу в Его Божест-

венной славе. Из этих подвижников оставался еще живым в темнице святитель Петр, которого толпы христиан, день и ночь стоявшие у тюрьмы, не давали вывести на казнь.

Архиепископ Петр, боясь большого кровопролития из-за него, а также желая разлучиться с телом и отойти ко Господу, сказал военачальнику: "Пробей ночью стену с другой стороны тюрьмы и выведи меня на казнь тайно от народа". Ночь была ветреная, бурная. Когда пробивали стену, народ, стоявший перед тюрьмой, не слышал этого. Святой Петр осенил себя крестным знамением и сказал:

– Лучше одному человеку умереть, нежели погибнуть множеству.

Он вышел в пробитую щель, был отведен в пустынное место, где палач и отсек ему голову. В это время одна христианка, находившаяся неподалеку, услышала голос с неба: "Петр – начало Апостолов, Петр же – конец александрийских мучеников".

С этого времени язычники в Александрии перестали преследовать христиан. В следующем году в империи произошли великие события: император Константин взял Рим, разбив войско своего соперника Максентия, который во время бегства утонул в Тибре. У Максентия было гораздо больше войска, чем у Константина, и Константин, уже не веривший в языческих богов, но еще не христианин, хотел молиться о даровании ему победы, но не знал – какому богу, и пребывал в большом смущении. Это было накануне битвы за Рим. И вдруг он и все его войско увидели в небе необычайное знамение – огромный крест. Константин был поражен, но не мог понять, что означает явление этого орудия позорной казни. Тогда христиане объяснили ему, что ныне это орудие победы над смертью. Константин взял Рим, и с этого времени впереди его войска всегда несли "лабарум" – хоругвь в виде креста. Он стал править на Западе. А на Востоке властвовал его соправитель, зять его Ликиний, который хотя и не очень охотно, но подписал указ императора Константина о признании за христианами права исповедовать свою веру и о возвращении им всего отнятого во время гонений. На Востоке еще оставался Максимин – Ликиний решил его устранить: осадил город Тарс, где тот находился, и Максимин, видя, что побежден, принял отраву. Так погиб один из самых жестоких преследователей исповедников веры Христовой.

Император Константин, еще не принявший Крещения, тщательно изучал Священное Писание, а воспитание старшего сына поручил христианскому наставнику. Он запретил крестную казнь, отменил гладиаторские "игры" в цирке, принял под свое попечительство сирот и брошенных детей, бедных и увечных (которых язычники оставляли без всякой помощи) и облегчил специальным указом участь рабов. Он приказал воскресный день почитать как праздник. По всем городам начали возобновляться и строиться христианские церкви. Но это все пока было только на Западе – Ликиний на Востоке не спешил делать послаблений христианам.

Вскоре Ликиний, не считаясь с отношением к христианам Константина, начал открытые гонения против них, и вновь христиане начали принимать мученическую смерть за Христа. Вновь разрушались храмы. Римская империя распалась на две половины, как бы на день и ночь – день на Западе, ночь на Востоке... Наконец, в 323 году Ликиний начал собирать силы для того, чтобы отнять власть у Константина. Константин молился, а Ликиний собрал жрецов и гадателей и спрашивал у них, каков будет исход борьбы. Те, конечно, предрекали ему блистательную победу. Однако в нескольких сражениях Ликиний был разбит, схвачен и казнен в Солуни как заговорщик. Так погиб и второй гонитель христиан.

"Я твердо веровал, – говорил святой Константин, император Римский, в одном из указов, – что всю душу свою, все, чем дышу, все, что только обращается в глубине моего ума, я обязан принести Великому Богу". Он проявил большую заботу об освобожденном Востоке. "Молю Тебя, Великий Боже, – писал он в том же указе, – будь милостив и благосклонен к восточным Твоим народам и через меня, Твоего служителя, даруй исцеление всем областным правителям... Под Твоим руководством начал я и окончил дело спасения; преднося везде Твое знамя, я вел победоносное войско... Потому-то и предал я Тебе свою хорошо испытанную в любви и страхе душу, ибо искренне

люблю Твое имя и благоговею перед силою, которую являл Ты многими опытами и которою укрепил мою веру... Хочу, чтобы народ Твой наслаждался спокойствием и безмятежностью".

В Александрии по смерти архиепископа Петра на его место был избран один из священников – его имя было Ахила, – приходивших к Петру в темницу ходатайствовать за Ария. Получив тогда от Владыки объяснения, этот священник как бы убедился в том, что Арий есть враг Церкви, но, как только стал епископом, он вверил Арию управление одним из крупнейших храмов Александрии, где тот и стал действовать в своем еретическом духе. По наружности Арий был благолепен, к тому же вел постническую жизнь. Он имел дар красноречия, служил в храме с большим подъемом, а сверх всего сочинял песнопения, в которые подливал раскольнического своего яду, но не всем это было видно и многие обманывались их внешней красотой... У него появилось много последователей.

Арий надеялся, что после Ахилы изберут епископом его. Тот был преклонных лет, и вскоре скончался. Но избрали Александра, ближайшим учеником которого был диакон Афанасий, будущий святой архиепископ Афанасий Великий. Все знали, какое влияние имеет Афанасий на Александра, поэтому, когда Владыка подтвердил отказ Ария в церковном общении, ариане начали злобствовать на Афанасия.

Император Константин услышал о смутах, раздиравших Александрийскую Церковь, и, желая прекратить их, послал туда епископа Кордовского Осию, столетнего старца, и тот, когда вернулся из Александрии, сказал императору, что дело зашло так далеко, что нужны самые решительные средства. Император назначил Собор епископов из всех подвластных ему краев. 318 епископов съехались в город Никею. Это был Первый Вселенский Собор (Никейский), на котором Арий и его ближайшие помощники были прокляты. Император приказал сослать их в заточение. Афанасий Великий был на этом Святом Соборе – участвовал во всех его делах, также и в выработке текста Никейского Символа Веры. А в Александрии в его отсутствие скончался Владыка Александр. Когда Афанасий вернулся, народ избрал его архиепископом.

Скоро арианская ересь начнет сотрясать всю империю, а Владыка Афанасий будет терпеть от еретиков настоящее гонение, так как они сумеют на некоторое время добиться благосклонности императора. Церковь Православная выстояла тогда во многом благодаря деятельности святителя Афанасия, его посланиям к епископам разных стран. Около полустолетия он нес возложенное на него Господом бремя. Много раз ему приходилось скрываться в пустынных монастырях Египта, бывал он и у преподобного Антония, который укреплял его в борьбе с арианами. Архиепископ Афанасий считал его своим учителем и смиренно сидел у его ног или даже прислуживал ему – как писал сам Владыка, "возливал ему воду на руки". Был святитель Афанасий и в дальних ссылках – два с половиной года в галльском городе Трире, где он много рассказывал желавшим слушать о египетском старце Антонии, о монастырях, созданных им, о дивном ангельском житии египетских пустынников. И многие искренне веровавшие во Христа люди, даже из высшего общества, женщины и мужчины, начинали подражать египетским инокам. Так на Западе возникли монастыри.

Преподобный же Антоний, вернувшись из Александрии, продолжал жить на своей горе, но почти невозможно ему было уже вести тут жизнь отшельника и тем более безмолвника. К нему постоянно обращались иноки, поджидавшие его везде, на каждом шагу, – вопросы у них к старцу были самые насущные. Немало приходило и мирян. Однажды он все же заперся, желая хоть несколько дней побыть в одиночестве, но уже на другой день стал к нему стучаться и громко молить его о помощи воевода Мартиниан из близлежащего городка, язычник. У него была дочь, в которую вселился бес, страшно мучивший ее. Мартиниан просил Антония исцелить ее:

– Выйди, отче, помолись о моей дочери!

Антоний долго не откликался, но потом выглянул и сказал:

– Что вопиешь ко мне? Я такой же человек, как и ты, не чудотворец! Один Бог творит чудеса. Если веруешь во Христа, Которому служу я, то иди, помолись, как ве-

руешь, и прошение твое будет исполнено.

И тут Мартиниан, сам не зная как, уверовал во Христа – это было первое чудо. Когда он пришел домой, то стал молиться Богу, единому в Трех Лицах, и еще не кончил молитвы, как бес в виде струйки черного дыма вышел из уст его дочери.

И бывало даже так, пишет святитель Афанасий, что "многие страждущие от демонов, поелику Антоний не отворял двери своей, посидев только вне монастыря, по вере и по искренней молитве получали исцеление".

"Уйду я", – решил Антоний. Ему хотелось подняться вверх по Нилу, в пустыни верхней Фиваиды. "А тех из моих учеников, – думал он, – кому это необходимо, Господь вразумит, как найти меня. Да и я время от времени смогу приходить сюда для наставления братии".

Он взял запас хлеба и спустился к реке, стал смотреть – не плывет ли какой корабль... Когда он так ждал, был ему голос свыше: "Куда и зачем идешь ты, Антоний?" Он не смутился, так как знал, что это голос Господа, Который не раз к нему обращался. "Народ не дает мне пребывать в покое, – отвечал он, – хочу идти в верхнюю Фиваиду, чтобы безмолвствовать. И еще здесь просят об исцелениях, а я не хочу людской славы". Господь сказал: "Если пойдешь в Фиваиду, впадешь в еще большую суету. Я знаю, что тебе нужен покой – ты найдешь его во внутренней пустыне". – "Кто укажет мне путь?" Господь отвечал: "Смотри: вот караван сарацин, иди с ними".

Сарацины охотно приняли его, он пошел с ними пешком, опираясь на посох. Иные из них сидели на верблюдах, закутавшись в белые одеяния, иные шли пешком. Они продали свои товары в Оксиринхе и Ираклее, а теперь возвращались домой через город Клисму на северном окончании Чермного моря. Три дня жег их зной, три ночи донимал холод. На пути попадались скалы, иногда вырастали вдруг высокие горы. И вот Антоний увидел место, которое показалось ему раем небесным. Перед темной грядой высоких скал, уходящих вправо и влево, широким склоном спускалась отдельно стоящая гора, у подножия которой росло несколько диких пальм и бежал ручей чистой воды. Сарацины поили верблюдов, разожгли костер и готовили пищу, растянув полосатый полотняный навес, – отдыхали. Потом собрались в путь, и Антоний попросил у них несколько хлебов, говоря, что остается здесь. Он получил просимое, караван ушел в далекий обход непроходимой здесь гряды скал, настала тишина.

И вот Антоний один. Он поднялся на гору и обнаружил в середине высоты просторную пещеру, как бы нарочно приготовленную для него. Он начал молиться. Подняв руки к небу, стоял, молясь, не замечая, что солнце уже зашло за горизонт, наступила ночь, а затем оно снова засияло на востоке...

Спустя некоторое время те же сарацины шли мимо этой горы в Египет. Они увидели, что старец продолжает жить на горе, это им понравилось, они оставили ему запас хлеба и сказали, что всегда будут проходить этой дорогой, чтобы видеть его. Однажды с их караваном пришли к преподобному из прежнего его обитания несколько его учеников и принесли ему все необходимое – сосуды, рогожи, соль и прочее. Он же попросил их принести в следующий раз топор, заступ и меру пшеницы, возделал на одном из склонов горы небольшое поле и эту пшеницу посеял, чтобы иметь хлеб для себя и приходящих. Потом начал сажать и овощи, так как для приходящих к нему через пустыню мало было одного хлеба. На самой вершине горы, в укромном и недоступном для других месте, устроил Антоний две совсем маленькие келлийки, чтобы уединяться в случае неожиданного многолюдства на горе, а перед ними посадил две пальмы, воду для поливки которых он приносил снизу, из источника. Потом принялся копать внизу пруд, чтобы иметь запас воды для поливки огорода.

Вначале пустынные звери, особенно дикие ослы, наносили большой урон посевам Антония – они приходили пить воду, но заходили и на поле, и на гряды огородные, многое поедали, а еще больше вытаптывали. Преподобный поймал одного осла и сказал ему:

– Зачем вы делаете вред мне, если я вовсе не трогаю вас?

Идите прочь и во имя Господа Бога не приближайтесь к этому месту!

Звери оставили его в покое.

"Так Антоний пребывал один на горе, – повествует святитель Афанасий, – проводя время в молитвах и в подвигах. Служившие ему иноки упросили его, чтобы позволил он им приходить раз в месяц и приносить маслин и елея, потому что он был уже стар. Сколько же, живя там, выдержал он браней – не с плотью и кровью, но с сопротивными демонами, – о том знаем от приходивших к нему. Ибо и там слышали они шум, множество голосов и звук как бы оружий, а ночью видели, что гора наполнена зверями; замечали, что и сам Антоний как бы с какими-то видимыми ему врагами борется и отражает их молитвою. И Антоний приходивших к нему ободрял, а сам подвизался, преклоняя колени и молясь Господу. И подлинно достойно было удивления, что он один, живя в такой пустыне, не боялся нападающих на него демонов и при таком множестве там четвероногих зверей и пресмыкающихся не страшился их свирепости, но поистине, как написано, надеялся на Господа, был *яко гора Сион* (Пс. 124, 1), имел непоколебимый, спокойный ум, так что демоны бегали от него".

Эти звери, о которых здесь говорит святитель Афанасий, были не из тех, которые могли бы послушаться его и уйти, это были бесы, принявшие вид зверей, равно как и воинов, бряцавших оружием. Но по наущению сатаны настоящие звери с яростью нападали на подвижника. Однажды сбежались на гору и окружили Антония гиены, которые, разинув пасти со страшными клыками, начали со всех сторон двигаться на него. Он же помолился ко Господу и сказал им:

– Вы не призраки, но вами двигают бесы. Поэтому не медлите и удалитесь, потому что я раб Христов.

И гиены бежали прочь, как бы гонимые бичом.

Однажды он плел веревку, сидя возле пещеры, и вдруг почувствовал, что кто-то потянул за конец веревки. Антоний оглянулся и увидел чудище с человеческими головой и туловищем и с ослиными ногами. Антоний перекрестился и сказал:

– Я раб Христов, если послан ты на меня – то вот я.

Чудище побежало прочь, поднимая копытами тучи песка, но у подножия горы упало и превратилось в кучу грязи, которая нестерпимо засмердила. И долго потом это место было смрадным. Однажды ночью явились бесы в виде как бы Ангелов – на них были белые одежды, они светились странным светом.

– Мы пришли, Антоний, – сказали они, – чтобы дать тебе свет.

Он зажмурил глаза и начал молиться. Когда посмотрел, их уже не было.

В другой раз пришли они в мантиях и с книгами и, как бы не видя преподобного, начали говорить и спорить от Священного Писания. Антоний в это время не смотрел на них, громко пел псалмы и не слышал ничего из того, что они читали.

Однажды, когда кончился у него хлеб, пришел какой-то чернец в милоти и куколе, неся целый мешок хлеба:

– Вот, Антоний, тебе хлеб, поешь, а то ослабеешь, – сказал он.

Антоний знаменовал его крестным знамением, и он превратился в струю черного дыма, который потянулся в дверь и исчез.

В одну из ночей кто-то громко постучал в дверь. Антоний вышел и увидел черного великана, головы его даже не видно было во тьме.

– Кто ты? – спросил Антоний.

– Я сатана.

– Чего тебе нужно?

– Напрасно меня обвиняют монахи, – отвечал тот, – напрасно проклинают меня! Все христиане меня проклинают!

– И хорошо делают, – сказал Антоний, – ведь ты обольщаешь их и погубить хочешь.

– Я ничего не делаю, – отвечал сатана, – сами они смущают друг друга. Я ведь проклят и низвергнут, а не слышал ли ты из Писания, что *врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси?* (Пс. 9,7). Я лишен всякого места в мире, не осталось под моею властью ни одного города, нет у меня и оружия, христианство проповедано во

всем мире, пустыни полны иноков... Пусть же сами смотрят за собой, а меня не проклинают попусту.

Подивился Антоний таким речам и так ответил:

– Это столь новое и неслыханное от тебя признание приписываю не твоей правдивости, которой у тебя нет нисколько, но единственно Божией силе. Ты же, будучи отцом лжи, должен был признаться в том, что есть в действительности, но на этот раз против своей воли сказал правду, потому что Христос Своим пришествием низложил твою силу, и, лишенный ангельской славы, ты влачишь теперь жалкую и позорную жизнь во всяческой нечистоте.

Сатана тотчас исчез.

Так подвизался Антоний на своей горе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Через какое-то время братия умолила Антония побывать в прежнем монастыре в Египте и помочь многим ожидающим его – кто ждал исцеления от недуга, кто – совета в своем духовном затруднении, иные просто желали видеть святого старца и слышать поучительные слова его. Они прислали за старцем иноков и верблюда для несения вещей, необходимых в трехдневном пути по пустыне – на этом пути не было ни поселений, ни воды. На второй день пути поднялась песчаная буря, путники сбились с дороги, несколько дней шли неведомо куда. Воды у иноков не оставалось ни капли, обессиленные зноем и жаждой, они легли на песок. Один Антоний, несмотря на старость, имел еще силы, так как более всех привык к воздержанию. Увидел он, что спутникам его угрожает смерть от жажды, отошел немного в сторону от них, преклонил колени и, воздев руки, начал молиться. Господь услышал его: на том месте, где он молился, выбилась из-под песка чистая струя воды. Тут все напились, оживились, напоили и верблюда, наполнили в дорогу мехи и, определив направление по солнцу, пошли. "Когда же, – пишет святитель Афанасий, – Антоний дошел до первых на пути монастырей, – все приветствовали его, смотрели на него как на отца, а он, как бы принеся напутствие с горы, угощал их словом и преподавал им, что было на пользу. Снова на горах были радость, соревнование о преуспеянии и утешение взаимное друг друга верою. Радовался и сам Антоний, увидев ревность иноков". Был тут и женский монастырь, а в настоятельнице его Антоний с радостью увидел свою сестру, которая с детства посвятила свою жизнь монашескому деланию.

Преподобного возле его пещеры ожидали разные люди, некоторые находились тут уже несколько дней. Был здесь и александрийский монах Евлогий, привезший на тележке увечного человека – он не имел от рождения ни рук, ни ног. Этот монах не находил в себе сил жить уединенно, не хотел и в монастырь идти. Живя в Александрии, Евлогий много молился Господу о том, чтобы Он управил его. И вот, идя однажды по базару, увидел он нищего, безрукого и безногого, который просил себе на пропитание. Евлогий остановился, помолился и дал Богу такой обет: "Господи! Во имя Твое я возьму этого увечного и буду покоить его до самой смерти, чтобы ради него спастись и мне. Даруй же мне, Христе Боже, терпение жить с ним". И сказал нищему: "Хочешь ли, друг мой, я возьму тебя к себе в дом и буду покоить?" Тот отвечал: "Да, господин, но я не заслуживаю такого добра". Монах нанял осла и перевез увечного к себе. Пятнадцать лет он ухаживал за ним, угождая ему во всем, нося на руках, омывая и питая. Но в нищего вселился бес. Он начал поносить Евлогия: "Негодный! Ты, видно, обокрал или убил кого, что так стараешься угодить Богу, спастись через меня! До меня-то тебе и дела нет!" Евлогий со смирением отвечал ему, стараясь его умирить. Но тот распалялся гневом еще более: "Противна мне эта твоя постническая жизнь! Хочу мяса! Принеси мне мяса!" И Евлогий принес и приготовил ему мяса. Тот кричал: "Надоел ты мне! Хочу и других людей видеть!" Евлогий со смирением предложил ему привести

сюда монахов. "Нет! – закричал тот. – Зачем мне подобные тебе тунеядцы?" И завопил самым неистовым голосом: "Отнеси меня на базар! Брось меня на том месте, где взял! Хочу на базар!" Евлогий, не зная, что делать, пошел к братьям-монахам, и те посоветовали ему ехать вместе с увечным к Антонию. Евлогий постарался успокоить своего увечного, потом отвез его в тележке на корабль, и вот они у пещеры великого старца.

Старец Антоний перед вечером вышел к людям и позвал:

– Евлогий!

Евлогий же не отвечал, думая, что так и другого кого-то зовут, но Антоний, посмотрев прямо на него, снова позвал его по имени, хотя ему никто не сказал, как зовут этого монаха.

– Зачем ты пришел ко мне, Евлогий?

– Тот, Кто открыл тебе мое имя, – отвечал монах, откроет и дело, ради которого я тут.

– Знаю, зачем ты пришел, – сказал Антоний. – Но ради братии расскажи обо всем.

Евлогий поведал подробно всю историю своей жизни с увечным и так заключил свой рассказ:

– Не знаю, за какую вину он оскорбляет меня. Я почти решился бросить его, но пришел к тебе, чтобы ты рассудил нас и помолился обо мне.

– Ты хочешь бросить его? – сказал Антоний. – Но Сотворивший его не бросит его. Ты бросишь, а Бог пошлет ему лучшего, чем ты, который поднимет его. А ты, увечный, грязный, недостойный ни земли, ни неба, перестань восставать на Бога и раздражать брата. Разве не знаешь, что тебе через него служит Сам Христос? Не Христа ли ради он отдал себя в услужение тебе? Перестаньте враждовать, дети, идите с миром, не разлучайтесь, бросьте огорчения, посеянные между вами демоном, и с чистой любовью возвратитесь в келлию, где жили эти пятнадцать лет. Это искушение наведено сатаною – он знает, что вы оба уже при конце жизненного поприща и скоро удостоитесь венцов от Христа: он за тебя, ты за него. Если Ангел, пришедши за вами, не найдет обоих вас на одном месте, вы лишитесь венцов.

Они послушались и вернулись на свое место. Через сорок дней скончался Евлогий, а еще через три – увечный, но теперь только телом увечный, но крепкий душою, укрепленный великим Антонием.

Пробыв на этой горе два дня, Антоний вернулся в свою пустыню, не взяв на этот раз с собой никого. Прожил он несколько дней в полном одиночестве, но вот кто-то постучался к нему в двери. Антоний выглянул и увидел крестьянина, крепкого, но уже с сединой в бороде, лет примерно шестидесяти.

– Чего ты хочешь? – спросил Антоний. Тот отвечал:

– Хочу быть иноком.

– Ты уже старец и не можешь быть монахом. Возвратись-ка в свое село и продолжай крестьянствовать, благодаря Бога. А пустыннический труд нести и терпеть искушения ты не сможешь.

Все это преподобный Антоний говорил, зная, что пришел к нему будущий великий подвижник, но именно поэтому-то и нужно было его испытать.

– Отче, я готов исполнять все, что ты повелишь, – сказал пришедший. Антоний же, как бы не слушая его и притворяясь рассерженным, продолжал:

– Я сказал тебе, что ты стар и уже не можешь быть монахом. Уйди отсюда. А если уж так хочешь в монахи, то есть монастыри, где живет много братий, там-то и для твоей немощи найдется что-либо, а я живу один и по пяти дней ничего не вкушаю. Не можешь ты жить со мною.

Сказав это, Антоний затворил дверь и три дня не открывал ее. На четвертый он вышел и увидел пришедшего на том же месте.

– Уйди, упрямый старец!

– Умру, а не уйду, – отвечал тот.

"Он, конечно, ничего не ел эти три дня, – подумал Антоний, – что для него тяже-

ло. Поститься он не привык. Как бы он не умер! Ведь я отвечу за него перед Богом".

– Хорошо, – сказал он. – Живи со мной, и если ты исполнишь все, что я велю, то спасешься.

– Отче, исполню все, что скажешь, – отвечал тот.

– Ну вот первое. Стой и молись на этом месте до тех пор, пока я не принесу тебе то, над чем ты должен будешь трудиться.

И Антоний, скрывшись в пещере, не показывался целую неделю. Но в окошко он подсматривал за этим человеком – тот день и ночь стоял неподвижно и молился. "Дивно!" – думал Антоний. Через неделю он вышел к нему и вынес охапку финиковых ветвей, вымоченных в воде.

– Будем плести веревки. Смотри, как я это делаю, и тоже плети.

С утра до вечера плели они. Пришедший сплел весьма длинную веревку, но Антоний, взглянув на нее, сказал:

– Нехорошо. Распусти и плети вновь.

Тот, ничего не сказав, расплел и начал работу снова. Антоний же, видя, что он столько дней голодает и ничего не просит, предложил ему вкусить немного хлеба.

– Как тебе угодно, отче, – отвечал тот.

Они вкусили хлеба с водою и, встав из-за стола, возблагодарили Бога.

В другой раз за трапезой Антоний предложил пришедшему съесть побольше хлеба.

– Если ты столько же съешь, то и я, – отвечал тот.

– Мне довольно, потому что я монах, – сказал Антоний.

– И мне довольно, – отвечал тот, – ведь и я буду монахом.

Антоний ночью не ложился спать и пел псалмы со многими поклонами, то же в точности делал с ним вместе и пришедший. И вот Антоний дал ему ткань и все нужное для того, чтобы сшить иноческую одежду. Тот долго трудился, сшил все, но Антоний, посмотрев на его работу, сказал:

– Распори и шей снова.

И тот безропотно, не изменившись нисколько в лице, распорол и начал шить снова. Так окончились его испытания. Антоний велел ему надеть все сшитое и впервые назвал его по имени, хотя тот еще и не называл себя:

– Вот, Павел, ты уже и монах во имя Господа нашего Иисуса Христа.

По его указанию Павел построил себе келлию на таком расстоянии от пещеры Антония, чтобы не слышно было голоса, и начал там жить в одиночестве, подвизаясь в посте и молитве. Так велики были его труды, что Господь дал ему власть над нечистыми духами, он мог изгонять их и исцелять больных.

Раз какие-то люди привели к Антонию бесноватого юношу, связанного цепями, – в нем находился один из самых сильных демонов, даже один из князей демонских, который устами этого несчастного изрыгал страшные хулы на все святое.

– Не мое это дело, – сказал Антоний. – Идите к Павлу.

Он сам пошел с этими людьми к Павлу и сказал:

– Павел! Изгони из этого юноши беса, дабы он был здрав и мог не хулить, а хвалить Бога.

– А ты почему не сделал этого?

– У меня есть неотложное дело, потому и поручаю это тебе.

Антоний ушел, а Павел, помолившись Богу, сказал бесу:

– Эй, ты, старец Антоний велит тебе выйти вон.

– Не выйду, проклятый старикашка.

– Или выходи, или я помолюсь Христу и тебе будет вдвое горше, – сказал Павел.

– Не выйду, – отвечал тот.

Был знойный полдень. Павел взобрался на скалу, поднял руки к небу и начал молиться: "Господи Иисусе Христе, распятый при Понтийстем Пилате! Ты ведаешь, что я не сойду с сего камня, хотя бы пришлось мне и умереть на нем, и не вкушу ни хлеба, ни воды до тех пор, пока Ты не услышишь меня и не изгонишь беса из этого юноши!"

Еще не кончил он молитвы, как бес закричал: "Выхожу, выхожу!" Выйдя, он обратился в огромного змия, который пополз и скрылся в песках пустыни. И много еще подвигов совершил смиренный этот монах, святой, известный под именем Павла Препростого.

Другим учеником преподобного Антония был святой Аммон. Он жил в городе, имел богатый дом. Родители нашли ему невесту, заставили жениться, но он уговорил супругу свою жить раздельно и в целомудрии, как брат с сестрой. Восемнадцать лет они жили в одном доме в разных комнатах, в молитве, посте и трудах, а потом Аммон оставил дом супруге, и она устроила в нем обитель для девиц, а он ушел в Нитрийскую пустыню, где вся почва была пропитана селитрой и стояли целые озера, напитанные селитрой. Место песчаное, каменистое, дикое – начало Ливийской пустыни. Аммон жил в пещере на горе. Скоро стали собираться к нему желающие иночествовать. И все обращались к нему как к старцу. Он же, чувствуя, что отвечает за них перед Богом, начал посещать преподобного Антония, ища у него наставлений.

– Вот, молитвами твоими, – сказал Аммон Антонию, – умножилась в Нитрийской пустыне братия, и некоторые из них хотят построить себе келлии в отдалении. На каком расстоянии велишь ты строить их?

Антоний пошел с Аммоном в Нитрийскую пустыню. Там, в пещере Аммона, он сказал:

– Вкусим хлеба в час девятый и пойдем, походим по пустыне, посмотрим места.

И вот они пошли, и шли по пустыне до тех пор, пока не зашло солнце и не пала на землю тьма.

– Сотворим молитву, – сказал Антоний, – и поставим здесь крест, чтобы братия строила здесь келлии. Не так близко сюда идти, поэтому немногие захотят развлекаться взаимными посещениями.

Здесь со временем образовалась так называемая Пустыня келлий, где подвизались многие тысячи отшельников. В Нитрийской пустыне и в Пустыне келлий подвизались и ученики Антония преподобные отцы Памво, Пиор, Иераск, Стефан, Хроний, Иаков и другие.

Преподобный Пиор с юных лет оставил родительский дом и отдался под руководство старца Антония. Когда Аммон ушел в Нитрийскую пустыню, пожелал и он подвизаться там. "Иди, – сказал ему Антоний, – и, когда Бог внушит тебе посетить меня, я буду рад". Пиор поселился в таком месте, где питьевая вода была необыкновенно горька. Поэтому никто не мог жить возле него. А он терпел это многие годы. Сестра Пиора долго искала его, и наконец дети ее нашли его в пустыне, но он не принял их. Тогда они обратились к Антонию с просьбой, чтобы он убедил Пиора посетить сестру. Призвав к себе Пиора, Антоний спросил:

– Почему ты, брат мой, столько лет не приходил ко мне?

– Ты велел, отче, прийти тогда, когда Бог это внушит мне, а я до сей поры не имел повеления об этом, – отвечал отшельник.

– Пойди и посети сестру свою, – сказал Антоний.

Пиор, взяв с собой одного инока, пришел в селение, где жила его сестра, и встал возле входа в дом, закрыв глаза. "Вот и Пиор, твой брат, – думал он, слыша, как мимо прошла сестра его, – смотри на него, сколько хочешь". Но она не узнала его и подала ему милостыню. Он ушел, и больше они не виделись. Пиор получил от Бога дар чудотворения и скончался в глубокой старости.

Другой ученик Антония, преподобный Памво, был, подобно Павлу Препростому, неграмотный простой человек. Он пришел к одному пустыннику и просил выучить его некоторым псалмам. Урок начался с тридцать восьмого псалма. Пустынник прочитал его первые стихи: *Сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим; положих устом моим хранило...*

– Довольно! – воскликнул Памво. – Этого мне пока хватит.

И ушел, поселился в пещере и жил отшельником. Через полгода пустынник встретил его и спросил, почему он не приходит учить псалмы. "Я не выучил еще и первого

урока", – сказал Памво. Прошло двадцать девять лет – один из монахов спросил его, выучил ли он наконец урок о молчании уст. "Вот только недавно начал с Божьей помощью исполнять то, о чем в нем говорится", – отвечал Памво. Он часто бывал у Антония на его пустынной горе, и Антоний говорил другим о нем, что Дух Божий почил в его сердце.

Много пользовался наставлениями преподобного Антония инок Нистерой, в будущем авва Нистерой Великий. С горы Антония пошел он в обширные болота в дельте Нила, где никто не жил, кроме пустынников, и поселился там. Иноками этой "болотной пустыни", называвшейся Панефис, управлял епископ Арцхебий, тридцать лет проживший там отшельником. Авва Нистерой, прославившийся великими подвигами и чудотворениями, а также глубоким знанием Священного Писания, сделался старцем-наставником для "болотных иноков". Но держался он очень просто, старался ничем не выделяться из среды иноков. Был случай, когда он, идя в свою пустыню с одним монахом, увидел крокодила и как бы в страхе побежал от него прочь.

– И ты, отец, боишься? – спросили его.

– Нет, но я бежал не от крокодила, а от своего тщеславия, – отвечал он.

Один брат спросил его:

– Какое бы доброе дело начать мне, чтобы спастись?

– Не все ли дела равны? – отвечал авва Нистерой. – Авраам был странноприимен, и Бог был с ним. Илия любил безмолвие, и Бог был с ним. Давид был кроток, и Бог был с ним...

Другой брат спросил его:

– Если нищий попросит у тебя одежду, какую ты отдашь?

– Лучшую.

– А если он попросит у тебя твою последнюю?

– Отдам половину.

– Если еще попросит?

– Разорву пополам и из одной части сделаю опоясание.

– А если и опоясание?

– Отдам и буду дожидаться, пока Бог пошлет мне одежду.

Живший неподалеку от аввы Нистероя отец Иосиф в юности подвизался в одном из монастырей, устроенных преподобным Антонием. Не раз он слушал его наставления и вопрошал его. Здесь, в Панефисе, было у Иосифа множество учеников. Приучая их к полному послушанию, он часто давал им странные приказания. Например, одному велел лезть на смоковницу и есть там плоды, хотя была пятница и есть по их уставу вообще ничего было нельзя. Некий инок спросил его:

– Как сделаться хорошим монахом?

– Если хочешь найти покой, – отвечал старец, – то говори себе при всяком деле: кто я? – и не осуждай никого.

Другой спросил:

– Что мне делать? Не переношу оскорблений, не могу трудиться, а потому не подаю милостыни.

– Ну, – сказал старец, – по крайней мере храни чистой совесть.

Пришел к нему авва Лот и спросил:

– Я по силам своим молюсь, пощусь тоже по силам, размышляю о Боге и безмолвствую и стараюсь очищать помыслы. Что еще надо мне исполнить?

Авва Иосиф встал, простер руки к небу – и вдруг персты его как бы загорелись, испуская в небо лучи... Так долго он молился, а потом сказал авве Лоту:

– Если можешь, будь как огонь.

Около 330 года пришел к Антонию инок лет тридцати, и Антоний сразу увидел в нем будущего подвижника, одного из великих монашеских наставников. Это был Макарий Египетский, или, как его еще называют, Макарий Великий. Рождение его было чудесно. Отец и мать его, Авраам и Сарра, родили его уже в старости, живя в селении Птинапор, недалеко от Нитрийской пустыни. Авраам был священником. Хотя ему

было возвещено свыше о том, что сын его будет жилищем Святого Духа и многих приведет к Богу, он женил его, но сын все же сохранил целомудрие, так как супруга его внезапно отошла в вечность. "Внимай себе, Макарий, – подумал молодой вдовец, – ведь и ты смертен". Через некоторое время отошли в вечность родители его. Он продал дом, раздал все нищим и стал учеником отшельника, жившего вблизи селения, многому научился от него и потом жил в пустыне один. Он делал корзины и через одного человека продавал их для своего пропитания и для подаяния нищим. Как и Антония, сатана искушал его ночными нападениями бесов, сотрясал его келлию, старался устрашить и изгнать отсюда. По внушению диавола одна девица из ближайшего селения, согрешившая и сделавшаяся непраздною, оклеветала его, будто это он сотворил. Жители селения в ярости избили отшельника и заставили его платить ей деньги на ее пропитание, от чего он, ни в чем не оправдываясь, не отказался. Когда же девице пришло время родить, она никак не могла разрешиться и была уже при смерти, когда догадалась открыть людям свою ложь. После этого она разрешилась от бремени, а Макарий был оправдан. Видя его смирение, бесы приходили в ярость, пытались бить его, пугать необыкновенными призраками, но он все переносил с молитвой, продолжая плести корзины. Однажды сатана пришел и сказал ему:

– Макарий! Из-за тебя терплю я великую скорбь – не могу победить тебя. Ведь я делаю все, что и ты: ты постишься, а я вовсе не ем; ты мало спишь, а я и не знаю, что такое сон. Но есть одно, чего я не имею, тем-то ты и одолеваешь меня.

– Что же это? – спросил Макарий.

– Смирение твое.

Макарий пришел к преподобному Антонию и стал одним из ближайших его учеников – он постоянно был при нем, подавая ему необходимое, призывая нужных ему людей, сопровождая при поездках по другим монастырям.

Затем Макарий стал подвизаться на Нитрийской горе, где множество иноков пожелали быть под его руководством; постоянно толпились около его келлии и миряне, среди которых он был славен как чудотворец не менее преподобного Антония. Поэтому, как сделал некогда и Антоний, он ушел в глубину Ливийской пустыни и поселился там – здесь его меньше беспокоили, но все же не было дня, чтобы кто-нибудь не пришел. Тогда он выкопал из своей келлии под землей длинный ход, идя по которому можно было успеть произнести двадцать четыре молитвы, а в конце этого хода вырыл пещеру, где он и уединялся тайно от людей – ведь никто не знал об этой его подземной молельне. В глубине пустыни около Макария образовалось сообщество отшельников под названием Скит. Каждый скитянин был великим подвижником, так что и постники с Нитрийской горы далеко не все могли здесь жить.

Макарий Великий большие чудеса творил. Однажды некий лжепроповедник Иеракит, имевший весьма ловкий язык, пришел на Нитрийскую гору и начал проповедовать, что в конце времен воскресения мертвых не будет. Поскольку он в обители приводил отрывки из святоотеческих писаний, может быть и неточно им передаваемые, иноки его слушали, и вот некоторые из них начали колебаться в вере. Макарий решил немедленно положить этому конец. Он сказал Иеракиту:

– Что толку пререкаться с тобою, еретик! Пойдем-ка на кладбище. Кто из нас воскресит мертвого, тот и будет прав.

Иноки одобрили такое решение. Иеракиту некуда было деваться, и все пошли на кладбище – пришли, и Макарий начал молиться: "Господи! Ты знаешь, кто из нас двоих прав. Яви же мою правоту, воскресив одного из иноков, похороненных здесь", – и назвал имя недавно погребенного. Затем он встал над могилой и сказал иноку: "Восстань!" И тот ответил из-под земли. Монахи быстро раскопали могилу – покойный действительно ожил, тотчас встал, и его освободили от пелен. А Иеракит в ужасе побежал прочь и скрылся в пустыне. Больше о нем не слыхали.

Однажды шел Макарий по пустыне и увидел человеческий череп. Он потрогал его посохом, и тот издал какой-то звук.

– А! Ты говоришь. Кто ты такой? – спросил Макарий.

– Я, – отвечал череп, – был одним из жрецов языческих в капище, некогда бывшем на этом месте. Я отозвался тебе потому, что знаю – ты молишься за всех, оказавшихся в аду. Да, это так, – мы получаем по твоим молитвам некоторое облегчение!

– Какое же?

– Мы находимся в огне все вместе, но не видим друг друга, а когда ты молишься, то сквозь огонь начинаем различать своих соседей. Это уже утешение для нас.

Макарий прослезился и воскликнул:

– Проклят тот день, когда человек преступил Божественные заповеди!

Был еще и другой преподобный Макарий, которого называют Александрийским – по городу, где он родился, или просто Городским в отличие от Египетского. Это также великий святой. Он был богатым торговцем овощами, а в 335 году уверовал во единого Бога и крестился водою и Духом. Желая жить в иноческих подвигах и в безмолвии, он пошел в пустыню, и его принял в число своих учеников преподобный Антоний. Через несколько лет он был посвящен в пресвитеры и сделался наставником монахов в Пустыне келлий, между Нитрийской горой и Скитом Макария Египетского. Он был удостоен великой благодати от Господа. Так, однажды он пришел к Антонию и увидел у него связку отличных прутьев для плетения веревок.

– Дай мне, отче, эту связку.

– Написано: не пожелай вещи ближнего твоего, – сказал Антоний, но тут, к его удивлению, вся эта связка высохла и скрючилась, как от огня.

– Дух Святой почил на тебе, Макарий! – воскликнул он. – Ты будешь после меня продолжателем моих дел.

Однажды Макарий шел по пустыне от преподобного Антония к себе в Пустыню келлий, зной был необыкновенный, и он изнемог, но продолжал медленно идти вперед. Вдруг явился сатана:

– Ведь ты получил, как и Антоний, благодатные дары от Бога, – сказал он, – что же не пользуешься ими, не просишь у Бога пищи и питья?

– Господь мой – сила моя и слава, а ты иди прочь, не искушай раба Божия, – ответил Макарий.

Вдруг он увидел верблюда, при котором не было никаких погонщиков, а по бокам его висели бурдюки с водой и мешки с хлебом. Макарий, нисколько не соблазнившись, перекрестил его, и он пропал, так как это был призрак.

Однажды к нему в Пустыню келлий один мирянин принес корзинку свежих смокв. Не испробовав ни одного плода, Макарий послал всю корзинку одному немощному брату. Тот, увидев смоквы, обрадовался, так как давно хотел их, но, поразмыслив, не взял ни единой, а отослал все другому брату. Тот передал ее еще одному и так далее... Обойдя весь монастырь, корзина в целости, полная плодов, вернулась к Макарию, и он прославил Бога, подавшему такое терпение инокам.

Умерщвляя свою плоть, Макарий придумал такое: взял узкогорлый кувшин, насыпал туда мелких сухарей и, приступая на заходе солнца к трапезе, запускал туда руку.

– Я за многие куски хватался пальцами, но вследствие узкости горла сосуда не мог вытащить почти ничего, – рассказывал он, улыбаясь, – таким образом, я ел в день только то, что мне позволял этот сосуд, а не столько, сколько я сам желал.

Он прожил так три года.

Однажды Макарий убил на своей ноге напившегося крови комара, но сразу раскаялся в этом и решил наказать себя. Пошел на болото, разделся до пояса и сидел так, укоряя себя, как убийцу, а комары облепили его и искусали всего так, что, когда он вернулся в монастырь, его едва могли узнать – комары были в Египте величиной с добрую осу...

Великий основатель Тавенисского монастыря на Ниле преподобный Пахомий также пользовался наставлениями старца Антония. По рождению он был язычником и пребывал им до двадцатилетнего возраста, когда его взяли в солдаты Римской армии и до отправления на войну заперли под караул вместе с другими новобранцами. Ког-

да они там сидели, пришли какие-то люди с хлебом и разной снедью, предлагали им поесть, укрепить свои силы, жалели их, утешали и выражали надежду, что они благополучно вернутся в свои семьи. Пахомий с удивлением спросил: "Кто вы и почему так заботитесь о нас, чужих для вас людях?" Они отвечали: "Мы христиане, Бог повелевает нам заботиться о ближних". И Пахомий дал обет верности Христу, намереваясь при первом же случае креститься, что он вскоре и сделал, так как война кончилась еще до отправки новобранцев. Их отпустили по домам. Поселившись в опустевшем языческом храме, он начал выращивать овощи и возделывать пальмы, а плоды шли в пищу бедным. Через три года – это было в 318 году – он перешел к старцу Паламону, отшельнику, который, испытав его в трудах и молитве, облек его в монашескую одежду. Однажды он был на среднем течении Нила возле селения Тавенниси и услышал обращенный к нему свыше голос: "Пахомий! Пребывай здесь, построй обитель, и множество людей придут к тебе, чтобы сделаться монахами". Он построил здесь хижину, к нему пришел брат его, Иоанн, и они начали вместе подвизаться. Пахомия начали искушать демоны. Когда он преклонял колени, то видел как бы яму под ногами. Иной раз демоны являлись как бы телесно, окружали Пахомия, когда он шел, под видом почетной стражи и кричали:

– Прочь! Разойдись! Освободите дорогу для человека Божия!

Вскоре пришли к нему три человека и пожелали сделаться иноками. Испытав их, Пахомий облек их в монашескую одежду и велел им построить себе келлии. Его руководство иноками было столь благотворно, что к нему стало стекаться множество народа и вскоре образовался один из самых больших монастырей в Египте. Но в нем не было пресвитеров. Сам Пахомий избегал этого сана, боясь, что с этим возвышением будет бороть его тщеславие. Даже когда архиепископ Афанасий, обозревавший все епархии Египта, прибыл в его монастырь и хотел посвятить Пахомия в священнический сан, тот скрылся, попросту убежал. И никто из иноков Тавеннского монастыря не домогался пресвитерства из подражания своему наставнику. В церкви монастыря служили только приходящие пресвитеры. Это был общежительный монастырь, то есть киновия, – у братии все было общее, и никто не имел никакой собственности. Правила жития выработал для киновии сам преподобный Пахомий.

Когда не стало хватать места для расширения этого монастыря, Пахомий устроил второй, – в Фивах, в том месте, где на развалинах древнего города возник небольшой городок Папа. Киновия поместилась в языческом храме, украшенном многочисленными колоннами и фресками. Иноки все устроили здесь по-христиански, а на колоннах портика изобразили кресты. Затем был построен и третий монастырь – неподалеку от Фив, в месте, называемом Фенум. Был основан старцем Пахомием и женский монастырь – на другом берегу Нила, и там настоятельницей стала его сестра Мария, обратившаяся на христианский путь. Во всех этих монастырях сначала жили одни копты, но потом начали стремиться туда и греки, и римляне.

К преподобному Пахомию приходили послушать его наставлений настоятели других обителей, и он часто передавал им то, что слышал от старца Антония, которого время от времени навещал. Пахомий вел самую строгую жизнь, носил подолгу старые одежды и много молился. За всех людей, сущих в мире, простирал он свои моления к Богу. Исцелял и больных силою Господней, но всегда с рассуждением, так как во многих случаях болезнь послана бывает человеку во спасение и иногда выздоровление грозит погибелью души.

Среди иноков Пахомиевых монастырей было много великих подвижников, сотни, может, и тысячи, но их имена оказались забыты. Вот лишь один пример. Садовник Иона был иноком восемьдесят пять лет, и все деревья в главном, Тавеннском, монастыре посажены были им, но за всю жизнь он не съел ни одного плода, радуясь, когда братья их ели, приходя в сад. Ел он только вечером – и только хлеб с водой. За всю жизнь не испробовал ничего вареного, даже когда бывал болен. Всю жизнь носил кожаную хламиду, а идя в храм к причащению Животворящих Христовых Тайн, надевал мантию, которая тоже во всю жизнь была у него одна. Весь день он трудился на

зное, а ночь сидел в келлии на стуле и вил веревки, тут же на стуле и засыпал на несколько минут. На нем он и умер, не выпустив веревок из рук...

Однажды Пахомию явился Сам Христос в терновом венце и открыл ему будущее монашества. "Настанет время, – сказал Он, – когда вера у иноков ослабеет и пороки усилятся, истинных подвижников будет мало, хороших наставников тоже станет меньше, многие иноки будут предоставлены самим себе. Подвиги их нельзя будет сравнить с подвигами первых монахов, однако награда для них будет не меньшая, так как неизмеримо тяжелее будут условия их жизни". Размышляя о сказанном Господом, Пахомий много дней не принимал пищи и молился за этих будущих монахов, чтобы хоть как-нибудь облегчить им их будущую бедственную жизнь.

Между тем император Константин продолжал оказывать покровительство христианам, повелевал воздвигать в Римской империи великолепные храмы. Мать его, Елена, которая давно уже была привержена к вере Христовой, отправилась в Палестину для того, чтобы видеть места, где жил и страдал Спаситель. Святая Елена увидела, что язычники везде надругались над святынями – гроб Христов засыпали землей и сверху воздвигли свое капище, на Голгофе поставили идолов, в Вифлееме над местом, где Спаситель родился, тоже высился языческий храм... Обо всем этом она сообщила Константину, и он повелел идолов всюду ниспровергнуть и строить храмы христианские. Тогда выстроены были храм Воскресения Христова близ гроба Спасителя, храм на горе Елеонской, в Вифлееме и у дуба Мамврийского. Святая царица Елена особенно желала найти тот Крест, на котором был распят Христос. Этот Крест был чудесно обретен и воздвигнут на горнем месте, и христиане в великой радости поклонялись ему. Это произошло 14 сентября 326 года – с того времени Православная Церковь празднует в этот день Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста.

В 330 году император основал новую столицу Римской империи – Константинополь, или Царьград, который стал быстро расти и украшаться великолепными дворцами и храмами. Языческий Рим превратился в провинциальный город. Константин стремился христианизировать жизнь и в своем обширном дворце – он собирал вельмож для слушания Священного Писания, там совершались пышные молебны. Во время военных походов он имел при себе походную церковь. Однако крещение принял лишь незадолго до смерти.

Последнее обстоятельство неким образом лишало его твердости в вопросах веры. Когда скончалась мать его, святая царица Елена, он сблизился со своей сестрой, которая была христианкой, но находилась под влиянием ариан. Она убедила царя, что Арий – хороший христианин и сослан несправедливо, и Константин приказал вызвать из ссылки и его, и главных его соратников – епископов Евсевия Никомидийского и Евсевия Кесарийского, а также Феогноста Никейского. Вернувшись, еретики уверили царя, что они отрекаются от своих заблуждений, и тот не уразумел, что это была лишь хитрость врагов Христа.

Константин потребовал от архиепископа Афанасия принятия их в Александрийскую Церковь. Тот с твердостью отказал им в этом. И арианские епископы, сумевшие приобрести расположение царя, решили во что бы то ни стало погубить Афанасия как главного своего врага. Они начали собирать свои соборы, возбуждать лживыми речами народ, добиваться удаления православных епископов, и им это часто удавалось. Так они сумели низложить епископа Антиохийского Евстафия, потом и других епископов. Наконец, начали измышлять клеветы и на Афанасия. Были созваны соборы – в Кесарии и Тире, где ариане, съехавшись в огромном количестве, пытались осудить Афанасия за не совершенные им преступления: обвинили его в том, что он отрубил руку у некоего епископа Арсения и при помощи этой мертвой руки занимался волхованием – они даже показывали какую-то полуистлевшую руку; что он, запрещая служить одному пресвитеру, ниспроверг святой престол и разметал священные сосуды. Арианне не знали, что епископ Арсений жив, а он явился на собор с двумя руками, и Афанасий спросил у судей – могла ли быть у него третья? Пресвитер же, запрещенный Афанасием в служении, оказался вовсе не пресвитером, а потому и не мог свя-

щеннодействовать... Тогда придумали новую клевету: будто Александрийский епископ хочет запретить подвоз хлеба из Египта в Царьград. Арианские епископы, взявшие большую силу при дворе, поехали в Египет и там угрозами и даже пытками вынуждали чиновников давать ложные показания. Афанасий при этом не мог оставаться в Александрии, так как ариане открыто бросались на него и могли убить или же тайно отравить. Он уехал на Запад, в Галлию, в город Трир, где находился царевич Константин, сын императора, принявший гонимого епископа с любовью.

Император Константин потребовал от Ария клятвы, что он верит так, как написано в Символе Веры. Тот, имея на груди тайно список своего символа веры, прижал руки к груди и сказал: "Истинно верую в этот символ!" Так он обманул императора, и тот велел Константинопольскому Патриарху принять Ария в церковное общение. В назначенный день, в одно из воскресений 336 года, Арий с единомышленниками с великим торжеством направился в храм, но по дороге внезапно упал и скончался. Это событие потрясло всех, но ариане не растерялись. Они сумели остаться в уважении у императора. Вскоре, в 337 году, скончался и император, крестившись перед смертью. Империя была разделена между тремя его сыновьями – Константином, Констансом и Констанцием.

Святитель Афанасий был отправлен из Трира в Александрию с письмом царя Константина к его пастве, в котором говорилось, что нет на их епископе ни единой вины. Восточной частью империи – в составе ее и Египтом – стал править император Констанций, но в отличие от своих двух братьев он воспитывался среди ариан и был их сторонником. Ничего хорошего это не предвещало православным. Афанасий, однако, принят был в Александрии с торжеством. В городе все как бы ожило – народ, клир и епископы благодарили Бога за такое великое им утешение – видеть своего любимого пастыря. Пришел в Александрию из своей пустыни и преподобный Антоний, который пробыл здесь два дня, обратил в христианство множество язычников, совершил много чудес и исцелил всех больных, которые подходили к нему. Так Господь укреплял православных перед новыми великими гонениями, но уже не от язычников, а от раскольников и еретиков.

Патриархом в Константинополе стал арианин Евсевий. В 340 году ариане созвали два собора, отвергли Никейский Символ Веры и приняли свой. Среди разных решений лжесоборов было и такое: изгнать архиепископа Афанасия и поставить в Александрии другого – конечно, арианина. Перед Пасхой 340 года явился в Александрию епископ Григорий, некогда бывший воспитанником александрийского христианского огласительного училища. У него было письмо к епарху Филагрию о том, чтобы он всеми мерами способствовал поставлению нового архипастыря.

Все, что совершалось в Александрии в Великий Пяток 340 года, описал святитель Афанасий в "Окружном послании", обращенном ко всем православным епископам империи. "Когда народ изъявил свое неудовольствие и собрался в церквах, – писал он, – чтобы арианское нечестие не примешалось к истинному верованию, то Филагрий, который и прежде оскорблял Церковь и ее дев, этот отступник, ставший епархом египетским, этот защитник единомышленников Евсевиевых, склонил на свою сторону язычников, иудеев и всяких беспорядочных людей и направил их с мечами и дрекольем на церкви наши. Что из этого вышло, нелегко сказать без слез. И у древних писателей не найдешь таких невероятных событий. Не бывало такого даже во время войн и гонений. Вот, посудите – и храм, и святая крещальня вдруг объемлются пламенем... в городе жалобы, вопли, плач... святые непорочные девы обнажаемы... монахи, затоптанные ногами, умирают... В одних бросают свинцовыми кругами, других бьют дрекольем или убивают мечом... Страшно сказать, какое беззаконие совершалось на Святой Трапезе: там приносили в жертву птиц, жгли сосновую кору, восхваляя идолов и хуля в самом храме имя Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, Сына Бога Живаго. Книги божественные жгли... Иуден и язычники, без опасения входя в святую крещальню (какая дерзость!), обнажались там, делали и говорили мерзости... Они расхищали все – положенные в церкви на сохранение вещи, вино и елей, вырывали ре-

шетки, выбрасывали на двор свещницы, ставили в храме своих идолов и жгли перед ними церковные свечи... Злочестивые ариане не стыдятся таких дел!.. И все это перед самой Пасхой!.. Григорий, подражая Каиафе с игемоном Пилатом, ругался над благочестно чтущими Христа. В пяток, вошедши в одну из церквей с толпою язычников, он увидел, что народ глядит на него с омерзением, взбеленился и велел хватать кого попало. Было избито и брошено в темницы тридцать четыре прихожанина – это девы, замужние жены и благородные мужи".

Святитель Афанасий вынужден был покинуть Александрию – в противном случае ариане продолжали бы лить невинную кровь христиан. "Не мне одному нанесено оскорбление, – писал он в том же послании, – но всем вам. Нарушены правила, Отцами заповеданные; страждет вера, проповеданная Господом и Его Апостолами". Афанасий отправился на Запад, а в Египте лжеепископ Григорий три года громил Церковь, ссылая православных епископов и замещая их еретиками-арианами по всем городам. Через три года он умер. Перед смертью он получил обличительное письмо от преподобного Антония – старец защищал святителя Афанасия и призывал арианина покаяться. Тот не покаялся. Святитель же Афанасий вернулся на свою кафедру. На Сардикийском Соборе 343 года арианство было осуждено, на нем же полностью был оправдан святитель Афанасий. Настало спокойствие, но, как оказалось, всего на семь лет... Впереди были новые испытания, бегство александрийского архипастыря в пустыню... Много пострадал этот святой защитник Православия, но и великой славы удостоился от Господа.

Составил Виктор АФАНАСЬЕВ

(Продолжение следует)

При храме Сошествия Св. Духа на Апостолов на б. Лазаревском кладбище открылась лавка православной литературы и церковной утвари.

Большой выбор книг, умеренные цены. Всегда в продаже лампадное масло (чистое вазелиновое). Торговля оптом и в розницу.

Адрес: 129272 г. Москва, ул. Советской Армии, д. 12.
Тел.: (095) 289-24-75.
Проезд: ст. метро Рижская, авт. 84, трол. 18, 42 до остановки "Кинотеатр Гавана".

Без Бога и любви

(Достоевский о цивилизации и науке)

> Истинное дело возможно, только если в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеет. Отделение от Божества, то есть от полноты Добра, есть зло, и, действуя на основании этого зла, мы можем делать только дурное дело.
>
> *Вл. Соловьев*

I

Обозревая исторический путь человека, взлеты и падения его духа, его нищету и величие, Достоевский открывал в творчестве и практической деятельности людей "глубочайшую и роковую тайну": "...всем благороднейшим и богатейшим дарам, которыми даже часто бывает награжден человек, недоставало одного только последнего дара – именно г е н и я, чтоб управить всем богатством этих даров и всем могуществом их, – управить и направить все это могущество на правдивый, а не фантастический и сумасшедший путь деятельности, во благо человечества". Для людей на земле, по глубокому убеждению писателя, есть лишь две, противоположные, перспективы: либо обняться, либо уничтожить друг друга, или спасительное следование заповедям Христа, или гибельное построение Вавилонской башни. Будущее человечества зависит от "последнего дара" любви, которая *не ищет своего* и *все может* и которая выше всякой силы и знания, любых пророческих и творческих даров. *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33) – такова вдохновленная любовью заповедь, следование которой определило бы принципиально отличное от привычного, поистине одухотворенное содержание человеческой деятельности, в которой не на словах только, а реально господствовали бы религия, нравственность, совесть – все то, от чего зависит спасение личности и жизнеспособность общества.

Достоевский с горечью обнаруживал в истории перевернутую логику, обратную картину, в которой на передний план выдвигается не поиск Царства Божия, не просветление души и устроение жизни на началах любви, а "все остальное" – государственные и партийные интересы, интеллектуальные и научные успехи, увеличение и совершенствование материального производства и техники. Он был глубоко озабочен безраздельным вовлечением людей в лавинообразно увеличивающуюся внешнюю деятельность, без какого-либо оправдания ее онтологической состоятельности, без всякого анализа ее связи с нравственно-психологическим состоянием человека. Международная промышленная выставка в Лондоне, словно символизировавшая высшее достижение цивилизации и прогресса на Западе, вызвала у Достоевского апокалиптические ассоциации: "Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в единое стадо; вы осознаете исполинскую мысль, вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то... Уж не это ли в самом деле достигнутый идеал? – думаете вы. – Не конец ли тут?.. Не придется ли принять это и в самом деле за полную правду и занеметь окончательно?"

Вопросы, связанные с пирровыми победами человека в истории, с парадоксальной зависимостью между интеллектуальными достижениями и нравственным оскудением, не переставали волновать Достоевского в течение всей его жизни. Говоря о грядущих гигантских успехах науки и техники в деле преобразования и подчинения природы, он спрашивал в "Дневнике писателя": "Что бы тогда сталось с людьми? О, конечно, сперва все бы пришли в восторг. Люди обнимали бы друг друга в упоении, они бросились бы изучать открытия (а это взяло бы время); они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорей, чем теперь по железной дороге; извлекали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека... словом, ешь, пей и наслаждайся. "Вот, – закричали бы все филантропы, – теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уже более материальных лишений, нет более заедающей "среды", бывшей причиною всех пороков, и теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более беспрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займутся высшими, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!" Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них украл все разом, что исчез лик человеческий и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество, люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за "камни, обращенные в хлебы".

Цена обращения "камней" природы в "хлебы" цивилизации оказывается настолько великой, что плоды научно-технического прогресса не только не способствуют совершенствованию человека (а на это надеялись и до сих пор еще по инерции надеются "прогрессисты"), но, напротив, понижают его духовную высоту, незаметно ведут его к бесконечному умножению и утонченно сугубо материальных потребностей, пленником которых он невольно становится.

Если взглянуть непредвзято на то, что мы получили в результате цивилизации, то увидим, что приобрели мы, говорил Достоевский, "коротенькие идейки и парикмахерское развитие... цинизм мысли вследствие ее короткости, ничтожных, мелочных форм", окультурились лишь в новых предрассудках, новом платье и новых привычках. "Цивилизация, – отметил он в записной книжке, – испортит народ: это ход дела, в котором рядом с светлою и спасительною идеей вторгается столько скверных привычек, что разве в поколениях впереди взрастут светлые семена, а ложь и мрак будут на первом плане". Цивилизация, по его мнению, не дает глубокой духовной культуры, которая преобразила бы весь строй душевного мира человека и эгоистические стимулы его поведения. Поэтому, считал писатель, необходимо постоянно спрашивать себя: "В чем хорошее и что лучшее... хорошо ли хорошее?"

Снижение идеалов, идолотворчество и потребительская деспотия цивилизованного общества, подчеркивает Достоевский, усиливают природный эгоизм человека и соответственно его неспособность к жертвенной любви, разделенность людей. Становится господствующей психология "один раз живем", "хочешь жить – умей вертеться", "рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше", "своя рубашка ближе к телу"... О новом рабстве мнящего себя свободным человека говорит один из героев "Братьев Карамазовых": "И не дивно, что вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческому единению впали, напротив, в отъединение и уединение... А потому в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей, и воистину встречается мысль сия даже с усмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навыдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше..."

Осмысление подобных глубинных противоречий и парадоксов, часто проходящих мимо сознания, особенно необходимо сейчас, когда новые идеологи воспроизводят схему (более ста лет назад разоблаченную Достоевским) зависимости человека от среды, уповают на новые изменения общественной системы, постоянно ссылаются на так называемое цивилизованное общество, его установления и учреждения, не замечая в них в отличие от Достоевского иначе выраженного, нежели при тоталитаризме, обеднения духа, потери человечности, любви и творческой энергии. В лучшем случае из их уст можно услышать изредка охлаждающие восторг поправки – слова о том, что юридические гарантии несовершенны, но лучшего люди не придумали, что в демократических институтах достаточно зла, но зла наименьшего. Однако при таком количественном подходе и справедливом противопоставлении как-то забывается, что и наименьшее зло не может давать добрых всходов, а, напротив, способно в определенных обстоятельствах к неограниченному росту. Реальное развитие правовых и рыночных отношений, материальное благополучие, мирное сосуществование и другие подобные достижения послевоенных лет опираются в историческом масштабе на ничтожно малый временной срок и ограниченное число стран, чтобы переноситься на все человечество, составляют лишь социально-интеллектуальный минимум, который никак нельзя принимать за максимум и панацею. Главное же – при недостаточной духовно-нравственной "обеспеченности" и "высшесмысловой" основательности прогресс в области науки и техники, производства, права создает известные предпосылки лишь для материального процветания людей, но не для преображения их внутреннего мира, не просветляет и не облагораживает, а, напротив, маскирует духовно-психологическую основу "свободной" личности, где коренятся властолюбие, зависть, тщеславие и другие разлагающие душу свойства. "И что смягчает в нас цивилизация? – задает Достоевский вопрос устами одного из своих героев. – Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение. Ведь это уже и случалось с ним. Замечали ли вы, что самые утонченные кровопийцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные атиллы да стеньки разины иной раз в подметки не годились, и если они не так ярко бросаются в глаза, как Атилла и Стенька Разин, так это именно потому, что они слишком часто встречаются, слишком обыкновенны, примелькались. По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже наверно хуже, гаже кровожаден, чем прежде. Прежде он видел в кровопролитии справедливость и с покойною совестью истреблял кого следовало; теперь же мы хоть и считаем кровопролитие гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше, чем прежде. Что хуже? – Сами решите".

По глубокому убеждению Достоевского, с "недоделанными людьми" не осуществятся никакие "правила", сами находящиеся из-за человеческого несовершенства под постоянной угрозой, о чем никогда не следует забывать. Трудно переоценить те крайне важные усилия, которые направлены сейчас на преодоление юридического нигилизма и построение правового государства. И вместе с тем нельзя не задуматься над резкими словами писателя о несвятых святынях, под которыми он, в частности, подразумевал не всегда совпадающую с подлинной, формальную справедливость юридических отношений. "В человеке, кроме гражданина, есть и лицо. Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лица... Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. Но отнять лицо у гражданина и оставить только гражданина нельзя: вышло бы нечто хуже коммунарского стада. Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд – моя совесть, то есть судящий во мне Бог..." Принципиальная отстраненность внешних юридических определений от души, совести не может быть безнаказанной для нравственного самочувствия целостной личности и потенциально готовит (дело лишь в сроках) последствия, сравнимые по тяжести с воздействием коммунистической идеологии.

Если же перенести внимание в сферу товарно-денежных отношений и свободного рынка, который для новых властителей дум стал очередным идеалом, заменившим прежние, то и здесь логика Достоевского носит глубокий и пророческий характер. "Богатство, – отмечал он в записной книжке, – усиление личности, механическое и духовное удовлетворение, стало быть, отъединение личности от целого". По наблюдению писателя, господство денежно-торгашеского абсолюта ведет к возвышению ловких, смекалистых деловых людей, чья активность с развитием материально-технического прогресса несет с собою коренные смещения в иерархии ценностей. Деньги соблазняют героя "Подростка" тем, что приводят "на первое место даже ничтожество". Особое наслаждение доставляет ему мечтательная возможность принизить и поработить денежным могуществом высокие духовные, нравственные, интеллектуальные, героические проявления: "Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы галилеи и коперники, карлы великие и наполеоны, вы пушкины и шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я – бездарность и незаконность и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились".

В представлении Достоевского деньги играют в обществе (помимо сложившейся регулятивно-экономической функции) и тоталитарную роль своеобразного "великого инквизитора" так же, как и "хлебы", отнимающие у людей свободу их воли, совести и любви, с немыслимой простотой и естественностью отчуждающие их друг от друга, опрокидывающие все их взаимоотношения и связи с миром с ног на голову. Духовный антипод Достоевского – Маркс, основательно изучивший природу денежных отношений и вынужденный констатировать их подспудную дьявольскую силу, писал: "То, чего я как *человек* не в состоянии сделать, то есть чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи *денег*. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, то есть в ее *противоположность*. В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду, и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость". Не считаться с такой "перевертывающей" силой денег, полагал Достоевский, нельзя, если, конечно, не поставить себе за высшую цель низшую, то есть, говоря его собственными словами, "жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком", что "еще слишком долго будет привлекать человека на земле".

Социальные установки на "минимум" в деле духовного просветления и нравственного благоустроения людей, от которого (а не от чего-либо иного) зависят перспективы не только общественной гармонизации, но и физического выживания людей, неизбежно оказываются утопичными, ибо недооценивают греховной природы человека с его неизбывным устремлением к наращиванию имеющихся прав, собственности, власти внутри выработанного законодательства, а следовательно, к ущемлению других, ведущему к социальным взрывам.

Таким образом, вследствие изначальной слабости человека *закон* крайне необходим. Но без *благодати* он таит в себе возможности оборотнического колебания между ложью и истиной во всех сферах жизни, что подпитывает условия для перерастания равенства в неравенство, справедливости в несправедливость, мира в войну, материального процветания в духовное обнищание. "Ясно, – подытоживает Достоевский, – что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнется и остановится. Этот забор есть нравственное состояние общества, крепко соединенное с социальным устройством его".

Было бы наивно, недальновидно и вообще неверно полагать, что Достоевский был противником правовых отношений, материального благосостояния или мирного сосуществования людей. Но он видел, что социальное устройство современного ему общества да и предполагавшиеся его изменения несли в себе такую обработку челове-

ческой души, при которой создавались условия для изгнания из нее всего самого высокого, абсолютного и благородного. "Все в нынешний век на мере и на договоре, – выражает мысль автора персонаж "Идиота", – и все люди своего только права и ищут... да еще дух свободный, и сердце чистое, и тело здравое, и все дары Божии при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохранят..."

Более того, сциентистская[1] и атеистическая цивилизация казалась Достоевскому Вавилонской башней, как бы апокалиптическим итогом исторического развития. В беседе с одним из современников он так говорил о "слепых" проповедниках исторического прогресса на основе науки и абстрактных гуманистических ценностей: "Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем их прогрессам и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился и идет!" Он произнес это с таким выражением и в голосе, и в лице, как будто возвещал страшную и великую тайну... "Идет к нам антихрист! Идет! И конец миру близок – ближе, чем думают!"

Следы раздумий Достоевского хранит Евангелие, подаренное им женам ссыльных декабристов. Среди привлекавших особое внимание писателя следует отметить слова из "Откровения Иоанна Богослова" о звере с семью головами и десятью рогами, на котором восседала *жена*, которая *облечена была в порфиру и багряницу... и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее*. И на челе ее написано имя: *тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным* (Откр. 17, 4). Отметив слово *тайна* двумя чертами, Достоевский пишет на полях слово "цивилизация". В подготовительных материалах к "Бесам" имеется еще толкование этого места Апокалипсиса: "Сообразите, что значит зверь, как не мир, оставивший веру, ум, оставшийся на себя одного, отвергший, на основании науки, возможность непосредственного сношения с Богом, возможность откровения и чуда появления Бога на земле". Самочинное же развитие человека, отвергающего Бога и опирающегося исключительно на свои собственные, "гуманистические", силы и на науку, как основу творческой деятельности, должно, по логике Достоевского, обязательно закончиться антропофагией[2].

II

Для человека нового времени наука стала мировоззрением, способом отношения к действительности и ее освоения, основным инструментом умственной и практической жизни. "Необходим научный подход", "это – не научно", "наука нам поможет и подскажет, раскроет и объяснит" – мы автоматически и с полным доверием произносим привычные фразы, часто не задумываясь над границами научного мышления и действия, особенностями их содержания и влияния на окружающую среду, на сознание и душу человека. Те отрицательные последствия, в плену которых оказались современники ядерного века, как правило, являются для людей неожиданными и незапланированными и обыкновенно увязываются с несовершенством ценностного выбора среди возможных результатов такой деятельности – наука сама по себе якобы нейтральна по отношению к добру и злу.

Однако, как показывает Достоевский, уже в самой специфике научного сознания и соответствующей деятельности содержатся предпосылки определенных последствий, укорачивающих целостную личность и мертвящих живую жизнь, чреватых духовной деградацией и апокалиптическим исходом. Чтобы увидеть оборотные стороны и подводные течения в науке, нужно было быть передовым, иначе говоря – мудрым человеком. Передовым человеком, писал Гоголь, следует называть лишь того, кто видит все то, что видят другие, все другие, а не некоторые, и, опершись на сумму всего, видит все то, чего не видят другие. Достоевский, безусловно, относится к числу ясно видящих "невидимые", корневые силы природы человека и творимой им истории, чутких к скрытым до времени перспективам всякого идейного и общественного новаторства, благотворность которого зависит не столько от формального совершенствования декларативных конституций и условных законов, сколько от реального душев-

ного состояния людей и качества их духовного бытия. В громком вращении общественных колес таится неслышное действие нравственной пружины, от которой зависит все. Эта мысль И. Киреевского может служить своеобразной формулой для предсказания направления развития и проявления сути и смысла всякой человеческой деятельности, ибо *где сокровище ваше, там и сердце ваше* (Лк. 12, 34). Именно от высоты и значительности (или, напротив, низменности и ничтожества) общепринятых ценностей, от направленности сердечных помыслов, определяющих тот или иной выбор личного и социального поведения, обусловливающих его содержание и форму, зависит в конечном итоге и любой результат.

В одном из писем брату Достоевский отмечал: "Человек есть тайна, ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком". Изучение жизни людей Достоевский всегда считал своей первой целью. По его мнению, в любой общественно значимой деятельности, а в писательской особенно, "надо кореннее браться за дело", то есть глубже всматриваться в суть явлений, искать их невидимые на переднем плане, но главные причины, которые кроются в тайниках человеческой природы.

Существенную сторону "тайны человека" составляла для Достоевского научная деятельность, связанная с господством просветительского рационализма в новое время, что парадоксальным образом вносило в жизнь элементы особого иррационализма и непредсказуемого драматизма вследствие сужения объемности сознания и снижения адекватности его восприятия органических процессов природного и социального бытия. В объемном сознании, соответствующем целостности мира и включающем в себя не только интеллект, но и нравственные убеждения, сердечные склонности, огромную роль играет трудновыразимый фактор, который связывает воедино все эти силы личности и который у Достоевского выступает как своеобразная доверительно-приемлющая интуиция в отношении к бытию.

Сознание с включенным в него собирающим и единящим чувством, бессознательно-органически направляющим ход мыслей и поступки людей, он называл *сознанием-любовью*. "Сознание и любовь, что, может быть, и одно и то же, потому что вы ничего не сознаете без любви, а с любовью сознаете многое", – отмечал писатель в записной книжке.

Полнота охвата и своеобразие восприятия любящего сознания неизбежно теряются при его рационализации, когда оно отрывается, незаметно превращаясь в *сознание-ненависть*, от *чувства* и *великой мысли*, когда целостность и органичность его видения дробятся, все более суживаясь и отождествляясь затем с сугубо интеллектуальным восприятием. Такое сознание теряет общность и цельность представления, становится неспособным воспринимать полноту *живой жизни*, подгоняя ее под вырабатываемые рассудком категории, схемы и привносимые задачи.

Противопоставление сознания-любви и сознания-ненависти дано Достоевским в "Сне смешного человека", который, попав в среду безгрешных людей, был особенно удивлен отсутствием у них рационального подхода к жизни. "Мне, как современному русскому прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрешимым то, например, что они, зная столько много, не имеют нашей науки. Но я скоро понял, что знание их восполнялось и питалось иными проникновениями, чем у нас на земле, и что стремления их были тоже совсем иные. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся сознать ее, потому что жизнь их была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки, ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но не мог понять их знания".

"Современного русского прогрессиста" поражали в таком знании прежде всего широта и объемность, соответствующие восполненности жизни и питающиеся иными, чем у него, проникновениями и стремлениями. Эти проникновения и стремления заключались в непостижимой для "гнусного петербуржца" степени любви, которая

рождала познавательное бескорыстие, находившее опору в своеобразии природы и окружающих людей, а не в специфике рационалистического восприятия мира. "Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу – на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их же любовью. Они указывали мне на звезды и говорили о них со мною о чем-то, чего я не мог понять, но я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем... Казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая... У них было какое-то насущное, живое и беспрерывное единение с Целым вселенной".

Когда же "смешной человек" развратил безгрешных людей, живой путь расширенного познания, дружеского равенства и общения, единения с "Целым вселенной" сменился знакомым ему преобладанием узкоутилитарных понятий, обусловленных не менее знакомыми для него проникновениями и стремлениями к разъединению и господству, к удовлетворению беспокойных эгоистических желаний, подстегиваемых завистью и гордостью. "Пусть мы лживы, злы и несправедливы, – говорили бывшие безгрешные люди "смешному человеку", – мы знаем это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердный Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно, знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука дает нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья – выше счастья". Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унизить и умалить ее в других и в том жизнь свою полагал..."

Достоевский обнаруживает драматические отношения между научным знанием и *живой жизнью*, когда свободный от всякой любви и нравственно холодный рассудок, соответствующий лишь, как выражается герой "Записок из подполья", $^1/_{20}$ всех совокупных сил человека и не охватывающий живого процесса *живой жизни*, тем не менее стремится *сократить* эту жизнь и втеснить ее в повелительные шоры узкого и ограниченного знания. "С одной логикой, однако, – возражает Разумихин в "Преступлении и наказании", – нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести!"

Становясь верховным судьей мира и единственным мерилом всего существующего, рассудок тем самым превращается в своеобразного революционера, отторгает неподвластные его компетенции "миллионные" связи и губительно проецирует угадываемые им "случаи" на все сто процентов бытия. В русле размышлений Достоевского находится достаточно оригинальное определение революции, данное Самариным: "Революция есть не что иное, как рационализм в действии, иначе – формально правильный силлогизм, обращенный в стенобитное орудие против свободы живого быта. Первою посылкою служит всегда абсолютная догма, выведенная априорным путем из общих начал... Вторая посылка заключает в себе подведение под эту догму данной действительности и приговор над последней, изрекаемый исключительно с точки зрения первой, – действительность не сходится с догмой и потому осуждается на смерть".

Рационалистический революционаризм принимал на русской почве крайне радикальные и экстремистские формы, ибо трагически столкнулся со своим самым принципиальным противником – глубоко укорененным в русский истории и народной памяти православным сознанием. Современник и единомышленник Достоевского – Тютчев отчетливо выразил один из наиболее фундаментальных признаков исторического слома, который исподволь готовился в России в XIX веке и произошел в XX: "Революция прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть ду-

ша революции; это ее особенный, отличительный характер". Действительно общие начала, априорные догмы, формально правильные силлогизмы, составленные из посылок Ламетри, Кондильяка и Гольбаха, Бюхнера, Фохта и Молешотта, Кабэ, Оуэна и Фурье, Писарева, Чернышевского и Белинского, Бакунина, Нечаева и Маркса, осуждали на смерть прежде всего то, что принципиально не укладывалось в схемы атеизма и социализма, позитивизма и материализма, в представления о человеке как об усиленно сознающей мыши и усовершенствованной обезьяне и тем самым более всего мешало их самоутверждению и торжеству, экстенсивному развертыванию в социальной жизни.

В сознании передовых (в гоголевском смысле слова) русских мыслителей и писателей, следовавших одной с Достоевским христианской традиции, с которой научный рассудок и воинственный утилитаризм были наиболее несовместимы, всегда настойчиво вставал вопрос о разрушительных последствиях такой несовместимости и о цене прогресса и цивилизации. Тот же Тютчев писал:

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок все опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу...

Пушкин также был озабочен непростыми, неоднозначными связями рассудочного просвещения с другими сферами человеческой жизни и культуры. Размышляя в "Езерском" о том, что "нам не впрок пошли науки" и "что нашей славы звуки уж нам чужды", поэт оговаривался:

Но извините: статься может,
Читатель, вам я досадил,
Ваш ум дух века просветил...
Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюша целовальник, –
Вам все равно. Конечно, так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честию, правами –
Великодушно и умно.
Вы отреклись от них давно
Прямого просвещенья ради...

Белинский оценивал эти размышления как наивные: "Да из чего же следует, что науки пошли нам не впрок? Уж не оттого ли, что они избавили нас от дворянской спеси?.. Странное зрелище: великий поэт видит зло в успехах просвещения..."

Великий поэт конечно же видел зло не в успехах подлинного просвещения, которое просветляет душу человека, делает его более мудрым и глубоким, а в торжестве надвигающегося "полупросвещения", или "прямого просвещения", которое Достоевский назовет позднее "полунаукой". Духовная зрелость и осмотрительность Пушкина, его "уважение к преданию", неразрывно связанное с "уважением к действительности", позволяли ему рассматривать современную образованность с разных точек зрения. И в "полупросвещении", опирающемся на всепоглощающие интересы рассудочной и материальной выгоды, он обнаруживал своеобразную тиранию, подспудно усиливающую забвение "преданий старины глубокой". Поэт сожалеет:

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.

Мне жаль, что нет князей Пожарских.
Что о других пропал и слух...
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старея близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Сожалеет Пушкин конечно же не о дворянской спеси, разрушительное действие которой он проницательно раскрывал в своих произведениях и на смену которой приходили разновидности буржуазного высокомерия. Сожаление вызвано угасанием любви к "родному пепелищу" и "отеческим гробам", попранием нравственно возвышающих человека традиций и идеалов. Отсутствие их, пишет Пушкин, и вынуждает "наших так называемых ученых... заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приноровлением модных понятий к старым, давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий дух сомнения и отрицания в умах незрелых и... здравомыслящих"[3].

Дух опустошающего рассудка уже в первой половине XIX века зашел настолько далеко, что И. В. Киреевский, обеспокоенный появлением признаков "полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов", с известной долей фатализма отмечал: "Одно осталось серьезное для человека – это промышленность, ибо для него уцелела одна действительность бытия: его физическая личность. Промышленность управляет миром без веры и поэзии. Она в наше время соединяет и разделяет людей, она определяет отечество, она обозначает сословия, она лежит в основании государственных устройств, она движет народами... дает направление наукам, определяет характер образованности, ей поклоняются, ей строят храмы, она действительное божество, в которое верят нелицемерно и которому повинуются. Бескорыстная деятельность сделалась невероятною: она принимает такое же значение в мире современном, какое во времена Сервантеса получила деятельность рыцарская"[4].

Приведенные слова могут кому-то показаться ретроградным выступлением против промышленности, науки, прогресса. Однако это не так. В них проницательно и глубоко еще в самом начале бурного развития науки и промышленности ставятся те вопросы, которые особенно беспокоят нас сейчас,– вопросы о цене, значении, смысле промышленности, науки и прогресса. "...Нужно задавать себе вопрос, – настаивал А. С. Хомяков, – чей прогресс, прогресс чего именно? Иначе выйдет, что вся жизнь Римской империи до последнего дня была прогрессом; может усовершенствоваться наука, а нравы могут упадать и страна гибнуть. Может разграфляться администрация и, следовательно, по-видимому, приходить в порядок, а народ упадать и страна гибнуть. Может скрепляться случайный центр, а все члены слабеть и болеть и страна опять-таки гибнуть. Где же тут прогресс страны? Прогресс есть слово, требующее субъекта. Без этого субъекта прогресс – отвлеченность, или, лучше сказать, чистая бессмыслица"[5].

III

Возвращаясь к Достоевскому, необходимо сказать, что и он, подобно цитировавшимся мыслителям, рассматривал интеллектуальные свершения, успехи в материальном производстве, науке и технике с точки зрения подлинного прогресса, то есть пре-

одоления несовершенства внутреннего мира человека и развития его высших духовных и нравственных качеств. Он отчетливо осознает, что отсутствие христианского нравственного фундамента в основании научной деятельности неизбежно обусловливает полученные результаты. Ведь сам процесс научного познания (от фундаментальной и прикладной науки до технических новшеств и новых видов хозяйственной деятельности) имеет, как уже говорилось, гордо-рассудочный и утилитарно-эгоистический подход к природе и человеку и исключает всякие "ненаучные" вопросы о высших целях и смысле этого познания. Да и конкретный ученый для реального осуществления такого подхода должен словно потерять душу, погасить в себе все сердечное и доверять только интеллекту. В противном случае он не получит необходимых результатов, поддающихся количественному анализу и экспериментальной проверке, сокращающих полноту и глубину изучаемого предмета. И неудивительно, что научное познание, оторванное от высших духовных идеалов и подлинных нравственных ценностей, оказалось в плену низшей целей человеческого существования, развивало в людях эгоизм, зависть, жажду первенства, а первоначально бескорыстный поиск истины все чаще становился основой для воинствующего самоутверждения, личной карьеры, борьбы научных школ.

Достоевский спрашивает: "Но многие ли из ученых устоят перед язвой мира? Ложная честь, самолюбие, сластолюбие захватят и их. Справьтесь, например, с такою страстью, как зависть: она груба и пошла, но она проникнет и в самую благородную душу ученого. Захочется и ему участвовать во всеобщей пышности, во всеобщем блеске... захочется славы, вот и явится в науке шарлатанство, гоньба за эффектом, а пуще всего утилитаризм, потому что захочется и богатства..."[6].

Всепроникающий утилитаризм науки, разъедая душу и питая в ней разъединяющие людей свойства, не мог не влиять на атмосферу общества, в котором собственно человеческие понятия совести, долга, ответственности, любви, свободы, чести отступают на задний план перед неумолимыми законами природы и рассудка. "Благородное", "великодушное" – все это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова, которые я отрицаю! Все, что полезно человечеству, то и "благородно"! – заявляет один из персонажей Достоевского. Другой же герой относит к предрассудкам совесть и честь, заменяя их более точным и реальным, с его точки зрения, понятием *здравого смысла*.

Сознание, основанное исключительно на здравом смысле, видит в человеке лишь корыстные побуждения и расчеты. "В научных отношениях между людьми, – писал Достоевский о таком сознании, – и в новом нравственном порядке нет любви, а один лишь эгоизм..." Потому-то, по его мнению, "разумные научные теории не изменяют лика мира сего", ибо они основаны на эгоизме, усложняют и утончают его, утверждают господство материального интереса и отъединение людей друг от друга.

Чтобы выйти из этого замкнутого круга, наука, по мнению Достоевского, должна преобразиться и включить в свою методологию такие пока далекие от нее категории, как *совесть, милосердие, любовь*. Ибо, писал он, "без любви вы ничего не сознаете, а с любовью сознаете многое". То же самое говорил и Пушкин: "Нет истины там, где нет любви". Конечно, наука, которая включала бы в себя новые понятия, кардинально отличалась бы от нынешней, опиралась бы не только на знание, но и на высшую мудрость. И именно такая, пока фантастическая для нас, наука могла бы работать в направлении не мнимого, а подлинного прогресса.

Позитивистскую же науку, отличая ее от подлинной, Достоевский называл "полунаукой": "...полунаука, средина, образование – не надо идеала". По мысли Достоевского, ограничение познания изучением чисто эмпирических и математических закономерностей снижает возможности смыслового и ценностного познания действительности, ее более панорамного видения. "2х2 – не наука, – отмечает писатель, – а факт. Открыть, отыскать все факты – не наука, а работа над фактами есть наука и т. д."

Настоящая наука заключается, по его мнению, не в бесконечном накоплении фактов, а в абсолютном осмыслении их в свете высшего нравственного идеала. Это каса-

ется и самих эмпирических и математических законов, и научного метода как инструмента в анализе действительности.

Такое осмысление приводит Шатова в "Бесах" к нелестному для полунауки и действующего в ней "разума" выводу: "Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонились с любовью и суеверием, до сих пор немыслимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему".

Безразличие по отношению к добру и злу в полунауке сочетается с распадением целостного взгляда на мир и человека, усилением специализации наук, называемых Достоевским "научками": "У нас не науки, а до сих пор еще "научки"..."

Писатель хорошо видел пороки излишней специализации, а потому ратовал, выражаясь современным языком, за комплексный подход к изучению человека и мира, учитывающий все грани бытия. Так, прочитав в одной из газет "глупое письмо студента об отделении медицинского и юридического факультетов от естественного и историко-филологического – "что-де у них общего?", он отмечает: "Да потому-то и надо общение, что медики и юристы – лишь специальности и что мало в них духа науки, образования, культуры. Было бы духовное единение студентов, вошел бы и в медиков и в юристов высший смысл науки. Зародился бы вопрос по крайней мере. А вы хотите их еще более разъединить и специальностью необразованней сделать. Vivat, будущий чиновник!"

Однако Достоевский и его современники наблюдали не расширение горизонта знания, синтез естественнонаучных и гуманитарных наук с учетом нравственных потребностей человека, а, напротив, сужение этого горизонта, усиление необразованности "через специальность". "Все по частям проанализировали, – выражает мысль автора один из персонажей "Братьев Карамазовых", – а целое просмотрели..."

Достоевского, часто имевшего дело с врачами, особенно поражали и служили в известной степени примером позитивистского подхода дух аналитического расчленения и потеря целостного взгляда в медицине. "Специализация докторов – не знаешь, кого позвать лечиться... Один лечит нос, другой переносицу", – отмечает Федор Михайлович в записной тетради. В "Братьях Карамазовых" это ироническое замечание вырастает в критическую картину современного ему состояния медицины. "Распознать умеют отлично, всю болезнь расскажут тебе как по пальцам, ну а вылечить не умеют... – говорит черт Ивану Карамазову. – Совсем, совсем, я тебе скажу, исчез прежний доктор, который ото всех болезней лечил, теперь только одни специалисты все в газетах публикуются. Заболи у тебя нос, тебя шлют в Париж: там, дескать, европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он осмотрит нос: я вам, скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых ноздрей не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, вам там особый специалист ноздрю долечит. Что будешь делать?"

Для преодоления фаталистической зависимости между нравственным оскудением личности и мощью научно-технических средств необходимо, утверждал Достоевский, направить внимание "в некую глубь, в которую, по правде, доселе никогда не заглядывали, потому что глубь искали на поверхности". Нужен "поворот голов и взглядов наших совсем в иную сторону, чем до сих пор... Принципы наши некоторые надо бы совсем изменить...". Следует, считал он, хоть на малую долю забыть о научных подходах и прагматических интересах, сколь ни казались бы они реалистическими и насущными, и сосредоточиться на "оздоровлении корней" наших желаний, на создании условий для развития подлинного просвещения, формирующего светлую и любящую душу. Ведь, подчеркивал Достоевский, подлинный плодотворный результат любой деятельности – в том числе и научной – зависит прежде всего от "золотого запаса" благо-

родных людей с обостренной совестью, с высокими духовными и нравственными качествами, которые нельзя приобрести научными методами, словесными заклинаниями или учредить каким-либо декретом. Все эти качества воспитываются тогда, когда не прерывается связь времен, когда многовековой исторический опыт, народные традиции и христианские идеалы активно присутствуют в общественной жизни. "Деньгами, – продолжает Достоевский, – вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете. Учитель – это штука тонкая: народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, положим, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и ученых, и что же? – все-таки людей не наделаете. Что в том, что он ученый, коли дела не смыслит? Педагогии он, например, выучится и будет с кафедры сам отлично преподавать педагогию, а все-таки педагогом не сделается. Люди, люди – это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделываются, ну, а на века надо время, годков эдак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнью науки, вековым многострадальным трудом ее – одним словом, образуется всею историческою жизнью страны".

Лучшие русские люди никогда не сомневались в том, что нравственные начала являются основой всему, в том числе и правильному, гармоничному развитию науки. Нам необходимо по достоинству оценить многовековой исторический опыт, восстановить лучшие православные традиции и идеалы и относиться к ним не как к музейным реликвиям или условным символам, а как к живому источнику нравственного оздоровления общества, очеловечивания человека. Только в такой постепенно и естественно оживленной и здоровой атмосфере может проснуться в человеке желание учиться сначала жить исполненной любви жизнью, а уж потом летать.

Примечания

[1] Сциентизм – абсолютизация роли науки в системе культуры, в идейной жизни общества. – *Ред.*

[2] Людоедством, что, собственно, и произошло при коммунистическом режиме. – *Ред.*

[3] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962, т. 6, с. 194.

[4] Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979, с. 925.

[5] Чаадаев П. Я. Цена веков. М.: Молодая гвардия, 1991, с. 26.

[6] Достоевский Ф. М. Полн.собр.соч.: В 30 т. М.: Наука, 1981, т. 29, с. 124.

Б. Н. ТАРАСОВ,
доктор филологических наук

Афоризмы и мысли верующего

При современных средствах исследования природы, даваемых микроскопом и телескопом, безбожие становится грехом не только против религии, но и против разума и науки: теперь легче верить, чем не верить. Вера во всех отношениях естественнее неверия, и чем более рассеивается наукою мрак тайн природы, тем яснее открывается и ярче сияет свет веры. Вера не разрушается, а все более и более подтверждается и укрепляется наукою с прогрессом последней.

* * *

Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй (Еккл. 7, 14). Счастью человек предается без размышлений, в печальной доле инстинктивно старается помогать себе *размышлением*, когда ничего другого не остается. Если доля незавидна, она покажется тебе более сносной, когда будешь помнить, что другим живется еще хуже, и будешь представлять возможность худшего и для тебя. Размышляй и вспоминай о худшем в твоем прошлом, если таковое было, чтобы настоящее твое казалось лучше. Бедный у себя дома и в убогом углу своем, часто в голоде и холоде, будет чувствовать себя лучше, вспоминая, например, дни своего заключения в тюрьме. Лично мне тюрьма дала много в этом отношении, и одна уже мысль, что я вот теперь дома, на свободе, примиряет меня с моею бедною долею и вносит в душу успокоение и довольство.

* * *

На противоречие умному слову хватит и дурака, а на согласие нужен ум.

* * *

Реальность бытия диавола, прямо не называемого, подразумевается в романе Льва Толстого "Анна Каренина" психологическим освещением любви Анны к Вронскому, где эта любовная страсть представляется тем, что на религиозном языке называется бесовским наваждением. Анна здесь представлена игрушкой внешней злой силы со своею любовью к Вронскому, ожесточенной ненавистью к мужу и самоубийством по злобной мести любовнику за его охлаждение. "Что-то чужое, бесовское и прелестное есть в ней [Анне], сказала себе Кити" при виде Анны, танцевавшей мазурку с Вронским. "Она [Анна] чувствовала себе одетою в непроницаемую броню лжи" в своем отношении к мужу. "Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее" во лжи перед мужем. Эта невидимая сила давала себя знать и в объяснениях с нею мужа ее Алексея Александровича: "Он чувствовал, что нужно попытаться добротою, нежностью, увещанием заставить ее опомниться. Но каждый раз, как он начинал говорить с нею, он чувствовал, что тот дух зла и обмана, который овладел ею, овладевал и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел говорить. Он говорил с ней невольно своим привычным тоном, подшучивая над тем, кто бы так говорил. А в этом тоне нельзя было сказать того, что требовалось сказать ей. При виде неожиданно появившегося мужа "она, ни минуты не задумываясь, с веселым и сияющим лицом вышла к нему навстречу и, чувствуя в себе присутствие уже

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1992, № 10; 1993, № 7.

знакомого ей духа лжи и обмана, тотчас же отдалась этому духу и начала говорить, сама не зная, что скажет. – А как это мило! – сказала она, – подавая руку мужу. – Ты ночуешь, надеюсь? – было первое слово, которое подсказал ей дух обмана" (ср. по противоположности: Мф. 10, 19–20).

О чувствах к своему мужу в тоне недоумения Анна говорит: "Я слыхала, что женщины любят людей даже за их пороки, но я ненавижу его за его добродетели... Зная, что он добрый, превосходный человек, что я почти его не стою, я все-таки ненавижу его. Я ненавижу его за великодушие".

Злой дух, владевший Анной, прокрался и в ее отношения к Вронскому, постепенно расстраивая их отношения до полного разрыва: "Она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их, установился между ними злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, ни еще менее из своего сердца". И все тут, наконец, разрешилось ненавистью и желанием мести Вронскому за его охлаждение к ней, бешеною злобою, в припадке которой Анна бросилась под поезд. После одной из частных ссор и сцен ревности Анна решила, что все кончено. "И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним, ясно и живо представилась ей". Психологический анализ ведется Л. Толстым в таком тоне и выражениях, которые не оставляют никакого сомнения в том, что слова "злой дух" берутся здесь не в отвлеченном или метафорическом смысле злого настроения душевного, а в точном значении реального существа, именуемого дьяволом. Лев Толстой достаточно искусный мастер слова, чтобы вводить читателей в обман неточностью языка и неумением выразить свою мысль. В данном случае трудно было бы выразить мысль о дьяволе как-нибудь иначе, нежели как она выражена писателем, у которого на одной высоте стоят и язык, и удивительная глубина психологического анализа, знание человеческой души и способность художественного прозрения в темные глубины ее, лежащие за пределами видимого в той области, которая закрыта для близорукого научно–психологического знания.

* * *

В рассказе Льва Толстого "Дьявол" мастерски изображается, как похоть плотская, овладевая волей человека, делает его своим рабом, игрушкой, действуя вопреки разуму и воле как какая-то посторонняя ему сила, как какое-то существо, которое повелительно приказывает и человек все делает "по чьей-то чуждой ему воле". Эту чужую волю и силу, овладевающую человеком в половой страсти, Л. Толстой назвал дьяволом. "Есть дьявол, – в ужасе восклицает герой рассказа, – он овладел мной! А я не хочу, не хочу! Да, дьявол". Однако вопреки намерению автора в приведенном им случае можно и не увидеть доказательства бытия дьявола, когда здесь по-христиански все может объясняться действием "закона греха" или внутренним нравственным раздвоением в душе человека при ее падшем состоянии (согласно Рим. 7, 15), *ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю.* Конечно, сила этой врожденной слабости воли и склонности ее ко злу может увеличиваться влиянием (внешним) также и темной силы, но последнее не обязательно.

Поэтому если Л. Толстой предполагал психологическим анализом запутавшейся в сетях страсти души привести читателя к мысли о дьяволе, то этим рассказом цель его не достигается.

В рассказе Л. Толстого "Что я видел во сне?" не менее ясно выражается мысль автора показать участие в половой любви злой силы словами: "Она и сама не знает, как и когда началось это страшное заражение взглядами и улыбками, как, когда из-за этих улыбок выступил дьявол, в одно и то же время схвативший их; но когда она почувствовала страх перед дьяволом, невидимые нити, связывающие их, были уже так переплетены, что она чувствовала свое бессилие вырваться из них". Однако мысль эта здесь не обставлена надлежащим психологическим анализом и производит впечатление произвольного утверждения, хотя в конце концов остается впечатление, что Л.

Толстой склонен признавать реальное бытие дьявола как злого существа.

Заглавие рассказа остроумно придумано автором на случай возражения тех "образованных" читателей, которые любят украшаться отрицанием "суеверия" в дьявола и которые могли бы сказать автору: "Откуда тут в рассказе взялся дьявол?"

Во внутреннем опыте внимательных к духовной жизни людей имеются более решительные и убедительные доказательства бытия дьявола, чем представленные Л. Толстым и, по-видимому, оставшиеся ему неизвестными. Однако если не для демонологии, то для психиатрии ценным можно считать воззрение Л. Толстого на половую любовь как на явление не совсем психически нормальное.

* * *

Религия обладает способностью собирать в цельное органическое единство, называемое личностью, все разрозненные духовные силы человека, заставлять звучать их стройным гармоническим аккордом или цельным гимном во славу Божию, где мысль, чувства, желания и любовь – все в душе человеческой объединяется в Боге как в своем центре.

* * *

Два вечных и опасных для нашей веры источника искушений и испытаний заключены в самой природе человека как разумно-чувственного или духовно-телесного существа – это чувственность и разум. Для чувственности нет истины вне фактов, прямо поражающих внешние чувства. Признавая истину лишь осязаемую, она знает только ту правду, которая торжествует видимо в фактической действительности. Ей непонятны добродетель без блаженства, заслуга без награды, достоинство без успеха, истина без признания; ей чужды и ненавистны терпение, смирение, кротость и непонятен крест. Крест – соблазн для низшей, чувственной стороны нашей природы.

Другой источник искушений для веры лежит в разуме с его требованием ясности, доказательности, логической очевидности. И все не вмещаемое разумом для него кажется безумием. В том и другом случае отрицается вера, которая есть *уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11, 1).

* * *

Христианство не учит нас презрению к миру, оно предостерегает только от привязанности к миру как к бытию тленному и преходящему. Оно учит нас бессмертную и богоподобную душу ставить выше мира сего и не продавать ее ни за какие блага в мире. Отрицается не мир сам по себе, а грех, все то в мире, что делается для нас высшим благом вместо Бога и чем разрывается связь с Богом.

* * *

Происхождение христианства из язычества неверующими устанавливается путем указания на аналогии, главным образом, в области учения и культа. Вся кропотливая работа таких исследователей превращается в нуль по той причине, что она выявляет совершенное непонимание христианства, которое сводится только к учению и к культу, но христианство не исчерпывается этим. Неверующие могут воспринимать в христианстве лишь малую часть, им доступную, и то в исковерканном виде. Учение, во–первых, не исчерпывается христианством, и, во–вторых, заключено оно не в одних словах Христа и Его апостолов. Христианство во всей полноте своего содержания заключено в Лице Самого Иисуса Христа. Христианство не есть учение и культ, а есть явление Бога во плоти и новая жизнь, созданная этим явлением. В христианстве все связано со Христом, и Он есть Истина, Путь и Жизнь.

Иисус Христос учит истине самою Своею Личностью, поскольку в откровении Божества открывается людям истина религиозная о Боге (см.: Евр. 1, 3; Ин. 17, 4, 6, 15, 15 и др.) и в Сыне Человеческом – истина о человеке. Христос – Путь к той высо-

кой цели, которая поставлена людям, народам и человечеству, и никто не приходит к Отцу, как только через Христа (ср.: Ин. 14, 6). Во Христе вновь восстанавливается разорванное первородным грехом единение человечества с Богом, примирение, искупление, спасение.

Христос, наш Спаситель, Искупитель, и христианство, как религия искупления, неразрывно связаны с Личностью Христа. Христианство есть полное, живое, органическое единение людей со Христом. Нравственное, духовное единение со Христом устанавливается верою во Христа, любовью ко Христу и Его учению, подражанием Христу. Реальное единение со Христом происходит через получение благодати Духа Святого (единение реально-духовное), и особенно через Таинство Евхаристии (единение духовно-телесное). Единение со Христом, достигаемое только в Церкви живыми членами ее, рождает ту новую духовную жизнь, которая неожиданно озарила мир с явлением Христа.

* * *

Все страдания, весь ужас мучений неверующей и сомневающейся души не в том ли состоят, что все и всякие сомнения религиозные до Воплощения Сына Божия должны были разрешаться на шаткой и неверной почве слабого человеческого рассудка, на почве философских умозрений, путем рациональным? Метафизика сделала все необходимое для спасения высших, заветнейших идей человеческого духа, проявляющегося в благородных порывах любви к истине, к Богу и человеку. Она дала рациональные доказательства бытия Божия, духовности и бессмертия души. Но, как показал опыт, метафизика не дала и не могла дать твердых и непоколебимых основ в нашем уме миру духовному. Тут нужно было, кроме рассудка, нечто другое, более надежное и очевидное, нужен был очевидный исторический и осязаемый факт для спасения в нашей душе мира идеального, нужна была эмпирическая точка отправления и основа религиозного знания.

Все это сделано Воплощением Сына Божия, явлением Бога во плоти на земле. Отныне вера наша восходит на степень знания и не требует умозрительных оснований и доказательств. Если спросят нас, есть ли Бог, есть ли добро, истина, есть ли грех и искупление, есть ли мир духовный и душа, мы не будем долго рассуждать и укажем только на Того, в Ком дан ответ на все. Кто из неверующих претендует на полное решение истины, тот должен поэтому теперь считаться с великим историческим фактом Воплощения Сына Божия.

* * *

Многие из ищущих веры довольствуются одним желанием веры и ничего не предпринимают для ее приобретения, находясь как бы в ожидании, что вера придет к ним как-нибудь сама. Это – печальная ошибка: веру надо завоевать также и своими усилиями и трудами, а не ожидать ее с неба, хотя она есть также и дар Божий.

Лучший и испытанный способ выйти из бесплодного состояния бездействия – это упражнение в вере или искусственное воспроизведение в себе веры путем исполнения всего, требуемого верою, как, например, чтение слова Божия, молитва, посещение богослужения, исполнение всех христианских обязанностей. Все это ведет к возбуждению и оживлению скрытого в душе ростка веры или дремлющего в ней религиозного сознания, врожденной религиозной способности. Многие таким путем упражнений пришли к вере, многие из тех, в которых уже положено было начало новой жизни искренним и сильным желанием веры.

* * *

Вера имеет разные степени совершенства. Вера бывает сильная и слабая, твердая и колеблющаяся, живая и мертвая (сухая, теоретическая), полная и неполная. Какова же моя вера и нет ли какой-либо верной мерки для определения моего религиозного состояния, степени моего религиозного совершенства?

Такая мерка есть. Она дается в религиозной гносеологии (науке о религиозном знании) учением о трех ступенях христианской веры и знания. По этому учению всякая религиозная истина представляется нашему уму как истина или возможная, или необходимая, или действительная. Признание возможности истины есть первая, низшая ступень в познании ее, признание необходимости ее – средняя, а признание действительности ее – высшая и завершительная ступень знания. Познание истины на первой ступени носит рассудочный или теоретический характер, и вера здесь является доверием или принятием истины в силу оснований, признаваемых нашим разумом достаточными (как, например, свидетельство Священного Писания, Священного Предания и рациональные доказательства от разума). Здесь, на первой ступени, истина веры покорно принимается разумом как не противоречащая ему, как истина возможная.

Большую степень достоверности истина приобретает на средней ступени христианского знания. Здесь истина веры принимается в силу внутреннего согласия ее с душою по причине соответствия общему складу личности; ее стремлениям, характеру, направлению воли, и тогда вера получает сердечный характер внутренней непосредственной уверенности (см.: Евр. 11, 1).

На первой ступени для принятия истин веры нужен чистый от заблуждений ум, очищенный от ложных понятий и учений, нужна умственная подготовка. На второй ступени требуется нечто более трудное, а именно: нравственная подготовка к восприятию религиозной истины, нужно чистое от греховного осквернения сердце, способное впитывать и любить религиозные истины. На третьей ступени требуется больше любви к христианской вере, здесь нужна вся жизнь, согласная с христианской верой, переживание истин веры в собственном внутреннем опыте. Здесь познание истин веры поднимается на высоту знания, полученного через чувственное восприятие, и вера на завершающей ступени принимает эмпирический, опытный характер.

Идеал религиозного совершенства заключается в одновременном гармоническом сочетании или совмещении всех трех ступеней христианского знания, когда истина принимается умом, сердцем и волею (осуществляется жизнью), и тогда вера одновременно делается разумною, сердечною и опытною.

Приведу несколько примеров. Истина бессмертия может быть воспринята слепою верою и быть на положении бессознательного инстинкта в душе человеческой, но когда она делается предметом религиозного знания, то в этом последнем являются все три стадии познания всякой истины. Бессмертие возможно для ума, не засоренного заблуждениями материализма и пантеизма, желательно или необходимо для сердца чистого, не загрязненного грехом чрезмерной привязанности к земному, и действительно для внутреннего чувства человека, живущего жизнью бессмертного духа в непрерывном единении с Богом. Или вот другой пример – Божественная Личность Христа, вера во Христа. Для неомраченного заблуждениями ума Христос – свет ума; для чистого сердца – Он жизнь, предмет любви и цель всех желаний, а для живущего во Христе или для внутреннего христианского опыта – Христос живое Существо, живущее с нами и в нас, в сердцах наших (см.: Гал. 2, 20; Еф. 3, 17; Мф. 28, 20; Ин. 17, 21–23). Другими словами, Христос, каким Он дан вере Евангелием, возможен, безусловно нужен человечеству и Он есть.

И еще один пример в разъяснение сказанного. Молитвою выражается и осуществляется общение человека с Богом – вот основная истина религии. Для ума, не омраченного пантеизмом, знакомого с фактами телепатии и имеющего другие основания, молитва, в смысле живого и действительного общения духа человеческого с Божественным Духом – вездесущим и всемогущим – возможна; для созданной по образу Божию души, стремящейся к своему Первообразу, она необходима, и она действительна для имеющих молитвенный опыт услышания молитв и соприсутствия Божия нам во время молитвы, так что для религиозного опыта взаимодействие и взаимообщение Бога и человеческой души в молитве есть факт непосредственного внутреннего переживания.

В религии идея Бога, кроме рассудочных научно-философских доказательств,

имеет еще более твердые основания в религиозном опыте. Христианская религия дает особенно много в этом отношении. Христианство ввело Бога в душу человеческую и установило в ней связь с Божеством жизнью во Христе. Кроме этого, христианство дало и внешнее эмпирическое доказательство бытия Божия историческим явлением Бога во плоти, жизнью Христа на земле. Путей к вере в Бога много, и пустою отговоркою надо считать жалобы неверующих на то, что доказательств бытия Бога нет.

* * *

Потерей веры, разрывом связи с Богом создается то душевное состояние, над изображением которого с успехом трудится безрелигиозная литература. Здесь, в мире забывших Бога, бесконечной вереницей тянутся перед нами живые мертвецы, трупы, пропитанные сознанием бессмысленности жизни, чувством пустоты и отчаяния. Нам, христианам, знающим, что душа сотворена по образу и подобию Божию, совершенно ясна причина всех зол, порождаемых неверием, и его мучительность для души: атеизм есть разрушение, или отрицание души, созданной по образу Божию: отсюда его противоестественность и ненормальность, его противоречие духовной природе человека. Вместе с Достоевским и некоторыми врачами, в согласии с фактами я отношу атеизм к явлениям психопатологии. Попытки серьезного отрицания Бога *не на словах, а на деле* не по плечу такому хрупкому и ничтожному существу, как человек. Они ведут одних к самоубийству, других – к безумию.

* * *

Поймать мысль или чувство словом, выразить их словом часто значит только спугнуть их, заставить исчезнуть бесследно из души. Не всегда уместно говорить даже при избытке чувств, иногда лучше помолчать для сохранения этого избытка и во избежание обеднения сердца.

* * *

Люди никогда не сходятся друг с другом на основании только общности взглядов, и едва ли есть два человека, которые думали бы одинаково. У людей есть инстинкт сходиться по любви, и именно поэтому нередко сходятся люди различных мировоззрений. Любовь способна объединять разнообразное, развивая в человеке такт самоограничения.

Единением проявляет себя любовь не только в общении людей, но и во внутренней жизни личности; она – фокус, в котором собираются воедино все акты душевной жизни, все ее силы и способности. Любовь собирает около себя мысль, чувство, волю и поведение человека, она концентрирует жизнь духа.

* * *

Понижение нравственного чувства справедливости, чувства долга и правосудного воздаяния, в крайнем развитии доходящее до полной утраты понимания греха и преступления, до отрицания совести, – характерная особенность нашего времени, заметная не только в христианстве, но и в праве, и в педагогике. Эта опасная и разрушительная для жизни черта в настроении безрелигиозного (или псевдохристианского) мира есть результат продолжительного и опустошительного действия в духовной сфере ряда учений, связанных с понижением чувства нравственной ответственности и омрачением совести, с отрицанием свободы воли и понимания греха как вины или преступления. Именно эти особенности характерны для двух крайних типов воззрений на человека, в которых человек представляется или богом, или скотом. Ницшеанство, теософия, антропософия, пантеизм, материализм – все эти учения ставят целью борьбу с совестью как с предрассудком, полное ее истребление вместе с верою в Бога и оправдание греха до полного его отрицания.

* * *

Что такое смерть, определенная для каждого из нас? Переход ли это к иной жизни или же полное уничтожение человека? С положительным ответом на этот вопрос наша земная жизнь приобретает ценность и смысл, с отрицательным – превращается в бессмыслицу, с отсутствием ответа – делается загадкой, а равнодушие к этому вопросу всякого человека делает скотиной.

* * *

Земля без неба ни в коем случае не может быть раем для человека. Без веры в бессмертие земли – ловушка, темница для человека, сплошное отрицание и оскорбление всех заветных и неодолимых, в самой природе человека начертанных стремлений к истине, счастью и добру; кладбище из похороненных им надежд и планов; непрерывный ряд разочарований и не доведенных до конца предприятий и трудов. И сам человек без завершения своего развития за пределами этой земли есть существо незаконченное, только начало чего-то лучшего.

* * *

Без веры в бессмертие человек не только жалкое и несчастное, но и просто глупое существо, если только он вздумает изображать из себя нечто высшее по сравнению с животным. Если одна участь ожидает и человека, и червяка, то человек не только не имеет никакого преимущества перед червяком, но даже несчастнее и глупее червяка. Червяк хоть не корчит из себя божества, как это делают неверующие сверхчеловеки-богоборцы. Обреченный на одну участь с червяком, человек становится глуп, когда забывает о своем ничтожестве и в гордых мечтах возносится до самообожествления.

* * *

Как бы ни было трудно для нас подчинение воле Божией при нашем разногласии с ней, однако в нем наше спасение, счастье, сила и покой.

* * *

С внешней стороны жизнь наша складывается далеко не в полной зависимости от нас, но в своем внутреннем значении или в сущности своей жизнь бывает тем, чем мы делаем ее сами. Для христианина жизнь есть следование к вечности или к царству Божию аскетическим путем земных скорбей, а для неверующих – бессмыслица, "нудная канитель", с которой иные из них кончают самоубийством. Разумный смысл жизнь имеет не сама по себе, а в разумном сознании человека. Говорить, что жизнь пуста, – значит выдавать нелестный аттестат самому себе: она пуста только для пустых душ, лишенных разумного представления о жизни.

* * *

Что такое христианство? По рационалистическим представлениям, христианство есть моральное учение, проповедь любви. В схоластическом богословии христианство является еще и догматическим учением веры и нравственности. В мистических течениях богословия христианство трактуется как внутренняя жизнь души в ее единении с Богом во Христе, которое устанавливается личною верою без посредства Церкви с ее догматами и другими спасительными установлениями. Во всех этих случаях христианство представлено неполно. Христианство есть жизнь верующих в тесном единении их со Христом в Церкви – организме христианской жизни.

* * *

Покорность Богу, полная и совершенная, проявляется в плодах ее. Покорность ума – доверие, вера; покорность сердца – надежда; покорность воли – долг. А результаты этой покорности – знание, счастье, святость, любовь.

* * *

В чем заключается главное условие правильного и плодотворного чтения Библии вообще и Евангелия в частности? Евангелие правильно читается только в свете веры. Евангелие становится темным для принимающих его одним голым рассудком, одною головою, особенно если голова эта засорена предвзятыми мнениями и ложными понятиями.

* * *

Всеведение в таком ограниченном существе, как человек, было бы для него несчастьем: предвидение убивало бы в нас свободную волю и энергию, связывало бы нашу свободу. При всеведении не оставалось бы никакого места для индивидуального творчества личности, отсутствовала бы возможность выбора для воли, деятельность человека утратила бы свой нравственный характер. Только в абсолютно совершенном существе всеведение не ограничивает свободы.

Точно такой же результат получился бы и в умственной деятельности, если бы осуществилась мечта позитивизма и рационализма о полном изгнании из познания всего неясного и непостижимого. Позитивизм убивает оригинальность мысли, подавляет творчество стремлением свести все человеческое знание к сумме определенных и общеобязательных истин. В неведении, в неполноте нашего знания – наша сила и счастье. Не в этом ли источник жизнерадостной энергии юного человека, для которого будущее представляется чем-то неизвестным и загадочным?

В условиях земного существования пока нет места совершенному знанию, ясному видению, ибо теперь *мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. 13, 12), *верою познаем* (Евр. 11, 3) *и ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5, 7).

* * *

Атеистическая история христианства лишена ценности не только в религиозном, но и в научно-историческом смысле. В ней нет точного, правдивого воспроизведения и объяснения евангельской истории. Христианство, сверх видимой исторической стороны своей, доступной для наблюдения и изучения даже неверующим, имеет важнейшую невидимую сторону, просветленную явлением и откровениями Христа, а также знанием чрез Его посредство о новой, Божественной, Вечной жизни. Вот эта-то сторона христианства и закрыта для плотских очей и невозрожденного разума человека, но открывается христианскому уму и вере (Ин. 7, 17; 1 Кор. 2, 14–16).

Неверующие, по выражению Апостола Павла, знают Христа по плоти только (2 Кор. 5, 16) и изображают исторические события Его жизни и деятельности лишь в их внешней связи, т. е. всецело заняты скорлупою Евангелия, но самое важное в Евангелии им недоступно. Плотскому уму в видимом и внешнем не открывается внутреннее и невидимое: Божественное – в Иисусе из Назарета, человеческое – в Богочеловеке.

Чтобы научно-историческое "осязание" христианства привело к его пониманию, к вере Фомы, необходимо чистое сердце Фомы, готовое к восприятию истины, и чистый, не засоренный предвзятыми мнениями ум. Этого как раз и недостает неверующим историкам (Ренан, Штраус). Они приступают к изучению евангельской истории с предвзятыми мнениями о невозможности сверхъестественного откровения и Боговоплощения и превращают Евангелие в средство для оправдания своих предвзятых мнений, своего мировоззрения, не укладывающегося в рамки христианской исторической действительности.

Грубая ошибка думать, что ключ к Евангелию лежит во внешней учености, без предварительной духовной и религиозно-нравственной подготовки к нему. Христа нельзя принимать только головою, Его можно принять только всем существом, всею душою. Со Христом реально вошла в этот видимый мир новая духовная жизнь, сосредоточенная в Церкви как очаге ее. Что же может видеть и понимать в христианстве стоящий вне этого мира, вне новой духовной реальности, созданной явлением Христа в мире?

* * *

Весь запутанный для несведущих вопрос о теософии, стремящейся заменить собою христианство, сводится к одному вопросу: Христос или Будда? Европа или Азия?

* * *

Если смысл нашего земного существования заключается в постепенном умирании для земного, в приготовлении к вечности для успешного выхода из этого мира в высший мир вратами смерти, то жалобы на все скорбное и горькое в жизни являются делом недоразумения. Если смерть нужна и есть благо, то, хоть и тяжело, надо принимать смерть спокойно, с полным сознанием необходимости и целесообразности земных скорбей. Преодолеть смерть поэтому – значит преодолеть страдания в мире.

* * *

"Убежденный" атеизм, догматически отрицающий бытие Божие, может быть объяснен просто религиозно-философским невежеством. Научно-философская мысль переросла к настоящему времени детский период легкомысленного догматического атеизма XVIII века, который теперь является анахронизмом для философски развитого ума. Прежний наивный атеизм переродился теперь в скептицизм. Но совершенно очевидно, что скептицизм и атеизм – не одно и то же: скептицизм не отрицает бытия Божия и не отвергает Его, сомневаясь вообще в возможности решения подобных вопросов и даже в возможности познания вообще.

* * *

Зачем обращаться к Богу с молитвой и прошением, если Он знает и без нас все наши нужды? На этот вопрос ответим вопросом: что стало бы с нами, если бы все нужное приходило как-то само собою? Мы сделались бы бесчувственными и неблагодарными существами и совершенно забыли бы о Боге, Источнике всех благ. Необходимо, чтобы из-за отсутствия нужного нам мы вспоминали бы о Боге и обращались к Нему с молитвой. Нам и без того дается даром главное – жизнь и все нужное для жизни. Если мы перестанем чувствовать благодарность Богу, считая все это естественными явлениями, как бы законом природы, мы перестанем чувствовать Бога: тогда и чудеса в нашей жизни мы станем считать естественными явлениями. Но когда чудеса явно следуют за нашими молитвами, в ответ на них, тогда мы вынуждены бываем видеть в них действие силы Божией, отчего получаем напоминание о Боге, укрепляемся в вере и любви к Нему. Чувство зависимости нашей от милости Божией для веры необходимо.

Но здесь необходимо отметить вредность расхожего воззрения на молитву, ограниченную прошением, не как на самоцель и благо, а только как на прошение, средство что-либо выпросить, получить от Бога. Как неверно такое упрощенное представление! В катихизисе по этому поводу сказано, что в молитве "христианин должен, во-первых, прославлять Бога за Его совершенства; во-вторых – благодарить Его за Его благодеяния; в-третьих – просить его о своих нуждах. Посему три главных рода молитвословий (по их содержанию): Славословие, Благодарение, Прошение".

Профессор протоиерей Павел СВЕТЛОВ

(Продолжение следует)

• В августе состоялось празднование 680-летия Толгского монастыря. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, прибывший на торжество 20 августа, в тот же день совершил во Введенском соборе Толгского монастыря у чудотворной Толгской иконы Божией Матери и у мощей святителя Игнатия Брянчанинова всенощное бдение в сослужении митрополита Минского и Слуцкого Филарета и епископа Ярославского и Ростовского Михея.

21 августа, в день празднования Толгской иконы Божией Матери, Святейший Патриарх Алексий II совершил во Введенском соборе обители торжественную Божественную литургию в сослужении тех же архиереев, а также архиепископа Костромского и Галичского Александра.

Предстоятель Церкви возглавил крестный ход по монастырю и молебен в знаменитой кедровой роще, на месте явления Толгской иконы.

В своем слове Святейший Патриарх Алексий II подчеркнул, что восстановление Толгского монастыря является символом того "собирания разбросанных камней нашей истории, к которому нас призывает время".

• 25 августа Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II посетил Ново-Иерусалимский монастырь – одну из самых знаменитых в российской истории обителей, воздвигнутую на берегу реки Истры по благословению Святейшего Патриарха Никона. В реставрируемом Воскресенском соборе монастыря Патриарх Алексий II совершил молебен. На обратном пути в Москву Святейший Патриарх Алексий II посетил Аносинскую женскую пустынь в селе Аносино Истринского района Московской области, где ознакомился с ходом реставрационных работ.

• 7 сентября в здании московской мэрии состоялось учредительное собрание Общественного наблюдательного совета по воссозданию храма Христа Спасителя. На нем присутствовали видные общественные, религиозные деятели России, художники, писатели. Председателем Совета был единодушно избран Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

На месте будущего храма уже ведутся строительные работы.

• 6–13 октября впервые после своего избрания на Патриарший престол Патриарх Сербский Павел посетил с ответным официальным визитом Русскую Православную Церковь...

Утром 8 октября, в день памяти Преподобного Сергия, игумена Радонежского, Патриарх Алексий II и Патриарх Павел в сослужении иерархов и клириков Русской и Сербской Православных Церквей совершили Божественную литургию в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры. После праздничного молебна на Лаврской площади Первоиерархи и сопровождающие их лица проследовали в Патриаршие покои. Здесь в Тронном зале Патриарх Алексий II вручил Предстоятелю Сербской Православной Церкви Орден святого апостола Андрея Первозванного. Орденами Русской Православной Церкви были также награждены сопровождавшие Патриарха Павла лица. Затем высокие гости посетили Московские Духовные школы, где им был оказан радушный прием...

10 октября в городской резиденции Патриарха Московского и всея Руси в Чистом переулке состоялась заключительная встреча двух Первоиерархов, на которой при участии членов Синода Русской и Сербской Православных Церквей были завершены переговоры, проходившие в Белграде и Москве.

Тему переговоров составил широкий круг богословских, литургических и канонических вопросов, относящихся к богослужебной и дисциплинарной сторонам церковной жизни. Оба Предстоятеля были единодушны в том, что касается литургической практики, присущей двум славянским Церквам. Они высказались за укрепление канонического порядка в Церкви и в полном единомыслии с членами Синодов осудили раскольнические действия македонских и украинских автокефалистов, подрывающие единство Православия в столь сложный период его исторического бытия. Оба Первоиерарха были согласны с тем, что распад Советского Союза и Югославии никоим образом не должен

повлечь за собой нарушение канонического порядка и разделение Русской и Сербской Православной Церквей.

Предстоятели осудили действия иных конфессий и сект, которые, используя трудное экономическое положение наших народов и образовавшийся после крушения марксизма мировоззренческий вакуум, пытаются оторвать от Православия тех, кто связан с ним своими корнями...

Придавая важное значение отношениям между Русской и Сербской Церквами, стороны договорились об открытии Подворья Сербской Православной Церкви в Москве и о расширении деятельности Подворья Русской Православной Церкви в Белграде...

Патриарх Сербский Павел и Патриарх Московский Алексий II единодушны в том, что необходимо немедленное прекращение военных действий в Боснии и проведение мирных переговоров между участниками конфликта. Свою точку зрения Предстоятели братских Церквей зафиксировали в подписанном ими коммюнике. Вечером 10 октября Патриарх Павел с сопровождающими его лицами отбыли в Киев.

• Патриарх Московский и всея Руси Алексий II направил обращение к Конференции ООН по народонаселению и развитию, которая состоялась в Каире 5-13 сентября.

В своем обращении Его Святейшество подчеркивает: "Позиция Православной Церкви заключается в том, что никто не должен использовать какие бы то ни был формы насилия – законодательного, психологического и тем более физического, – дабы принудить супружеские пары отказаться от рождения детей. Еще большим насилием над жизнью и природой человека стало бы поощрение государством абортов, признание их нравственно приемлемым средством планирования семьи и чуть ли не фундаментальным правом человека".

• К принятию первых насельников готовится возрождаемый Борисоглебский монастырь в Торжке, связанный с именами новоторжских преподобных Ефрема и Аркадия.

• Здание построенной в 1780 году зодчим Ю. М. Фельтеном в память о победе над турецким флотом церкви Рождества Иоанна Предтечи полностью возвращено верующим Санкт-Петербурга. Церковь, закрытая в 1919 году, до последнего времени являлась филиалом военно-морского музея.

• По решению Координационного комитета по взаимодействию между Вооруженными силами России и Русской Православной Церковью с 25 по 27 октября в Москве прошла конференция "Православие и Российская армия". На этом форуме обсуждались опыт и перспективы взаимодействия армии и Церкви в области патриотического и нравственного воспитания, духовного просвещения военнослужащих и другие вопросы.

• В городе Барнауле открылся первый на Алтае женский монастырь, в котором, по установлению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, будет 50 насельниц.

• Возобновила свою деятельность православная школа народного искусства императрицы Александры Федоровны, находящаяся на набережной Обводного канала Санкт-Петербурга.

• По просьбе администрации г. Зеи Амурской области, общественности и православных верующих 14 августа совершена торжественная закладка фундамента под строительство будущего храма в честь Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца. Богослужение возглавил Преосвященный Гавриил, епископ Благовещенский и Тынденский.

• 28 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, в новом микрорайоне Смоленска состоялось освящение места и закладка камня в основание нового храма в память святых новомучеников Российских. Молебен отслужил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

• С 3 по 6 сентября Преосвященный епископ Благовещенский и Тынденский Гавриил посетил один из отдаленных приходов своей епархии – г. Тынду. Он совершил богослужение в приходе Святой Троицы, освятил место для закладки собора и водрузил Святой Крест. Состоялись встречи епископа Гавриила с главой администрации города М. Б. Шульцом и с начальником Байкало-Амурской железной дороги С. М. Бабаевым, на которых обсуждались

вопросы финансирования строительства собора. По просьбе руководства городской гимназии Владыка провел беседу с гимназистами и ответил на вопросы, интересующие современную молодежь. На этой встрече был решен вопрос об участии местного священника в жизни гимназии и открытии библиотеки духовной литературы, которую будет высылать Епархиальное управление.

• По благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна при Санкт-Петербургской организации Союза писателей России образовано Общество православных писателей. Общество ставит своей целью сближение творческой интеллигенции с Русской Православной Церковью. Членами Общества могут быть профессиональные литераторы, являющиеся верными чадами Русской Православной Церкви.

На организационном собрании избран Совет Общества под председательством писателя В. Максимова, разработана и программа действий. Окормляет творческое объединение настоятель Спасо-Нерукотворного храма на Конюшенной площади отец Константин Смирнов.

• По сообщению Канцелярии Московской Патриархии на октябрь 1994 года в Русской Православной Церкви насчитывается более 15 000 храмов (до 1000-летия Крещения Руси их было 6800). В г. Москве сейчас 234 храма, в которых совершаются богослужения (было 46). Кроме того, объявлено о передаче Церкви 88 храмов, которые еще не освобождены.

• 27 сентября состоялся первый молебен в храме Святителя Николая, что в Дербеневе. Богослужения в храме возобновились по инициативе православной общины военных, которая во главе со старостой храма – майором Куликовым –добилась его возвращения Русской Православной Церкви.

• В Саратовском высшем военном инженерном училище химической защиты освящен армейский храм в честь святого благоверного князя Димитрия Донского. На открытии храма присутствовали начальник войск радиационной, химической и биологической защиты генерал-полковник Станислав Петров, руководство училища, офицеры и курсанты. Освятил церковь, расположенную на месте разрушенного в 30-е годы Спасо-Преображенского мужского монастыря, архиепископ Саратовский и Вольский Нектарий.

• 12–14 октября в Смоленском межъепархиальном Духовном училище проходила международная конференция "Духовное просвещение в России. История и современность". Конференция была подготовлена Смоленским Духовным училищем совместно со Смоленским гуманитарным университетом.

• По приглашению и под председательством Святейшего Патриарха Алексия II 20 октября в Патриаршей резиденции в Свято-Даниловом монастыре состоялось очередное заседание Совета попечителей многотомного издания "История Русской Православной Церкви". Ожидается, что первый том этой серии, публикуемый издательством Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, выйдет в свет к концу года.

• Традиции древнерусского искусства иконописи развивают мастера коллектива "Злата" из г. Покрова Владимирской области. Свое название коллектив получил в честь Златы Сергеевны Яхлаковой, представительницы старинного рода князей Углицких, в котором немало было служителей Церкви. Восемь ее детей и образовали этот коллектив, в котором и поныне многие его члены связаны родственными узами

ЛР № 030587 от 29.12.93
Подписано в печать 29. 12. 94. Заказ
Индекс 71157; Тираж 10.000 экз.; формат 70 х 108/16
Бумага книжно-журнальная. Усл. печ. л. 12,6
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ, ПОПИРАЮЩИЙ ДИАВОЛА

Икона письма Симона Ушакова, 1676 год

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ